

ЧЕЛОВЕК

В КУЛЬТУРЕ

Александра Архипова

Радио ОБС, птица Обломинго

**и другие
языковые игры
в современном
фольклоре**

Москва
2014

УДК 616
ББК 534
А87

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

*Исследование выполнено
при поддержке Российского научного фонда
(проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора
как модель культурной традиции:
сравнительно-типологическое исследование»).*

ТРАДИЦИЯ — ТЕКСТ — ФОЛЬКЛОР: ТИПОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА

Ответственный редактор серии С.Ю. Неклюдов
Научный редактор книги А. Ч. Липерски

Архипова А.С.

А87 Радио ОБС, птица Обломинго и другие языковые
игры в современном фольклоре / А.С. Архипова. — М.:
ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 176 с.

ISBN 978–5–91134–867–0 (ФОРУМ)

Желая сообщить о непроверенном статусе информации,
мы говорим: *по сообщению радио ОБС* («Одна баба сказала»),
когда мы хотим сказать, что планы провалились, мы сообщаем:
прилетела птица Обломинго. При том, что мы сталкиваемся
с различными явлениями этого типа каждый день, до сих пор
не существует исследований (кроме данной книги), посвященных
изучению языковых игр в русском современном фольклоре.

Книга рассчитана на антропологов, лингвистов, фольклористов,
культурологов и всех, кого интересует современный городской
фольклор.

УДК 616
ББК 534

ISBN 978–5–91134–867–0 (ФОРУМ) © А.С. Архипова, 2014
© Издательство «ФОРУМ», 2014

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	9
Язык НЕПО: Языковые игры в современном фольклоре	10

Часть первая МЕЖДУ АББРЕВИАТУРОЙ И ТЕКСТОМ

Глава I Чик и Пампуш: ПОЧЕМУ АББРЕВИАТУРЫ СТАНОВЯТСЯ ОБЪЕКТОМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ?	17
Глава II ОТ АББРЕВИАТУРЫ К ТЕКСТУ И ОБРАТНО	27
Глава III ВХОД И КОТ КАК АНЕКДОТ	43
Глава IV ОТ САРАФАННОЙ ПОЧТЫ К РАДИО ОБС.	61
Глава V СОФЬЯ ВЛАСЬЕВНА И ЕЕ ДРУГ, Г.П. УХОВ	81

Часть вторая ИМЕНА-ИМИТАТОРЫ И ПСЕВДОЭТНИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Глава VI	
Рулон Обоев и Газон Засеян: классификация имен-имитаторов и псевдоэтнических номинаций	100
Глава VI	
Судьба летчика Ли-си-цына	135
Глава VII	
Птица Обломинго на празднике Обломайтис . . .	142
Глава IX	
От чулки к Чебурашке	148
Литература и источники	156
О серии книг «Традиция—текст—фольклор: типология и семиотика»	170

Благодарности

Я хочу выразить мою сердечную благодарность за помощь в написании этой книги, поиск примеров и консультации моим друзьям и коллегам: Д.А. Антонову, А.М. Ахметовой, М.И. Байдуж, О.В. Беловой, Е.Л. Березович, Пирет Вуулайд, В.А. Дымщицу, Б.Л. Иомдину, И.Б. Иткину, М.В. Каспиной, Л.Ф. Кацису, Н.Г. Комелиной, Б.Л. Кротову, Арво Крикманну, Р.Г. Лейбову, М.Л. Лурье, Карлосу Мартину, М.Р. Майзульсу, М.А. Мельниченко, Ф.Р. Минлосу, Е.Ю. Михайлик, В.В. Напольских, С.Ю. Неклюдову, А.А. Сенькиной, Б.А. Равдину, Н.В. Петрову, А.Ч. Пиперски, С. Прохорову, Якобу Фрухтманну, А. Старостиной, Г.Г. Суперфину, А.А. Сомину, М. Сухановой, Ф.Б. Успенскому, П.Ф. Успенскому, Г.Л. Юзефович.

Эта книга не смогла бы состояться, если бы не проведенные исследования в Историческом архиве Института исследований Восточной Европы (Бременский университет, Германия) и в Фольклорном архиве Эстонского литературного музея (Тарту, Эстония).

*Я посвящаю эту книгу
памяти моего друга и коллеги
Артема Козьмина,
который сделал для себя так мало,
а для других — так много*

Предисловие

Книга Александры Архиповой, безусловно, относится к редким и ярким научным явлениям в гуманитарной области. Ее ценность определяется несколькими соображениями. Во-первых, огромный интерес представляет сам предмет исследования: несколько типов языковых игр, активно используемых в коммуникации на русском языке и вошедших в языковую культуру, или, как говорит автор, в современный городской фольклор. По существу, мы имеем дело с необычайно живой речевой субстанцией, которая создается на наших глазах, бурлит и меняется, а главное, провоцирует читателя забыть о научных целях и наслаждаться языковой игрой как таковой. Однако и во-вторых, самому автору удается избежать подобного искушения и остаться в рамках академического исследования.

Так что можно сказать, что любовь исследователя к предмету исследования заключена в его выборе, но никак не в используемых методах. Это особенно важно, если учесть те эмоции, которые вызывают яркие, неожиданные, а порой даже провокационные результаты языковых игр. Но такова стихия свободной коммуникации, которую необходимо изучать и измерять научными методами.

Смелость Александры Архиповой в выборе материала, который постоянно пополняется и развивается, поддержана упорством и спокойной объективностью ученого. Именно это сочетание качеств автора обеспечивает главное свойство этой книги: ее необходимо прочесть.

Максим Кронгауз

Язык НЕПО: языковые игры в современном фольклоре

Этот язык НЕПО¹ — так, образуя «псевдоаббревиатурную форму» от слова «непонятный», русские эмигранты презрительно называли чужой для них «новый» русский язык в не менее чужой стране Советская Россия.

Новая речевая действительность очень сильно изменилась за последний век и продолжает меняться прямо на наших глазах. Эти изменения идут постоянно, и в этом нет ничего удивительного. Удивительно другое — в этой книге речь идет о тех фактах, которые обычно не попадают в поле зрения исследователей, хотя мы все носители такого рода явлений.

Желая сообщить о непроверенном статусе информации, мы говорим *по сообщению радио ОБС* («Одна баба сказала»); когда мы хотим сказать, что планы провалились, мы сообщаем: *прилетела птица Обломинго*; когда хотим подчеркнуть наш непрофессиональный подход, мы говорим *я в этом не копенгаген*. *Софьей Власьевной* и *Верочкой* назывались соответственно *советская власть* и *ВЧК* — в языке советских обывателей. Во время уроков в школе 80-х годов мы все, замирая от ужаса, старательно переписывали из альбома в анкету и наоборот комические расшифровки аббревиатур: *Старуха Стирала Старика Рубаху*. Перед нами микротексты, игры со структурой языка, которые функционируют по законам фольклора. При этом не просто фольклора, но именно современного фольклора [Неклюдов 1995; Архипова, Неклюдов 2007], хотя говорить о *современном фольклоре* применительно к 1920-м годам на первый взгляд странновато. Однако таким

¹ Об этом см. [Lehikoinen 1990: 228, сноска 60].

термином мы называем не только и столько какие-то формы, нам современные, сколько именно новые типы явлений, зародившиеся в 1920-е годы и резко отличающиеся от классического фольклора с его былинами, сказками и историческими песнями.

Все эти явления, которые можно было бы назвать языковыми играми в современном фольклоре, как уже было сказано, практически совершенно не изучены, и причина этого кроется как раз в двойственной природе этих форм с их игровой функцией². Синхронически структура языковой игры в русском языке — вне социально-исторического контекста и обсуждения прагматики — часто привлекала внимание [Крепе 1986; Санников 1996; Земская 2007; Зеленин 2005; Кронгауз 2009, 2013], в то время семантика и прагматика фольклорных текстов, образованных с их помощью, игнорировалась. С другой стороны, делались попытки исследовать это как специфические формы городского фольклора [Клубков 2004], но на очень локальном материале.

Так было не всегда. Если мы вернемся мысленно в роковую эпоху 1920-х годов, мы узнаем, что именно такие формы больше всего интересовали исследователей, даже тех, кто как, например, Роман Якобсон, больше никогда к этой теме не вернулись. Именно в 20-е годы (когда исторические обстоятельства были еще относительно благоприятными по сравнению с последующими десятилетиями) *фольклор города*³ и

² Игровая функция словообразования — термин Е.А. Земской [Земская 2007: 185]

³ Социальные обстоятельства этого явления вполне очевидны и закономерны, а их следствием стало «обнаружение своего фольклора» (как мы бы сейчас сказали, субкультурного) у самых различных социальных групп. Например, в одно и то же время публикуется фольклор как красноармейцев, так и белогвардейцев [Недзельский 1924]. Кроме того, исследователями выявляются малоизученные функции фольклора, например использование фольклорного текста как средства пропаганды: частушки, агитационный (мы бы сейчас сказали «предвыборный») анекдот. Крайние и противоположные проявления этих функций фольклора можно увидеть на примере уличных песен

городские речевые формы становятся объектом пристально-го внимания не только и не столько фольклористов, сколько лингвистов. Приветствуется изучение и фиксация именно спонтанно возникающих речевых и фольклорных практик. И этот «новый фольклор», в отличие от фольклора традиционного, плотно окружает своего исследователя — поэтому так важна проблема дистанцирования от него, именно поэтому почти все «постфольклористические» исследования 1920-х годов построены на самозаписях.

Продолжает существовать целая плеяда традиционных фольклористов (братья Соколовы), изучаются былины, работает «Сказочная комиссия», Никифоров пишет работы по сказке, Андреев классифицирует сюжетные типы, организовываются экспедиции на Русский Север за традиционным фольклором.

Однако параллельно с этим в 1922 году Владимир Шкловский публикует в «Летописи Дома Литераторов» заметку «Современный народный юмор» [Шкловский Вл. 1922], а его брат Виктор — статью, посвященную анализу современных анекдотов «О теории комического» [Шкловский В. 1922]. Стратен публикует статью о городской песне [Стратен 1927], Виноградов делает в Географическом обществе доклады про современный детский фольклор и детскую речь, а былинвед Астахова собирается опубликовать «Песни уличных певцов Ленинграда». Роман Якобсон, Виктор Шкловский, Сергей Карцевский и Афанасий Селищев активно собирают материал (не говоря уже об Андрэ Мазоне, который зани-

и песенников: с одной стороны, забрасывание немцами песенников в окопы русским солдатам в Первую мировую войну; проект создания нового «народного гимна» на известную фольклорную мелодию [Колоницкий 2001: 323]; попытки ввести ритуальное хоровое пение, которым должно было начинаться и завершаться каждое важное коллективное действие «новых людей» — проект, предложенный Вячеславом Ивановым [Зубарев 1998]. С другой стороны, этому противостоит массовое уничтожение песенников рабочих [Байкова 1932]. Иначе говоря, прагматика фольклора выходит на первый план, и интересна она как практикам, так и теоретикам нового мира.

мался этим, сидя в тюремной камере на Лубянке) и переписываются, изучая современное им языковое новаторство, а также то, что мы бы сейчас назвали «парафольклорными» и речевыми формами.

Внимание ученых той эпохи к материалу обусловлено самим языком, а точнее — теми трансформациями, которые в нем происходили. Изучая изменения внутри «нового языка», исследователи замечали такие формы фольклора, которые больше нигде и никогда не были специально зафиксированы. Эта исследовательская традиция была прервана почти на 70 лет, и только сейчас она возвращается (см., например, [Петров 2014; Архипова и др. 2014; Ахметова 2015]).

В этой книге, собственно, делается попытка показать, как из элементарных фактов языка сначала возникает языковая игра, а потом — построенная с ее помощью фольклорная традиция.

Я хочу проследить, как определенное языковое средство, само по себе ни в коей мере не являющееся фольклором, а в лучшем случае — материалом для него (аббревиатуры и сокращения), провоцирует возникновение новых фольклорных форм.

Поэтому книга делится на две части. Первая часть («Между аббревиатурой и текстом») посвящена всем возможным в русском языке играм с аббревиатурами, в том числе дэзаббревиациям («расшифровкам аббревиатур»), бэкронимам (расшифровкам слова обычного языка как аббревиатуры), «псевдоаббревиатурам» (радио ОБС), кодированию аббревиатур с помощью ономастического кода, способам табуизации и многому другому. Поскольку эта традиция началась в 1910–1920-х годах, книга и начинается с этого периода, показывая изменение традиции на протяжении XX и начала XXI века. Отдельная и захватывающая тема — аббревиатуры в детской среде и уголовной — в данной книге не будет затронута, поскольку требует дополнительных исследований.

Вторая часть посвящена ономастическим играм в советском и постсоветском фольклоре, например, именам-

имитаторам (армянину Газону Засеяну, китайскому летчику Ли-си-цыну) и псевдоэтническим номинациям (таким, как литовский праздник Обломайтис).

Орфография аббревиатур и сокращений полностью соответствует источникам. Все фольклорные тексты без упоминания источника представляют собой самозапись. Я приношу извинения всем, кого могут задеть приведенные здесь неpolitкорректные примеры.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЖДУ АББРЕВИАТУРОЙ И ТЕКСТОМ

Глава I

Чик и Пампуш:

ПОЧЕМУ АББРЕВИАТУРЫ СТАНОВЯТСЯ ОБЪЕКТОМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ?

— Известно ли вам, Швейк, что такое маршевый батальон?

— Осмелюсь доложить, господин оберлейтенант, маршевый батальон это «марш-батяк», а маршевая рота — «маршка». Мы это всегда сокращаем.

Ярослав Гашек.

«Похождения бравого солдата Швейка»

Согласно записям лингвиста Сергея Карцевского, в самом начале 1920-х годов в московскую моду вошло словечко *чик*, которое говорили при прощании. Оно не было чистой воды неологизмом, а представляло собой буквенную аббревиатуру старорежимной фразы *Честь имею кланяться*⁴ [Кар-

⁴ Когда мы видим конструкцию *чик* («честь имею кланяться»), которую говорили при прощании в 1920-е годы, очень соблазнительно провести параллели с известной формулой Льва Толстого *Е.б.ж.* («если буду жив»), которую, по утверждению многих ученых, Толстой ставил в конце писем вместе с прощанием. Казалось бы, и тут и там наблюдается параллелизм не только в аббревиации самых формул вежливости, но и в коммуникационной позиции. На самом деле перед нами, скорее всего, легенда, возникшая как раз благодаря поздним функциям аббревиатур. Толстой действительно часто использовал такую формулу, но не в письмах, а в дневниках, и в них *Е.б.ж.* выполняет совсем другую функцию: очевидным образом аббревиатура ставится там, где нет записи [Толстой 1953]. Тогда ее можно трактовать таким образом: <запишу позже> е<сли> б<уду> ж<ив>. В позиции в конце дневниковой записи *Е.б.ж.* встречается крайне редко. Благодарю за консультацию по этому вопросу Романа Лейбова (Университет Гарту).

цевский 1923: 247; также Чуковский 1966:89]. Это не было капризом странной лингвистической моды — наоборот, словечко *чик* и ему подобные стали лишь маленькой частью большого лингвистического айсберга, который перевернул как русскую речь, так и городской фольклор.

Эта небольшая глава посвящена не столько причинам такого «аббревиатурного взрыва», сколько тем факторам, которые привели к использованию и пародированию такой системы, как аббревиация в русских языковых играх и русском фольклоре.

БОЛЬШОЙ АББРЕВИАТУРНЫЙ ВЗРЫВ

По подсчетам на материале «Толкового словаря русского языка» Ушакова, на 25 316 единиц только около 500 абсолютно новых слов появилось в 20-е годы XX века. В то же время в «Словаре сокращений русского языка» зафиксировано 12 500 единиц, из которых только незначительная часть имеет помету «дорев.» [Lehikoinen 1990: 21]. Если эти данные верны, то мы имеем дело со следующей картиной: в послереволюционную эпоху в лексике русского языка появляются не столько новые слова, сколько способ образования новых слов через сокращения уже известных становится чрезвычайно продуктивным, причем из всех типов сокращений самыми частотными оказываются сокращения инициальные — по начальным буквам слов, т. е. собственно аббревиатуры [Lehikoinen 1990: 21].

Вопрос происхождения «аббревиатурного» взрыва не вполне ясен. Сергей Карцевский относил его возникновение к Первой мировой войне, считая, что революционная эпоха выступила только катализатором процессов, которые уже шли:

...ни война, ни большевики не затронули своим влиянием основ языка, т. е. его грамматики. Все новшества сводятся к новым словам, образованным либо от старых русских корней, либо заимствованных с иностранных языков. Заимствования эти производились большей частью у немцев, что и понятно,

ввиду того что главари большевизма являются большей частью выучениками Маркса и немецкой социал-демократии, да и приехали в немецких вагонах. Так, с немецкого заимствованы *паритет, предпарламент, государственный аппарат, партийтаг, цузамменбрух, штрейкбрехер*⁵ и т. д. [Карцевский 2000: 209].

Отметим, что если Карцевский считал, что решающее слово в формировании «языка революции» принадлежит заимствованиям из французского и немецкого языков (см. пример выше), Андрэ Мазон⁶ отмечал большое влияние на лексику Советской России языка французских революций [Mazon 1920: 1–12], а другой лингвист, Афанасий Селищев, признавал приоритет за польским языком⁷:

На первенство польских революционеров указывает <...> и сама продуктивность таких образований: <...> *эсдек*⁸. Польское образование представляет суффикс –ек как в ряде древних образований: *snopiek* — снопик, *kwiatek* — цветок [Селищев 2003: 86].

АББРЕВИАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОМ ЯЗЫКЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Но насколько на самом деле аббревиатуры были новым явлением? Ради справедливости надо отметить неточность общего утверждения, что дореволюционная культура совсем не знала аббревиатур⁹. Напротив, не только знала, но и при-

⁵ Здесь и далее во всей книге выделения в цитатах, кроме особо оговоренных, сделаны мною. — А. А.

⁶ Профессор Мазон был в России во время войны, был арестован большевиками и провел полгода в Бутырьках, все это время наблюдал, отмечал языковые изменения [Карцевский 2000: 208].

⁷ Многие исследователи, впрочем, указывают на преувеличение Селищевым значения польских заимствований, см. дискуссию об этом в [Lehikoinen 1990: 8, 25, сноска 3].

⁸ *Эсдек* — сокращение для сложносоставного слова «социал-демократ».

⁹ Традиция аббревиации ни в коем случае сама по себе не является новой. Можно вспомнить изображение рыбы у первых христиан,

меняла достаточно широко в разных традициях, например: подпись на фресках ББББ («Бич Божий Бьет Бесов»)¹⁰. Не будем забывать о еврейской культуре с ее «аббревиатурными» именами, с поиском скрытых смыслов в библейских «псевдоаббревиатурах» (об этом подробнее см. в конце главы III). Но чаще всего функционирование сокращений в традиционной культуре было связано с не столько контекстом повседневным, сколько магическим или сакральным — такие приемы использовались при сокращении имен святых покровителей и в заговоре, и на иконе.

В 1920-е годы ситуация кардинально меняется. Аббревиатуры проникают всюду. Еще в начале войны буквенные аббревиатуры названий учреждений обрели популярность благодаря передаче новостей по телеграфу, среди армейских рангов появились обозначения по аббревиатурной модели — *наштаверх* ('начальник штаба верховного главнокомандующего') [Lehikoinen 1900: 24–25]. Однако чаще всего люди сталкивались с обилием сокращений именно в *повседневном* узусе языка, которые делал текст совершенно непонятным:

При рассмотрении статей расходной сметы президиум *госплана* ассигновал НКПС дотацию в 15 милл. руб. По смете ВСНХ президиум высказался за отпуск *теплотехническому* институту 835 тыс. р. *Ассигновка ЦАИ* принята в 120 тыс. р.¹¹

которое должно было указывать на слово IchThYs ('рыба'), которое, в свою очередь, понималось как аббревиатура *Iēsous Christos Theou Yīos Sōtēr* 'Иисус Христос Сын Божий'.

¹⁰ Такого рода церковные аббревиатуры часто встречаются на крестах и амулетах, например, деревянный крест, обнаруженный в Старой Ладобе, был покрыт следующими сокращениями: ДДДД («древо добре досада диаволу»), КХВВККЦКАИАС («крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест ангелам и архангелам слава»), ДКБП («древо крестное бесом Прогонитель»), ББББ («бич божий бьет бесы»), ВВВВ («возвращение вечное верным в рай») [Панченко 2009: 137]. Благодарю Д.А. Антонова и М.Р. Майзульса за указание на этот источник.

¹¹ Статья в газете «Правда» 1924 года, цит. по: [Lehikoinen 1990].

Такое усложнение текста и затруднение смысла пародируется в популярной частушке того времени:

От обеда в главстоловке
Главжелудок бесится.
Дайте, дайте главверевку
Чтобы главповеситься.

[Селищев 1928: 163]

Так или иначе, аббревиатуры/сокращения начинают использоваться в повседневных речевых практиках, заменяя привычные обороты речи (ср. выше *чик*), имена или названия, а также новые реалии советской жизни. Мы хорошо знаем про популярные в те годы имена Вилен ('Владимир Ильич Ленин') или гораздо более экзотическую Даздраперма ('Да здравствует первое мая'), но аббревиации подвергались и уже существующие имена вместе с отчествами и фамилиями. В «Дневнике Кости Рябцева» мы находим следующее:

С этого года мы решили всех *шкрабов* сократить для скорости: Алексей Максимыч Фишер будет теперь *Алмакфиш*. Николай Петрович Ожигов — *Никпетож* [Огнев 1928: 27 сент.].

В разговорном узусе сокращению подвергались и географические названия, названия улиц, памятников и так далее:

Маяковский, например, рассказывал мне, будто молодые москвички, назначая randevu своим поклонникам, произносят два слова: — *Твербуль Пампуш!* И те будто хорошо понимают, что так называется популярное место любовных свиданий: Тверской бульвар, памятник Пушкину. Этот *Твербуль*¹² *Пампуш* был мне особенно мил, потому что в нем слышалось что-то украинское. В 20-х годах в Москве существовало двустишие: *На Твербуле у Пампуша // Ждет меня миленок Груша*¹³ [Чуковский 1966: 82–83].

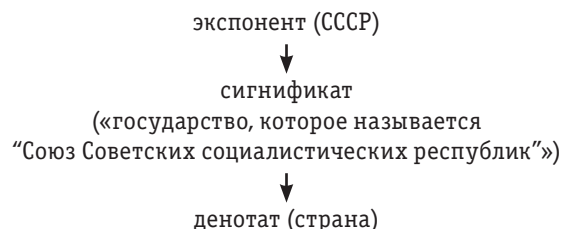
¹² Согласно городским легендам, бытующим в среде потомков русских эмигрантов во Франции, сокращение *Бульмиш* для бульвара Сан-Мишель в Париже придумали именно русские эмигранты в 1920-е годы.

¹³ Другой вариант мне сообщил Валерий Дымщиц от своей матери Е.И. Добкиной, которая услышала это от М.С. Альтмана: *Жду тебя,*

Так или иначе, но это языковое новаторство в достаточной степени обладало исторической обратной силой — оно распространялось на номинации, возникшие не в период «революции в языке», а гораздо раньше:

Такова же участь *Литературного фонда*, который превратился в *Литфонд*. Литературный фонд был основан А.В. Дружининым в 1859 году, и в дореволюционное время ни у кого не было ни желания, ни надобности называть его сокращенно *Литфонд* [Чуковский 1966:79].

«Нормальное» распознавание аббревиатур предполагает, что совершается примерно так, как представлено в схеме:

Однако в «речевой реальности» при переходе от означающего (экспоненту) к денотату часто происходит когнитивный сбой, провоцирующий комический эффект. Например, в юмористическом рассказе Михаила Козырева «Приставки» молоденькая регистраторша расшифровывает слово *компресс* как «коммунистический пресс», а *политура* как «политическое ура!» [Клубков 2004: 656]. Корней Чуковский в своей книге приводит якобы достоверный случай, как Ленин, не понимая слова *шкраб* («школьный работник»), думал, что имеется в виду что-то имеющее отношение к «крабам» [Чуковский 1966: 85].

Программной установкой авангардистов, в частности, футуристов, но не только, была активная борьба с существующим «застывшим языком»: *права поэтов на непре-*

мой друг Павлуша, // на Твербуле у Пампуша. Выражаю сердечную благодарность Валерию Дымщицу за указание на этот вариант.

Илл. 1. Родченко А.М., Маяковский В.В. Трудящиеся, не страшны дороговизна и НЭП, покупайте дешевый хлеб! Во всех магазинах Моссельпрома в двух шагах от любого дома! (1923)

одолимую ненависть к существовавшему до них языку¹⁴. Для «эффекта новизны» обозначение понятия максимально отрывается от денотата. Множественность смыслов, угадываемых в аббревиатуре, хорошо отражена в стихотворении

¹⁴ Манифест 1912 г. Крученых, Маяковского, Бурлюка, Хлебникова «Пощечина общественному вкусу», статья Маяковского 1914 г. «Война и язык».

Эдуарда Багрицкого «Ночь», где аббревиатуре МСПО¹⁵ дают следующие толкования:

Четыре буквы: «МСПО».

Четыре куска огня.

Это —

Мир Страстей, Полыхай Огнем!

Это —

Музыка Сфер, Пари Откровением новым!

Это —

Мечта, Сладострастье, Покой, Обман.

[Багрицкий 1964: 53–55]

Такая же «семиотическая ситуация» возникает в плакатном искусстве 1920 — первой половине 1930-х годов («Окна РОСТА» и не только). Посмотрите на иллюстрацию (Илл. 1): крупным планом дана аббревиатура, над которой находится текст (мелкими буквами), но ни в одном случае зритель/читатель не видит расшифровки сокращения, — денотат остается непроясненным.

ПРАГМАТИКА АББРЕВИАЦИИ И «СЕМИОТИЧЕСКИЙ КРИЗИС»

Для чего мы используем аббревиации даже там, где принцип экономии усилий не работает? Если для Джорджа Оруэлла при описании его «новояза» Океании аббревиация — способ отделения означающего от означаемого, максимальное отсечение всех возможных коннотаций, для того чтобы говорящий вообще не понимал смысла произнесенного слова, то для другого современника аббревиатур, первым написавшего о них небольшую статью в 1923 году — лингвиста Сергея Карцевского — функция аббревиатур сводится к созданию специфического регистра [Halliday 1968] языка, понятного лишь посвященным: *Нельзя забывать, что эта мотивированность существовала только для тех лиц, которые вра-*

¹⁵ Комментатор С.А. Коваленко отмечает, что МСПО — это «Московский союз потребительских обществ» [Багрицкий 1964: 517]. Спасибо Б.Л. Кротову за указание на комментарий.

щаются в кругу понятий, связанных с теми словами, от которых образованы сокращения [Карцевский 2000: 251]. О том же самом говорит и Селищев, указывая на то, что деятельность революционеров-подпольщиков заставляла их использовать специально непонятные слова [Селищев 1928: 26].

Мы не понимаем многие из ваших слов, — жаловался один крестьянин председателю на Курганском крестьянском съезде, — *вам следует говорить по-русски!* [Figes 1997: 324]. Для крестьянского населения многие из этих неологизмов были совершенно непонятны, и запускался процесс народной этимологии. Слово «большевики» понималось как *большаки* (т. е. 'старосты'), «революция» как *леворуция* (производное от 'левая рука?'), слово «аннексия» из речи заезжего оратора было воспринято как женское имя *Аксинья*, а угроза аннексии была истолкована как ожидание прихода страшной женщины, которая *снова*¹⁶ вызовет войну [Figes 1997: 324–325].

В 1927–1928 годах проводился новаторский социолингвистический эксперимент по изучению языка красноармейцев [Шпильрейн и др. 1928]. Исследовался, в частности, вопрос, как бы сейчас сказали, пассивного и активного словарного запаса. Выяснилось, что красноармейцы не могут дешифровать 81% сокращений от общего списка, им предложенного, включая аббревиатуры СССР и РСФСР. Невзирая на то, что аббревиатура СССР, появившаяся в 1922 году, должна была бы быть известной подавляющему большинству, по результатам опроса 1924 года ее могли расшифровать правильно только 16,5% опрошенных красноармейцев [Шпильрейн и др. 1928: 174].

¹⁶ Это спонтанное толкование тем не менее плотно коррелирует с распространенной в те годы мифологической интерпретацией причин войны. Война — это гигантская красная/белая женщина, которая пришла в Россию. Мужик ехал на телеге и встретил огромную женщину, которая попросила помочь ей одеться/принести отрез на платье. Мужик отказался/согласился, и тогда Война рассказала ему, что она несет смерть.

Чтобы как-то улучшить эту ситуацию, с 1921 по 1925 год вышло четыре словаря сокращений, построенных следующим образом: «А — американский, ассамблея, ассоциация, артель» [Lehikoinen 1990: 195–199], а в период с 1900 по 1917 год появилось 35 словарей иностранной лексики и политических терминов [Lehikoinen 1900: 13, сноска 13].

Это, в свою очередь, провоцирует появление таких сокращений, для которых означавшее комично, а денотат и сигнификат — «нормальны»:

Чеквалап — чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей [Карцевский 2000: 200].

После известного свидания Чичерина с генуэзским архиепископом в газетах стало попадаться выражение *пред-паппрест* — *представитель папского престола* [Карцевский 2000: 240].

Компетенция слушающего стала слишком отличаться от компетенции говорящего («авторов» аббревиатур). Ситуация «семиотического кризиса» не может оставаться стабильной. Она меняется — слова, потерявшие свою мотивацию, начинают переосмысливаться. Возник эффект (которого так долго добивались авангардисты) расхождения означаемого и означающего. Подобная ситуация не могла быть стабильной, и в фольклорной городской традиции такая потеря мотивированности сначала спровоцировала спонтанную языковую игру, а потом и возникновение новых форм юмора, о которых речь пойдет в следующих главах.

Глава II

ОТ АББРЕВИАТУРЫ К ТЕКСТУ И ОБРАТНО

Хотя в научной литературе существует несколько попыток классификации аббревиатур разной степени удачности [Зеленин 2005], ни одна из них не отвечает на два вопроса, которые кажутся мне ключевыми для понимания механизмов функционирования аббревиатур в советское и постсоветское время:

- 1) каким образом классифицировать механизмы, выстраивающие отношения между сокращением и собственно текстом;
- 2) насколько такие механизмы популярны?

Несмотря на чрезвычайную популярность расшифровок аббревиатур, особенно в раннее советское время, не существует ни одной фольклорной коллекции, в которой был бы представлен единый корпус текстов, содержащих подобные игры с аббревиацией, за одним исключением. В Эстонском литературном музее (г. Тарту) хранится единственная известная мне картотека фольклорных расшифровок аббревиатур, включающая более 3000 единиц и 330 типов расшифровок, собранных эстонскими фольклористами, за советское и постсоветское время [Voolaid 2010: 63]¹⁷. Самые ранние фиксации этой традиции были сделаны в 1938 году, когда еще существовала Эстонская Республика (видимо, игру с расшифровкой советских аббревиатур принесли русские эмигранты), а самые поздние — в 1990-е годы.

По причине отсутствия русского корпуса расшифровок аббревиатур, некоторые подсчеты делались по эстонскому

¹⁷ Выражаю сердечную благодарность Пирет Вуулайд за помощь в работе с картотекой и предоставление фотографий архивных материалов, приведенных в данной книге.

архиву, а некоторые — по корпусу советских анекдотов, собранных Михаилом Мельниченко. При всей грандиозности собрания Мельниченко стоит отметить, что эта коллекция не является специальным собранием расшифровок аббревиатур, а встречаются они там в том случае, если встраиваются в текст анекдота.

Поэтому для решения второго вопроса (Насколько такие механизмы популярны?) я проанализировала репрезентативное собрание «Советский анекдот» [Мельниченко 2014] (это собрание насчитывает 5852 сюжетные единицы) и проверила, сколько типов языковых игр, построенных на взаимоотношениях текста и аббревиатуры, используется при создании анекдота. Оказалось, что 3% (174 сюжетные единицы из 5852¹⁸) построено именно на таком типе языковой игры (где так или иначе обыгрывается отношение между текстом и аббревиатурой). Нам кажется, что 3% (от общего количества сюжетов, текстов же гораздо больше) — это очень мало. Но можно подумать об этом и по-другому. Эти 3% означают, что каждый 33-й советский фольклорный юмористический сюжет содержал ту или иную игру с аббревиатурами и сокращениями. Анекдот и примыкающие к нему жанры (о границах применения термина «анекдот» к «расшифровкам аббревиатур» см. следующую главу) — небольшие по объему, и следовательно, можно себе представить, как маленькая компания за столом захлеб рассказывает анекдоты. Если прозвучит более 33 текстов и вариантов, наши «расшифровки аббревиатур» будут среди них.

КЛАССЫ А И В:

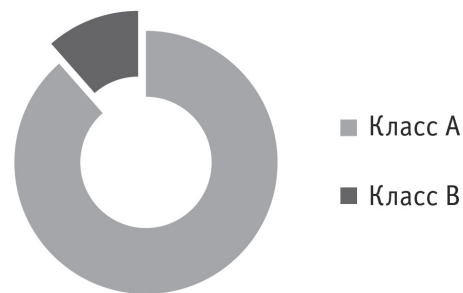
ОТ АББРЕВИАТУРЫ К ТЕКСТУ И ОТ ТЕКСТА К АББРЕВИАТУРЕ

При разработке классификации стоит обратить внимание, что рефлексия и языка, и фольклора направлены в обе стороны.

¹⁸ При дальнейших подсчетах в этой главе эти 174 сюжетные единицы будут приниматься за 100%.

Во-первых, случаи, когда мы для получения смысла движемся от аббревиатуры к тексту (назовем их *классом А*). Мы берем аббревиатуру *РСФСР* и даем ей комическое толкование: *Разогнали солдат-фронтовиков, собрали разбойников* [Карцевский 2000: 239; Недзельский 1925: 62; Штурман, Тиктин 1987: № 19]. Таких случаев очень много — 88,5 % среди всех игр с аббревиатурами в собрании [Мельниченко 2014], и это легко объяснить — данная языковая игра легко порождает анекдотические тексты.

Во-вторых, противоположный случай, когда для получения смысла необходимо сделать аббревиатуру из уже имеющегося текста. *Мною Софья Власьевна интересуется* — так нежно говорили о проявлении внимания компетентных органов к диссиденту. Знающий должен быть проделать следующую операцию: из этого типового имени-отчества сделать аббревиатуру СВ, которая должна в свою очередь расшифровываться как «Советская власть». Таких случаев в собрании [Мельниченко 2014] очень мало — 11,5 % среди всех игр с аббревиатурами среди анекдотов, и это тоже легко объяснить — такая языковая игра не порождает анекдотические тексты, а служит механизмом для табуизации. Такие случаи будут относиться к *классу В*, о котором будет рассказано подробнее в главе V.

Илл. 2. Соотношение класса А (от аббревиатуры к тексту) и класса В (от текста к аббревиатуре) в фонде советского анекдота: 88,5 и 11,5 %

Однако внутри класса А существуют разные типы языковых рефлексий над аббревиатурой. Перечислим их здесь кратко — подробные очерки о «биографии» этих типов можно будет найти в главах III–V.

Тип А.1. Что такое СССР?

Аббревиатура СССР имеет официальную расшифровку — *Союз Советских Социалистических Республик*. Ей дается альтернативная расшифровка — *Смерть Сталина Спасет Россию* [Андреевский 1998: 336]. Эта расшифровка, пожалуй, самая известная, однако существует огромное множество и других, например, *Три Сруля¹⁹ и один русский* [Любченко 2003: 184]; *это камера, в которой совмещены: спальня, столовая, сортир, работа* [Штурман, Тиктин 1987: № 320], в 80-е годы в Ленинграде среди студентов был распространен вариант: *Страна самых старых руководителей²⁰*.

Сотрудник Эстонского литературного архива (Тарту) Пирет Вуулайд подсчитала, что в фольклорном архиве музея чемпион среди прочих расшифровок СССР — *Siberi Sead Situavad Reas* (эстон. 'сибирская свинья срет в ряд') — встречается 470 раз [Voolaid 2010: 68], при этом в архиве хранятся также другие расшифровки СССР — 22 варианта [Voolaid 2010: 71].

Тип А.1 стал не только весьма продуктивным типом языковой игры, о чем будет сказано, но такие лингвистические игры становятся популярными еще раньше, между двумя русскими революциями: например, Народно-социалистическая партия выделилась из 1906 году из правого крыла

¹⁹ Здесь комический эффект строится вокруг антисемитских стереотипов середины 1920-х годов, о них подробнее в начале следующей главы.

²⁰ Устное сообщение К.М., 1962 г.р., с 1985 по 1989 год ленинградского студента.

эсеров и ее название — *Н.С. партия²¹* — стало расшифровываться как *Несуществующая партия* [Lehikoinen 1990].

Подробнее о прагматике и социально-политическом контексте типа А.1 будет рассказано в Главе III.

Терминология. В посвященной этому явлению научной литературе (крайне небольшой), в русскоязычных работах принят сложновыговариваемый термин *дезаббревиация²²* [Зеленин 2005], а англоязычных исследованиях — *de-abbreviations* [Astapova 2013], *humorous interpretations of abbreviations/acronyms, abbreviation riddles* [Voolaid 2010], а также *folk etymology of acronyms* [Eisiminger 1978], хотя сама русская фольклорная традиция называет такие тексты *расшифровками* или *пародийными расшифровками* (см. выше), или просто *анекдотами* (подробнее см. Главу III). При этом юмористические деаббревиации часто игнорируются исследователями: например, Риита Лехикойнен в своем замечательном труде «Словарь в революции — революция в языке» удостоивает это явление одной строчки в тексте и одной сноски, где оно называется «условное раскодирование» [Lehikoinen 1990: 42].

Сложные случаи типа А.1. Существуют тексты, в которых расшифровке подвергается не побуквенное, а слоговое сокращение: *Пролеткульт²³* — *пролетела культура* [Карцевский 2000: 235].

Другой сложный случай — тип сокращения подвергается переинтерпретации и как следствие переходит в другой (этот случай промежуточный между А.1 и А.V*). Традиционное для православной культуры сокращение *МР ΘΥ* (Μήτηρ Θεου 'Мать Божья') на иконе Богородицы в прихрамовой

²¹ Рекомендую обратить внимание на форму образования аббревиатуры: одно слово остается несокращенным.

²² Это не единственный тип языковой игры с аббревиатурами, но о других типах будет сказано позже.

²³ Пролеткульт («Пролетарские культурно-просветительные организации») подвергался жесточайшей критике и был расформирован в 1932 году.

среде начала XX века согласно новым веяниям получает новую расшифровку²⁴:

Неоднократно можно встретить на иконах около лика Богоматери буквы *М. Р. Ф*{Фита}. *У.* Что означают эти буквы? Многие не могут объяснить значения этих букв, а находятся некоторые, которые объяснили эти слова так, что «Мария родила фарисейского ученика» [Черкесов 1910].

Тип А.ІІ. Что такое совет²⁵?

Анонимный составитель первой коллекции советского анекдота в 1925 году приводит такой текст:

Советский язык богат, как известно, многочисленными сокращениями при помощи начальных букв, к которым все так привыкли, что один обыватель, увидев на двери учреждения надпись ВХОД, долго прикидывал в уме, что бы это могло значить: Всероссийский? Хозяйственный? Отдел? [СА 1925: 53].

Аноним вовсе не взял этот пример с потолка — наоборот, он высмеивает уже сложившуюся в середине 1920-х годов традицию расшифровывать не только настоящие аббревиатуры, но и придавать «аббревиатурную расшифровку» обычным словам, вовсе не являющимся аббревиатурами. Часто объектами расшифровки стали и имена политических деятелей, ср. запись анекдота в дневнике от 3 июня 1922 года:

Ленин получил от Троцкого телеграмму в одно слово: «Троцкий» — и послал ему ответ тоже в одно слово: «Ленин»; расшифровывается так: «Трудно реализовать ограбленные ценности, кончим и исчезнем». — «Лева, если нельзя, исчезнем немедленно» [Мельниченко 2014: № 666].

Этот тип представляет собой инверсию по отношению к типу А.І. Здесь «декодируется» обычное слово русского языка, имя, географическое название. Например, в 1925 году за-

²⁴ Благодарю М.В. Ахметову, указавшую мне на это пример.

²⁵ *Совет*, например, мог расшифровываться как «Сталин обидел великого еврея Троцкого» [Андреевский 1998: 336]

фиксировано две трактовки слова «ларек»: *Ленин Арендывал Евреям Кооперацию* [Любченко 2003: 184] и *Лейба Окончательно Разрушил Евреями Кооперацию* [Любченко 2003: 184].

Расшифровке подвергались и географические наименования. Так, сразу после Кубинской революции 1959 года и Карибского кризиса 1962 года появился следующий анекдот: *Что означает слово «Куба»? — Коммунизм у берегов Америки* [Штурман, Тиктин 1987: № 420].

Терминология. Такой прием в англоязычной научной литературе носит название *backronym*, и так же он будет называться в этой книге, чтобы отличить от термина *дезаббревиация*, которым обозначаются явления, относящиеся к типу А.І.

Сложные случаи типа А.ІІ. «Обретение» аббревиатуры в части слова: *Кубист*²⁶ — *ученый, получающий пособие от Комиссии по улучшению быта ученых*²⁷ [Шкловский Вл. 1922: 8], здесь переосмыслению подвергается только часть словоформы — корень.

К типу А.ІІ также можно отнести случай, описанный Корнеем Чуковским: *Когда в начале революции возник Третий Петроградский университет, студенты, смеясь, говорили, что сокращенно его следует называть Трепетун* [Чуковский 1962: 87]. Строго говоря, нет в русском языке слова *трепетун*, но вполне могло бы быть — по аналогии с *топтун*, *летун*, в раннее советское время были также распространены *шептунуны* — те, кто разносят слухи²⁸.

²⁶ Если считать, что мы понимаем под словом «кубист» как художника, принадлежащего к направлению «кубизм».

²⁷ Эта комиссия сокращенно называлась КУБ.

²⁸ В небольшой гневной заметке 1921 года, посвященной разносчикам слухов, клеймятся некие *Нептунуны-мародеры*, распространяющие сплетни и слухи. Видимо, «Нептун» — это непонятно каким образом искаженное *шептун*?: *За последнее время, в связи с объявлением военного положения, по городу начали усиленно распространяться всевозможные нелепые слухи. Враги Советской власти, пользуясь всяким случаем, хотят половить в мутной водичке рыбку. На рыночной площади спекулянты усиленно распространяют слухи о «неделе сундука». Балаковские «сердцееды» на Дамбе также не спят и провозглашают сво-*

Тип А.III. Был ли Замкомпоморде?

К этому типу относятся случаи, когда сокращение (или реже — аббревиатура) с помощью приемов дополнительного морфологического членения и омонимии воспринимается как словоформа или словосочетание. Текст, воспринимаемый как нормальное словоформа/словосочетание, на самом деле является аббревиатурой²⁹. Этот тип может быть перепутан с предыдущим типом, но, в отличие от типа А.II основной прием, который здесь используется, — это «прочитывание» в сокращении/аббревиатуре словосочетания или целого слова, побуквенной расшифровки не происходит.

Терминология. Этот тип не имеет своего названия, но часто такие тексты бытуют в виде загадки и, соответственно, внутри традиции называются «загадками»: *Можно зажечь курком? КурКом — курский комитет* [Карцевский 2000: 209], ср. детскую загадку: *Где Наполеон? — На поле он.*

Замкомпоморде и другие обозначения советских должностей. Классическим примером этого типа может считаться *Замкомпоморде* — ‘Заместитель комиссара по морским делам’, сокращение, которое через слоговое членение может быть прочитано как *замком по морде*.

Неизвестно, существовала ли на самом деле такая аббревиатура, или ее придумал Владимир Маяковский, которому было свойственно придумывать несуществующие аббревиатуры — как в спонтанной речи, так и для своих литературных опытов. Видимо, на этом строил свою игру Маяковский, выводя в пьесе «Баня» *ГЛАВНАЧПУПСа* («главный начальник

им дамам о скорой «неделе любви <...> Вся эта свора, дурача население г. Балаково, с подбавлением политики, имеет своей целью удовлетворение своих аппетитов и как можно больше напакостить Советской власти. Долг каждого гражданина начать борьбу с этими Нептунами-мародёрами, предавая их в руки Советской власти [Н.У. 1921].

²⁹ См. обилие современных примеров в названии партий: ЯБЛОКО — «Явлинский, Болдарев, Лукин»; КЕДР — «Конструктивно-экологическое движение России».

по управлению снабжением») и заставляя читателей видеть в этой аббревиатуре слова *пупс* или *пуп*. Ср. другой пример:

Я рассказывал, что Андреев был в России одно время как бы главный комиссар по самоубийствам. Да, да, подхватил он [Маяковский]: *Завсамуб — заведующий самоубийствами* [Чуковский 1999: 166, дневниковая запись за 5 мая 1921 года].

Тем не менее Сергей Карцевский упоминает *насмешливое Компоморде* — *комиссар по морским делам* [Карцевский 2000: 209] или *Наркомпоморде* — *нарком по морским делам* [Карцевский 2000: 239–240], возможно, что форма *Замкомпоморде* — производная от этих форм.

В то же время появляется и слово *вридло* («временно исполняющий должность лошади») — Карцевский толкует его крайне выразительно — «советский рикша» [Карцевский 2000: 240] — соединение появившегося еще до революции, в 10-е годы сокращения *в.р.и.о.* («временно исполняющий обязанности»), орфография того времени предписывала писать сокращения через точку строчными или прописными) и сокращения на гласную *л.о.*, т. е. «лошадь». Десятилетие спустя Жак Росси упомянет, что так называли себя советские зеки³⁰ [Росси 1994: I, 66].

В первой половине 1920-х годов постреволюционная эпоха начинает изобретать новые сокращения/аббревиатуры, описывающие социальные и семейные отношения среди людей «нового мира». В речи появляются *нарком* («народный комиссар»), *совбарышни*, *совбуры* («советские буржуи»), что, в свою очередь, провацирует на создание новых терминов — *содком* («содержанка комиссара») [Карцевский 2000: 240]. Любовь современников к слову *содком* вызвана, видимо, тем фактом, что в сокращении *содком* могли прочитывать слово *содом*, тем более что расшифровка намекала на разврат, который, по мнению современников, царил в эпоху

³⁰ *Вр.и.д.ло.* — временно исполняющий должность лошади. Так иронически стали называть себя политзаключенные в период ежовщины [Росси 1994: I, 66].

«комиссародержавия» среди нового руководства страны (выражение зафиксировано Сергеем Карцевским [Карцевский 2000: 208]). Самое первое известное упоминание этого слова — дневниковая запись от 17 октября 1920 года. Обратите внимание, что здесь слово *Содком* написано с прописной — как имя:

На Сухаревке облава. Стоят перед лицом власти две расфуфыренные дамы, за ними еврей. «Вы кто?» — спрашивают первую. «Содком». — «Ах, извиняюсь! Вы свободны!» Вторая тоже говорит, что она Содком, — и ее тоже со всяческими извинениями отпускают. Тогда еврей решил, отвечая на вопрос о личности, повторить то же магическое слово... Страшный гнев и скорпионы, и восклицание: «Наши комиссары педерастией не занимаются!» Оказалось, что Содком расшифровывается: содержанка комиссара [Мельниченко 2014: № 214А]

Юмористический эффект сильнее в том случае, когда социальный контекст идет «в ногу» с языковой игрой. Так, существование слова *содком* поддерживалось распространенным в ранние 20-е годы предположением о том, что «большевистские комиссары погрязли в разврате», при этом наибольшая слава доставалась члену Политбюро и председателю Коминтерна Григорию Зиновьеву:

Сильные советского мира устраивали своих любовниц (содкомы — содержанки комиссаров) [Соломон 1930: 193] <...> [сотрудник Коминтерна по поводу закупок Зиновьева] А потом еще драгоценное белье для Лилиной³¹ и всяких других «содкомок»³², духи, мыла... [Соломон 1930: 443].

Ту же идею продолжает, но в более изысканной форме, сокращение *Narkomtesse* — «жена народного комиссара» [Карцевский 1923: 240]. В 1926 году как устойчивое выражение его упоминает эсер и историк русской эмиграции Павел Мельгунов в своем журнале «Борьба за Россию» [1926. № 1.

³¹ Злата Лилина — вторая жена Григория Зиновьева.

³² Обратите внимание на форму родительного падежа: *содкомок*. Получается, таким образом, что именительная форма должна бы быть *содкомка*?

С. 14]. На сокращение *нарком* накладывается французское слово *comtesse* — ‘графиня’. Такое наложение становится возможным за счет наличия общей фонетической части *-ком*. Но здесь содержится намек не столько на женолюбие комиссаров, сколько на привилегированное положение их жен.

Появление подобных новых советских «терминов родства» провоцирует появление в более позднее время соответствующих анекдотов, где полученная аббревиатура звучит пейоративно благодаря вычленению соответствующего корня, в то время как расшифровка нейтральна: *мудопис* — ‘муж дочери писателя’. Как мы видим ниже, в тексте анекдот легко комбинируется с примерами из типа А.І (*вор* — ‘высокоответственный работник’).

В домах творчества писателей отдыхают списы, жеписы, сыписы, дописы, мудописы и неписы (советские писатели, жены писателей, сыновья писателей, дочери писателей, мужья дочерей писателей и не писатели — последние по знакомству или за взятку) [Мельниченко 2014: 4028А]

Армянское радио спросили: «Кто будет составлять кадры советской науки к 2000-му году?» — «ВОРы (высокоответственные работники), ЖОРы (жены ответственных работников), ЛОРы (любовницы ответственных работников) и СУКИ (случайно уцелевшие квалифицированные инженеры)» [Мельниченко 2014: 4160А].

Сложные случаи типа А.ІІІ. Рассмотрим анекдот: *Как называются мужчины, целующиеся и обнимающиеся друг с другом в темноте? — Гомосеки. — А целующиеся и обнимающиеся при всех под юпитерами и теле- и кинокамерами? — Генсеки* [Штурман, Тиктин 1987: 144]. Мы смеемся, потому что после произнесения слова «гомосек», мы видим фрагмент этого сокращения в другом сокращении — «генсек», образованного от совсем другого словосочетания. Перед нами редкий случай омонимии фрагментов сокращений: *Человек стоит на Лубянской площади и спрашивает: — Ска-*

жите, это ГосСтрах? — Нет, это ГосУжас³³. Иногда при альтернативном переосмыслении производится переразбиение на слоги: *Пойти во ВЦУ — пойти в овцу*³⁴ [Карцевский 2000].

Такой же случай омонимии фрагментов сокращений обыгрывается в анекдоте 1970-х годов:

Одессит, приехавший в Ленинград, читает вывески на продовольственных специализированных магазинах: «Ленмясо», «Ленрыба», «Леняйца»... «Не знаю, как там пишут в Херсоне, — говорит он, — но у нас в Одессе никогда не пишут: “А де мясо?”, “А де рыба?”, “А де яйца?”» [Мельниченко 2014: №2672].

Тип А.IV. ПАРТИЯ КВД — «КУДА ВЕТЕР ДУЕТ»

В этот тип попадают такие случаи, когда аббревиатура представляет собой пустое множество — т.е. не существует в официальном узусе языка. Этот тип, видимо, сейчас уже достаточно редок, хотя в 1910–1920-е годы такие тексты были популярны. Сергей Карцевский в своей книге «Русский язык, война и революция» (1923) упоминает следующие примеры: *Партия КВД («Куда ветер дует»)* [Карцевский 2000: 235]; *главные козни, преследующие беженцев — ВВВ («вши, визы и валюта»)* [245]. Иногда языковая игра этого типа призвана замаскировать пейоративное значение, т. е. такая конструкция выступает в качестве эвфемизма: *СС — вместо «Сукин Сын», СВ вместо «сволочь»* [Карцевский 2000: 235].

Начиная с 1930-х годов появляются подобные формы для обозначения слухов: немецкое *радио JMA — «Jüdische Märchenagentur»* ('Еврейское агентство сказок') [Клемперер 1998: 236], эстонское *NRS («naised saunas rääkisid»* 'от одной бабы в сауне') [Voolaid 2010: 65], русское *ОДС («Одна дама сказала»)*. Самый известный пример: *радио ОБС/радио ББС*

³³ В 1897–1898 годах по проекту академика А.В. Иванова на Лубянской площади было возведено здание страхового общества «Россия». После революции в нем разместились ЧК.

³⁴ И хотя этот пример приводит лингвист Сергей Карцевский, я не могу представить себе, что бы это значило — *пойти в овцу*.

(«одна баба/баба бабе сказала»), выражающий ироничное отношение к источнику информации. Время появления этого типа в качестве «советского юмора» не вполне понятно, можно предположить, что *радио ОБС* — поздняя форма для *радио ББС*, которое, в свою очередь, может принадлежать к Типу А.I («альтернативная расшифровка») — и тогда радио ББС («баба бабе сказала») — вторичное переосмысление английской аббревиатуры радио BBC. Об этом явлении см. подробнее главу V.

Тип А.V*. Как удвоить ВВП?

Переход аббревиатуры/сокращения в иной тип кода. Например, когда в 1960-е годы говорили «Радио BBC», это выглядело как общеизвестная расшифровка «военно-воздушные силы» (BBC), тогда как имелось в виду, конечно, радио Би-Би-Си³⁵. Здесь происходит переход из кириллического графического кода в латинский.

Этот тип вряд ли можно считать полноценной группой, так как в него входит всего несколько примеров, поэтому мы размещаем его под *.

В анекдоте 1968 года появляется омонимия сокращенных форм Т.<овариш> и Т-34:

— Кто подписал соглашение с Чехословакией о нормализации положения?

— т. Брежнев, т. Гречко и Т-54 [Штурман, Тиктин 1987: №457].

В 1952 году на XIX съезде старая аббревиатура ВКП(б) была заменена новой — КПСС, что немедленно было отражено в анекдоте, где одна аббревиатура воспринимается как две:

— Рабинович, Ваш сосед, от которого Вам нет житья, уже вступил в КПСС?

³⁵ Пример сообщили С.Ю. Неклюдов, Б.Н. Вахтин, также [Сарнов 2002: 411].

Илл. 3. Лозунг «КПСС, врага искать ты нас учила год за годом. Скажи, приятно побывать самой в числе врагов народа?». Митинг 15 июля 1990 года. Из коллекции Государственной публичной исторической библиотеки, воспроизводится по личному разрешению зав. Центром социально-политической истории ГПИБ Е.Н. Струковой.

— Не вступил, так вступит. В СС он уже был [Сарнов 2002: 204; Штурман, Тиктин 1987: № 139].

Во время политических событий начала 90-х годов этот прием реактуализовался в тексте протестного плаката. Так, лозунг «КПСС, врага искать ты нас учила год за годом. Скажи, приятно побывать самой в числе врагов народа?» отсылает к той же языковой игре с вычленением форманта SS в КПСС [Илл. 3].

Подобные игры присутствуют и в студенческом фольклоре, пародирующем словари («Студенческий толковый

словарь»), где типичные сокращенные названия для оценок воспринимаются как аббревиатуры:

- ОТЛ. — обманул тупого лектора
- ХОР. — хотел обмануть — разоблачили
- УД. — ушел — доволен [Бахтин 2003: 174].

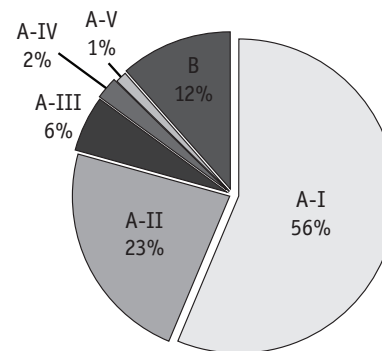
В последние годы большую популярность приобрела шутка, построенная на омонимии двух аббревиатур: ВВП (внутренний валовой продукт) и ВВП (аббревиатурного прозвища президента, составленного из его инициалов), а также пародии на предвыборные обещания Путина удвоить ВВП:

- Как удвоить ВВП?
- Взять портрет ВВП, повесить на стену и пить рюмку за рюмкой, пока в глазах не задвоится.

Классификация

Итак, перед нами два класса А (5 типов) «От деаббревиации к тексту» и В «От текста к деаббревиации», демонстрирующие разные типы отношения аббревиатуры и текста. Кратко они представлены в таблице [Табл. 1].

Последний вопрос, который мы затронем в этой главе — в каком численном соотношении находятся эти типы? Согласно подсчетам по собранию Мельниченко [Мельниченко

Илл. 4. Типы «декодирования» аббревиатур и их процентная представленность в фонде советского анекдота

2014] частотности встречаемости языковых игр класса А [илл. 4], самый продуктивным (56 %) оказывается тип А.І, представляющий самый простой тип дезаббревиации. Тип А.ІІ — бэкронимы — встречается в 23% случаев. Остальные случаи довольно редкие: А.ІІІ — 6%, АІV — 2% и А.V — 1%.

Таблица 1. Классы А (5 типов) «От дезаббревиации к тексту» и В «От текста к дезаббревиации»

Класс	Тип	Что подвергается расшифровке или кодировке?	Нормативное восприятие	Альтернативное восприятие
А	I	СССР	[название государства] 'Союз советских социалистических республик'	Смерть Сталина Спасет Россию
	II	Куба	[название острова]	[аббревиатура с последующей расшифровкой] КУБА: Коммунизм у берегов Америки
	III	Замкомпоморде	[обозначение должности] 'Заместитель командующего по морским делам'	[словоформа / словосочетание] Замком по морде
	IV	ОБС	[непонятно какая аббревиатура] ∅	[не существующая в реальности аббревиатура] радио ОБС — Одна Баба Сказала
	V*	Т.	[форма обращения] товарищ	[омонимичная аббревиатура как элемент другого кода] Т-34
В		Софья Власьевна	[Женское имя]	[Процесс создания аббревиатуры из словоформы, затем последующая дезаббревиация] СВ — Советская власть

Глава III

ВХОД и КОТ КАК АНЕКДОТ

«АН СССР. НИИЧАВО». — НИИЧАВО, — подумал я.
 Научно-исследовательский институт...
 Чаво? В смысле — чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных Ассоциаций Восточной Океании?

Аркадий и Борис Стругацкие.
 «Понедельник начинается в субботу»

Программист Привалов, герой романа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», на первых же страницах романа оказывается в тупике перед вывеской «КОТ НЕ РАБОТАЕТ». Администрация. Проблема Привалова заключается в том, что он не может расшифровать текст, который он, выросший в советской действительности, воспринимает как аббревиатуру, или, попросту говоря, побуквенное сокращение. — Какой КОТ? — спросил я.— Комитет Оборонной Техники? [Стругацкие 1987: 9].

В данной главе речь пойдет как раз о «эффekte программиста Привалова», т. е. о ситуации «узнавания/неузнавания» аббревиатур и попытках их декодировать, а также о том социально-историческом контексте, в которых такие аббревиатуры и ложные аббревиатуры функционировали.

Что такое анекдот?

В феврале 1927 года в секретариат товарища Сталина пришло письмо от студента Наума Цорнаса, адресованное лично Иосифу Виссарионовичу [Цорнас 1927]:

[21 февраля 1927 г.]

Здравствуйте, многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

С настоящим письмом я хочу узнать Ваше мнение как наилучшего знатока национального вопроса об антисемитизме, господствующем у нас в Вышнем Волочке, уж не говоря о беспартийной молодежи, но и подчас среди комсомольцев, выливающимся в форме различных упреков, дескать евреи наводнили весь высший государственный аппарат и трестовский аппарат, что евреи занимаются исключительно торговлей, спекуляцией и другими нетрудовыми доходами, что евреи всюду и везде строят себе карьеру, не заботясь о русских, а я, будучи молодым комсомольцем (февраль 26 г.) и не в состоянии опровергнуть все эти нападки на евреев, среди которых преобладает трудовой элемент. Мне лично известны еврейские деревни в Белоруссии, <...> Но мне неизвестен высший государственный аппарат. Может, он в действительности наводнен евреями. *Мне пришлось слышать сатирический анекдот, заключающийся в следующем: «Почему РКП(б) переименована в ВКП(б)?». И сами отвечают, что это потому, что в партии большинство евреев и им трудно выговаривать букву «р» и посему, выходит для евреев переименовали партию в ВКП и много других аналогичных анекдотов.. <...>*

Наум Цорнас

Письмо студента Наума Цорнаса Сталину является интересным историческим источником не только из-за отражения популярных стереотипов, но и потому, что в нем «для примера» приведен один из таких «сатирических анекдотов», построенный, правда, на обыгрывании не самой расшифровки, а структуры аббревиатуры. Давайте задумаемся в слова Наума: *Мне пришлось слышать сатирический анекдот, заключающийся в следующем: «Почему РКП(б) переименована в ВКП(б)?...»*. Легко ли мы сейчас, с позиции начала XXI века, воспринимаем «расшифровки аббревиатур» (например, РСФСР: *Разогнали солдат-фронтовиков, собрали разбойников*)³⁶ как анекдот? Мне кажется, что современные

³⁶ Расшифровки названия РСФСР (с 1918 г. «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика») были чрезвычайно популярны в 1920–1930-е годы. Пример такой расшифровки см.: [Карцевский 2000: 239; Недзельский 1925: 62; Штурман, Тиктин 1987: № 19].

носители традиции, по крайней мере, задумаются над вопросом, являются ли подобные тексты анекдотом.

Кроме того, Наум Цорнас добавляет к слову «анекдот» уточнение «сатирический» не просто так (для нас сейчас такая конструкция звучит как «масло масляное», не правда ли?). В то время еще было «в ходу» более старое значение слова «анекдот» (греч. ‘неизданное’)³⁷ — короткая, нередко нравоучительная история о знаменитых людях, служащая для репрезентации героя анекдота как представителя определенной социальной группы или эпохи. Примерно так же понимали анекдот и в России конца XVIII — XIX века [Курганов 1990: 3–4]. Структура такого анекдота еще зачастую лишена бисоциации³⁸, которая и вызывает у нас резкую реакцию смеха. Однако в начале XX века значение слова «анекдот» начинает «дрейфовать» все дальше и дальше в сторону от традиционного толкования ‘забавная или поучительная история’, и именно для того, чтобы подчеркнуть новую прагматику текста — его направленность на высмеивание окружающей действительности, Наум Цорнас добавляет уточнение «сатирический» к понятию «анекдот».

Мнение, что «альтернативные расшифровки» и другие игры с аббревиацией следует называть анекдотом, зафиксиро-

³⁷ Считается, что впервые слово «анекдоты» (anekdota — букв. ‘неопубликованные’) по отношению к историям из жизни двора императора Юстиниана в таком значении употребил византийский историк Прокопий Кесарийский.

³⁸ Согласно когнитивистским постулатам (впервые изложенным Артуром Кестлером в «Act of Creation»), юмористический эффект возникает при внезапном пересечении двух независимых контекстов в точке бисоциации. *Бисоциация* — ситуация пересечения в сознании воспринимающего двух независимых, но логически оправданных ассоциативных контекстов [Пер. цит. по: Крепс 1986: 15–21]. Нам смешно, когда два контекста, совершенно чуждые друг другу, благодаря бисоциации начинают казаться нам ассоциированными, — так возникает когнитивный диссонанс, который компенсируется реакцией смеха. Позволю себе отослать читателя к подробнейшему обзору различных теорий бисоциаций (начиная с Гегеля) в статье Джонсона [Johnson 1976], а также [Архипова 2013: 25–32].

ровано 24 июля 1933 года в дневнике А.Г. Манькова, при этом автор записи обращает внимание своих читателей на факт возникновения такой номинации на «наших глазах» (*стали называться*):

Анекдотом/шуткой стали называться и такие короткие, пародийные расшифровки официальных аббревиатур: ОГПУ. *О, Господи! Помоги убежать! Убежишь — поймают, голову отрубят* (обратная расшифровка) [Маньков 1933: 74].

КАК СДЕЛАТЬ АНЕКДОТ ИЗ «РАСШИФРОВКИ АББРЕВИАТУРЫ?»

Подобного рода расшифровки могли бытовать как простые тексты, представляющие собой альтернативную, смешную расшифровку известной аббревиатуры слева направо, причем для усиления комического эффекта «расшифровки» могли приводиться списком (причем каждый элемент списка мог бытовать отдельно). Таким примитивным приемом для организации «расшифровок» в список мог стать фрейм «конкурс»:

Как лучше расшифровать ГПУ? Объявлен конкурс. *Гонит, пугает, убивает. — Господи, пронеси, упаси! — Государственный паноптикум ужасов. — Где правосудие? Увы! — Главк преступных убийств. — Грешники правду упрятали.* Премии за лучшую расшифровку — 15 лет, 25 и расстрел. Поощрительные премии — снятие с работы, высылка из Москвы [Мельниченко 2014: №1561].

Часто использовался и другой, также очень простой прием — чтение аббревиатур как слева направо, так и наоборот: справа налево (см. также вышеприведенный пример из [Маньков 1933: 74]):

«Что значит у вас слово ГПУ?» — «Это значит *Государство Пролетарское Убережем*, по мнению одних, а по мнению других: *Гуляй, Пока Уцелел*». — «А скажите, что такое РКИ? Тоже вроде ГПУ?» — «Ничего подобного. *Рабоче-Крестьянская Инспекция*». — «Это как же понимать?» — «До ревизии учреж-

денцы понимают это так: *Работаем Кажется Исправно*. А после ревизии наоборот: *Исправдом Каждому Работнику*» [Мельниченко 2014: №1567].

Для справедливости отметим, что подобного рода игры как единичные примеры существовали и до революции. Например, КБЖД («Киево-Брестская железная дорога») читается слева направо: *Каждый болван жиды бьет* или *Каждому жиды бить дозволяется*, справа налево: *Дурак желает бить кондуктора* [Стрекоза 1883: 7]³⁹.

Однако иногда чтение аббревиатуры слева направо и справа налево создавало подобие диалогов двух акторов. Так, в дневниковых свидетельствах 1930-х годов аббревиатура НКВД раскладывается следующим образом:

Ну, Контра Всероссийская, Держись! Задом наперед: Держись! Вас Колотить Наловчусь! [Мельниченко 2014: № 1571].

У НКВД спрашивают: *На Кого Вы Давите?*. НКВД отвечает: *На Кого Велено Давить!* [Мельниченко 2014: № 1574].

Тексты, в которых процесс дезаббревиации происходит не слева направо, а справа налево, не единичны. Этот механизм становится популярным: элементарную схему (рассказчик задает вопрос: — А знаешь ли, что такое X? — Это Y) накладываются две конкурирующие расшифровки, причем иногда одну из них высказывает еврей. Сравните два текста: в одном из них просто конкурируют две предложенные дезаббревиации (см. пример выше), а в нижеследующем уже появляются акторы — действующие лица микросюжета:

Что такое ВСНХ⁴⁰? Коммунист читает: *Всероссийский совет народного хозяйства*. Буржуй читает: *Воруй смелее, нет хозяина*. Еврей читает (слева направо): *Холера на Советскую Власть* [Аноним 1925: 53].

³⁹ Видимо, это самый ранний пример с расшифровкой справа налево. Стоит обратить внимание, что и здесь есть «еврейская тема». Выражаю искреннюю благодарность А.Ф. Белоусову за этот пример.

⁴⁰ ВСНХ («Высший совет народного хозяйства») действовал начиная с 1923 года.

Кроме того, по упоминанию Сергея Карцевского, в тоже время стали популярны такие палиндромные тексты, для понимания которых нужно было ключевое слово тоже прочитать наоборот: *Ходили загадки типа: «Чем кончится молот-серп»*⁴¹ [Карцевский 2000].

Чтобы возник текст анекдота из расшифровки аббревиатуры, только одного процесса дезаббревиации недостаточно. Появление в анекдоте фигуры находчивого мудреца позволяет (как и вышеприведенном тексте) создать сюжетную структуру, где именно такой персонаж находит остроумный ответ. Так, в дневниковой записи от 19 марта 1925 года Зиновьев и Каменев не могут понять аббревиатуру и обращаются за советом к армянину, а в другом варианте — Ленин и Троцкий к еврею:

Гуляют недавно по Тифлису Зиновьев и Каменев. Видят вывеску: МОСС⁴². Не могут расшифровать и обращаются за помощью к армянину. *Хорошо, душа мой, только я на та сторона пэрэйдю*. Перешел и говорит: *Это значит: «Можэтэ оба сэбэ сдохнуть!»* [Мельниченко 2014: № 1786А].

Наличие акторов, структуры «вопрос-ответ» и организации текста «списочным образом» способствует возникновению следующих анекдотов:

Попадает Хрущев на тот свет. Ставят ему на лоб клеймо ТК. Видит, с таким же клеймом Маркс, Ленин, Сталин. Спрашивает он у Бога: *Почему у них такое клеймо? — Ну, Маркс — Тео-*

Ленин и Троцкий видят вывеску МОС. Оба не знают, что это. Спрашивают у идущего мимо еврея. Тот перебегает на другую сторону улицы и кричит оттуда: *Можете Оба Сдохнуть!* [Штурман, Тиктин 1987: № 194].

⁴¹ Прочитайте наоборот «молот-серп», и получится — «престолом».

⁴² Согласно изданию 1929 года справочника «Социальное страхование» [М.: Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов] МОСС — это «Московский отдел социального страхования». Соответственно, вариант МОС — более поздний и поэтому искаженный. Выражаю искреннюю благодарность Аглае Старостиной за указание на источник.

ретик Коммунизма, Ленин — Творец Коммунизма, Сталин — Тиран Коммунизма, а ты — трепло кукурузное! [Krikmann 2004: 200].

Аббревиатура задает в некотором смысле только парадигматическое прочтение, тогда как семантика и синтактика остается неизвестными, мы знаем лишь последовательность элементов и их количество. Поэтому любые дополнительные графические элементы, даже скобки, начинают пониматься не просто как знак, указывающий на дополнительный характер информации, а как способ, позволяющий «распространить» толкование, сделать текст «расшифровки» более полным. Есть простые варианты: *Что означает ВКП(б)? Второе крепостное право (большевики)* [Штурман, Тиктин 1987: № 142]. Но иногда дополнительная расшифровка строчной буквы в конце аббревиатуры⁴³ позволяет «удлинить» структуру:

Что означает ВКП(б)? — *Всё кончится погромом*. — Но там есть ещё в скобках «б»? — Значит — *большим* [Любченко 2003: 185].

Уже на этом примере становится заметно, что акцент языковой игры постепенно перемещается с банального приема юмористической расшифровки аббревиатур на обыгрывание того контекста, в котором они возникали и существовали:

Почему переименовали РКП(б) в ВКП(б)? 1) А потому, что значительное большинство партии картавит, и выговаривать «Р» ему трудно [Любченко 2003: 181].

Следующий тип развивает синтактику анекдота в другом направлении, для которого семантическую нагрузку приобретает последовательность букв: *Что такое РСФСР? — По бокам — розы, по краям — слёзы, посередине — фига* [Штурман, Тиктин 1987: № 20].

⁴³ Так, например, буква (б) в аббревиатуре ВКП(б) интерпретировалась еще и таким образом: *«Большевики теперь уже не за скобками, а за решеткой»* — с горечью сказал мне один старый большевик, когда речь зашла о походе Сталина на остатки старой гвардии» [Социалистический вестник. 1935. № 13. С. 16].

И наконец, еще один способ синтаксической организации юмористического текста — это интерпретация двух и более аббревиатур как глагольных форм, что позволяет построить анекдот в виде диалога — см. ленинградский анекдот начала 1950-х годов: *Лги!*⁴⁴ — *кричит с одного конца набережной Горный институт. Лгу!*⁴⁵ — *покорно отвечает на другом конце Университет* [Клубков 2004: 656].

СКРЫТОЕ ПОСЛАНИЕ В «ПСЕВДОАББРЕВИАТУРЕ»

[Деньги закончились и я пошла] в музей с просьбой срочно выслать деньги. Мася хотел дать словом: «Казбек» (*командировочные окончились, загнал брюки, еду кальсонах*), как ему шутя посоветовал главбух, но побоялся, что сочтут за шифровку [Воеводская 2005: 250],

— рассказывается в одном воспоминании о советском времени. В ироничной манере описывается ситуация тотального кодирования и раскодирования любого факта языка и жизни. Кроме полуспонтанных расшифровок аббревиатур, часто с ярко выраженной пейоративной направленностью (например, аббревиатура СССР как «Сами Срали Сами Расхлебывайте» [Любимов 2000: 230]), бытовали и истории, что в таких аббревиатурах (или в словах, которые можно принять за аббревиатуры, т. е. Тип А.П — о нем далее) скрыто некое тайное послание:

Обыватели тешили и пугали себя выдумками: фамилия «Троцкий» заключает в себе его завет: «Товарищи рабочие, отдайте царю корону и империю». «И краткое» в конце фамилии обывателей не смущало [Любимов 2000: 181].

В следующем анекдоте, фигурирующем в следственном деле 1952 года, описывается такой же обмен телеграммами, какой хотели предпринять сидящие без дела научные работники:

⁴⁴ ЛГИ — «Ленинградский горный институт».

⁴⁵ ЛГУ — «Ленинградский государственный университет».

Бекетов С.И. (1915 года рождения, русский, плотник, г. Уральск Западно-Казахстанской области) неоднократно в 1952 г. выражал недовольство советской властью, рассказывал анекдот: «Однажды (назвал имя вождя⁴⁶) задумал написать письмо Троцкому и написал одно слово „Совет“. Троцкий стал расшифровывать это слово по одной букве и расшифровал так: „Сослан один великий еврей Троцкий“. Троцкий написал в ответ тоже одно слово „Совет“. Еврей это слово расшифровал наоборот: „Троцкий е... всех, особенно <...>» [Эдельман 1999: 53–54].

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ РАСШИФРОВКИ НАЗВАНИЙ ГОРОДОВ

Был император крут, как кремень:
кто не потрафил —

катитесь в Кемь!

Раскольник, дурень, упрямый пень —
в Кемь!

[Вознесенский 1984: 507]

— в этих словах Андрея Вознесенского содержится поэтический пересказ легенды о названии Кемь, согласно которой название «Кемь» происходит из вердикта Петра: «К Е... матери!» (когда ссылали попавших в опалу вельмож). Это предствление бытовало все советское время, однако «авторы названия» все время менялись: Иван Грозный, Петр I, Екатерина II [Виноградов, Громов 2007: 4]. В лагерной версии такое сокращение, давнее название месту ссылки, придумал некий безымянный жандармский офицер [Федорова 2006: 136]. Существует и усложненная версия, согласно которой «Б» в конце поставила Екатерина, когда ее попросили горожане как-нибудь смягчить этот всем известный смысл названия⁴⁷.

⁴⁶ Перед нами классический пример табуирования имени вождя. Имя Сталина, реже — других членов Политбюро при цитировании антисоветской крамолы необходимо было либо пропускать, либо заменять описательной конструкцией. Здесь в первом случае (*назвал имя вождя*) имеется в виду скорее всего Каганович, поскольку имена Зиновьева, Каменева или Бухарина не табуировались бы в таком контексте. Во втором месте пропуском обозначено имя Сталина.

⁴⁷ Устное сообщение от М.Л. Лурье, Санкт-Петербург.

Эта топонимическая легенда была известна уже в начале 1930-х годов, в самый разгар популярности аббревиатурных расшифровок. Именно в 1931 году эмигрантский писатель Николай Былов публикует в Париже роман «Волчья тропа», в котором великий преобразователь, со свойственной ему выпуклостью рчи, громыхалъ: «къ е... матери!» ... Получилось, хорошо, просто и даже съ мягкимъ знакомъ на конце: Кемь. Отсюда и повелось — городъ Кемь [Былов 1931: 25]⁴⁸.

Однако подобная традиция сложилась не только вокруг названия города Кемь – эта традиция стала популярна в Сибири и на Севере России. Так, Омск расшифровывается как «Отдельное место ссылки каторжников», Томск — «Таежный острог, место ссылки и каторги», Орск — «Отдаленный район ссыльных каторжных», Тихвин — «Так иногда хочется выпить, и нечего»⁴⁹.

КАК ФУНКЦИОНИРОВАЛИ РАСШИФРОВКИ АББРЕВИАТУР

Теперь от обсуждения вопросов структуры подобного типа анекдотов перейдем собственно к социально-политической прагматике. Подавляющее большинство дезаббревиатур, согласно собранию Михаила Мельниченко [Мельниченко 2014] (а его собрание насчитывает 5852 сюжетные единицы), было впервые зафиксировано с середины 1920-х по середину 1930-х годов, и это не случайность. Весьма часты случаи арестов тех, кто рассказал подобную расшифровку или ее им приписали:

Привезли его ночью, и сразу в кабинет к следователям...

Один показал на портрет вождя и учителя, спросил:

— Кто это?

— Это товарищ Сталин.

— Тамбовский волк тебе товарищ. Рассказывай, чего против него замышлял?

⁴⁸ Выражаю искреннюю благодарность М.Д. Алексеевскому за указание на этот ценный источник и помощь в создании этого раздела.

⁴⁹ Устное сообщение Е.В. Кулешова, Санкт-Петербург.

— Да что вы, товарищи!..

<...> Тут я и правда вспомнил. Выпивали мы, и Степанов меня спросил: что такое СэСэСЭР знаешь? Знаю, говорю. Союз Советских Социалистических Республик. А он смеется: вот и не так! СССР — это значит: Смерть Сталина Спасет Россию... Рассказал я им это, они такие радостные стали:

— Ну вот! Давно бы так [Пудовкина 2000].

В формулировках приговоров арестованных в 50-е годы такие расшифровки не только встречаются, но и продолжают называться «анекдотами»:

Семилетов И.Я. (1902 года рождения, русский, образование 2 класса, пчеловод, г. Тбилиси) в 1950–1953 гг. <...>, рассказывал анекдоты: расшифровки названий «ВКП(б)», «Торгсин», «СССР» [Эдельман 1999: 152].

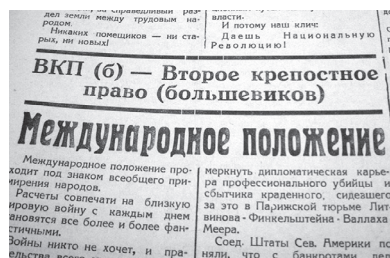
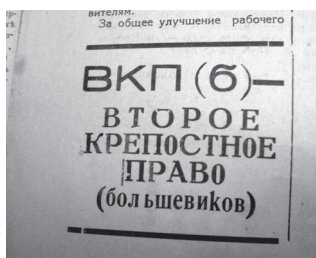
Потавин В.М. (1925 года рождения, русский, образование низшее, разнорабочий железной дороги, ст. Петрозаводск) 4 марта 1953 г. после сообщения о болезни Сталина рассказывал анекдоты: расшифровки слова «Спорт» и «СССР» «в анти-советском духе с террористическим выпадом против Вождя» [Эдельман 1999: 23].

Токарев Н.Н. (1934 года рождения, русский, грузчик на заводе, прежде судим в 1956 по ст. 58-10 ч. 1, Алтайский край) в январе—апреле 1957 г. <...> расшифровывал аббревиатуры: КПСС — крепостное право Советского Союза, ВКП(б) — Великое крепостное право большевиков, СССР — смерть Сталина спасла Россию [Эдельман 1999: 323].

К середине 30-х годов дезаббревиации были настолько ярким социальным и социолингвистическим явлением, что часто использовались в качестве пропаганды. Так, такие тексты регулярно печатали эмигрантские газеты, а некоторые использовали популярные расшифровки СССР и ВКП(б) как «девизы» газет [Илл. 6], иногда располагая такой текст на первой странице под заголовком [Илл. 5], очевидным образом пародируя девиз газеты «Правда» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Илл. 5. Первая страница эмигрантской газеты «За Новую Россию» [За Новую Россию 1935a]

Илл. 6. Вторые страницы газеты «За Новую Россию» [За Новую Россию 1935b и 1935c]. «Расшифровка» используется как название раздела

Илл. 7. Нацистская листовка 1941 года

Эти же «расшифровки» ровно таким же образом использовала и нацистская пропаганда. Уже начиная с 1960-х годов популярность такого типа игры с аббревиатурами идет на спад, и к концу советского периода они перестают быть актуальными. Во времена перестройки эта традиция едва «теплилась»:

[Армянское радио спросили] Как понимать фамилию и инициалы генсека?⁵⁰

— Граждане Обрадовались Раню. Брежнева, Андропова, Черненко Ещё Вспомните Милостивцами, Справедливцами [Штурман, Тиктин 1987: 296].

Благодаря фамилии, означающей: Гарантирую Осуществление (вар. — Отмену) Решений Брежнева, Андропова, Черненко, Если Выживу [Штурман, Тиктин 1987: 293].

Когда в русской языковой и фольклорной традиции уже сформировалась речевая практика юмористических расшифровок известной аббревиатуры, возникает текст, где даже подлинная расшифровка понимается как юмористическая: *Знаешь, что такое КПСС? — Ну, скажи! — Не знаешь?! (шёпотом) Коммунистическая партия Советского Союза! Оба смеются* [Штурман, Тиктин 1987: № 371]⁵¹.

Единственная сфера, где данный жанр был актуален в 1980–1990-е годы (кроме, конечно, тюремной субкультуры) — это школьный фольклор. Как показывает анализ коллекций школьного фольклора в Эстонском литературном музее [Sarv 1997, Voolaid 2010], там хранятся сотни текстов расшифровок.

Однако этот речевой жанр, казалось бы, почти полностью вымерший, на наших глазах оживает сейчас — изредка они встречаются и в устном бытовании: В Питере спрашивают: *Что такое МТС⁵²? — «Москва тоже столица»*⁵³ (2006 г.) будучи частью не устного дискурса, но плакатного. Начиная с 2011 года этот прием не очень часто, но регулярно появляется на плакатах политических и социальных митингов и пикетов. Так, например, во время митинга на Новом Арбате 10 марта 2012 года, организованного несистемной оппозици-

⁵⁰ Анекдот записан в 1986 году, имеется в виду М.С. Горбачев.

⁵¹ Возможно, здесь «разговор шепотом» связан с тем, что в другом тексте КПСС расшифровывается как «ряд глухих согласных» [Штурман, Тиктин 1987: 142; Сарнов 2002: 2004].

⁵² МТС — оператор мобильных сетей.

⁵³ От А.И. Сухопяткина, 1990 г.р., услышал 1.05.2006 в г. Санкт-Петербурге.

Илл. 8. Новый Арбат. 10 марта 2012 года
(Фотография М. Ахметовой)

ей по поводу выборов президента и результатов выборов, появилась женщина, которая держала плакат с аббревиатурой ГКЧП, которая расшифровывалась таким образом: *Говорухин, Кургинян, Чуров, Пу* [Илл. 8].

В другом лозунге графическим способом прочитывается аббревиатура ЧП («чрезвычайное происшествие»): *Чуров, Путин, вот Настоящая беда. Какие выборы, такой и президент* [Илл. 12], а на футболке молодого человека [Илл. 9] видно

Илл. 9. Митинг 12 июня 2012 года на проспекте Сахарова
(Фотография М. Орловской)

расшифровку инициалов президента: *Врать, Воровать, Провоцировать*.

И, наконец, во время Марша Мира против военного конфликта на Украине один из участников шествия держал плакат, на котором было написано:

Прекрати
Украину
Терзать
Изматывать
Насиловать [Илл. 10].

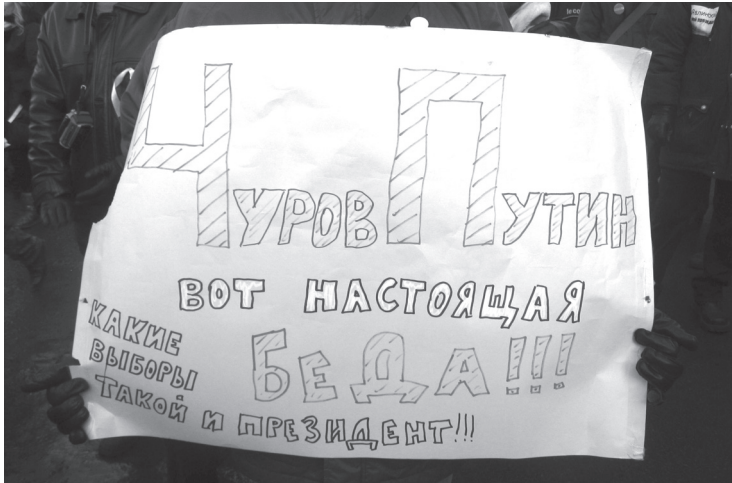
Гораздо активнее происходит реактуализация аббревиатур в современной Белоруссии, о чем рассказано в статье [Astarova 2013]. Мы сталкиваемся не только с расшифровками инициалов Лукашенко как аббревиатуры, но и аббревиатурой ШОС («Шоб он сдох»), придуманной блогерами, ставшей названием группы в социальных сетях, устойчивым прозвищем для самого президента, и наконец, знаком уличного протеста против Лукашенко, как это видно на фотографии [Илл. 11].

Илл. 10. Марш Мира, проходивший в Москве 21 сентября 2014 года
(Фотография А. Алексеевского)

Илл. 11. Надпись ШОС на уличном столбе.
Источник [http://www.nilacala.ru/politika/beloruskij-raj/]

Илл. 12. Новый Арбат. 10 марта 2012 года. Фотография М. Ахметовой

ПОЧЕМУ ТАК ПОПУЛЯРНЫ ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ С АББРЕВИАТУРАМИ?

Общие причины для этого явления обсуждались в первой главе. К этому хотелось добавить еще один аргумент. Когда Маяковский пишет свои знаменитые строчки:

Синемордое,
в оранжевых усах,
Навуходоносором
библейцем —
«Коопсах».

он не просто так выбирает слово «Коопсах», которое навевает на него библейские аллюзии. Период между двумя русскими революциями, а также первое послевоенное десятилетие — это время если не уничтожения, то передела социальных и этнических границ. В частности, после отмены для евреев черты оседлости, ценза на поступление в высшие учебные заведения и занятия рабочих мест стала возможной интерференция городской среды с выходцами из еврейских местечек и городов вроде Одессы, где евреи

составляли значительную долю населения. Языковые игры с расшифровкой аббревиатур (см. главы II и III) или декодированием текста для превращения его в аббревиатуру (см. главы II, III, VI) могли быть следствием такой интерференции.

Многие из еврейских имен/фамилий изначально представляли собой аббревиатуры имен известных раввинов: *Маршак* — *морейну рабейну Шломо Койдановер*, *Bril* — *Ben Rabby Judah Lob* [Селищев 2003: 85; Унбегаун 1995; Weider 2000]. Традиция аббревиации была хорошо знакома⁵⁴ как секулярной еврейской традиции и книжной мистической (каббалистические трактовки библейских слов и фраз как аббревиатур). Средневековые еврейские заклинания на табличках для защиты младенца образовывали, например, аббревиатуру *BarZeL* (которая читается как слово *barzel* 'железо') из первых букв имен прапрадедов *Bilhah*, *Rachel*, *Zilpah*, *Leah* [Swartz, Schiffman 1992: 41]⁵⁵.

В тексте писателя Залмана Шнеура «Шкловцы» [«Шкловер идн»] ряд советских аббревиатур стоит рядом со словом *рошетейвес*, представляющем аббревиатуру самых частых библейских стихов, что для знающего человека создает комический эффект: *Еврейские девушки стали бесстыдницами. Они курят папирасы и стучат на пишущих машинках в Госторге, Лесторге и прочих подобных рошетейвес*.⁵⁶

Так или иначе, но и юмористическая игра с существующими аббревиатурами в 20–30-е годы весьма часто включает в себя аллюзию на еврейские традиции. При этом не будем забывать, что 1920-е годы — это время расцвета устойчивых

⁵⁴ См., например, раздел «Аббревиатуры» в «Краткой еврейской энциклопедии» <<http://www.eleven.co.il/article/10005>>

⁵⁵ Выражаю сердечную благодарность М.В. Каспиной за указание на источник.

⁵⁶ Выражаю сердечную благодарность Валерию Дымшицу за консультацию по этому вопросу и предоставление данного источника. Перевод текста Залмана Шнеура выполнен также Валерием Дымшицем.

представлений о «жидовской власти», о том, что «революцию сделали одни евреи»: *Почему в названии РСФСР такая последовательность букв? Чтобы Ленин читал справа налево, а Троцкий — слева направо* [Аноним 1925].

Встречаются и тексты, где название партии напрямую ассоциируется с еврейским именем⁵⁷:

Почему переименовали РКП(б) в ВКП(б)? Потому, что евреи имеют обычай перед смертью менять имена⁵⁸ [Любченко 2003: 181].

В связи с вышесказанным можно предположить, что еврейская традиция «поиска скрытых смыслов» в библейских аббревиатурах, а также традиция аббревиатурных имен оказала значительное влияние на советскую гетерогенную культуру.

⁵⁷ Есть анекдоты, где ассоциация имени с аббревиатурой, означающей партию, оказывается «проходным билетом»: *Еврей из провинции приехал в Москву. Видит — на передней площадке совсем мало народу, без давки. Вот он и пошел туда. Слышит один перед ним, проходя в вагон, говорит кондуктору: «ЦИК». (Это значит Центральный Исполнительный Комитет СССР.) Кондуктор пропустил. Другой говорит: «ВЦИК» (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) — тоже прошел. Третий говорит: «ВУЦИК» (Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет) — тоже пропустили. Дошла очередь и до него. Он, не понимая ничего, произнес свое имя — Ицик [Мельниченко 2914: № 5502].*

⁵⁸ Как мы видим, анекдот отсылает слушателя к некоторому «еврейскому обычаю». Согласно устному комментарию Валерия Дымшица, возможно, мы имеем здесь дело со напластованием нескольких представлений. Существует известная еврейская практика в случае болезни ребенка добавлять ему имя (например, Хаим / Хая — «живой / живая»), чтобы «добавить жизни». Новое имя не заменяет, а дополняет старое, тем более, что у евреев были широко распространены двойные и даже тройные имена. С другой стороны, можно вспомнить представление о предсмертном изменении имени русскими царями при пострижении (РКП — новый царь).

Глава IV

ОТ САРАФАННОЙ ПОЧТЫ К РАДИО ОБС

Вспоминаю, как жадно Маяковский впитывает в себя всякие анекдоты и каламбуры. За обедом он рассказал мне, что ЛИТО⁵⁹ в Москве называют НЕТО.

К.И. Чуковский.

Дневниковая запись за 12 мая 21 года

В этой главе речь пойдет об историческом прецеденте: как, шаг за шагом, формировался самый яркий и известный на сегодняшний день представитель типа А.III — создание несуществующей аббревиатуры (или «псевдоаббревиатуры») — агентство или радио ОБС («Одна баба сказала»).

БАБЬЯ ИЛИ САРАФАННАЯ ПОЧТА

В середине 80-х годов XIX века этнограф Ф.М. Истомин был откомандирован Русским географическим обществом для собирания песен в северных губерниях. Он использовал все способы, в частности записывал их во время передвижений на лодках по многоводному Заонежью и по Выгоозеру [Истомин 1886–1887: 7]. Гребцами на этих лодках служили женщины, Истомин пишет, что «в этих местах» такую работу называют *бабьей почтой*:

Чаще же всего приходилось <...> пользоваться любовью к пению гребцов, охотно поющих во время этой, хотя и тяжелой, но привычной для них работы; надо заметить при этом, что гребцами, особенно при передвижении путями почтовыми, земскими и так называемыми мирскими — на севере являются женщины, причем состав их всегда одинаков: на обыкновенной

⁵⁹ ЛИТО — «Литературное объединение».

лодочной подводе, соответствующей паре лошадей, вы всегда найдете 4-х гребцов; из них 3 девушки, 1 непременно — молодая или пожилая — женщина; кормщиком чаще всего является крестьянин, изредка и его заменяет пожилая, испытанная в этом деле кормщица, или, как там говорят, «корщица». Эта так называемая *бабья почта* проявляет замечательное искусство в гребле и удивительную неутомимость [Истомин 1886–1887: 7]

Такая *бабская почта* считалась безопасной, но некоторые путешественники боялись ею пользоваться:

От водопада я поехал вниз по реке в лодке и спустился к селу Подужемью, не без некоторого страха, по довольно крутому порогу, из которого лодку с невероятною быстротою вынесло на спокойное и широкое плёсо реки. Рулевыми и гребцами в лодке были только бабы; смелость и ловкость, с которыми они управляли лодкою, изумительны — при малейшей оплошности лодка могла удариться о камень, и тогда, конечно, прощай: выбраться вплавь из такого омута невозможно. Как-то неловко было перед бабами отказаться от предложенной прогулки по порогу, но в другой раз без особой надобности я постараюсь избегать таких поездок [Энгельгардт 2009].

Еще раньше, в 1862 году, в «Олонецких губернских ведомостях» была опубликована статья некоего Р.М. под названием «Сарафанная почта»:

До открытия пароходства по реке Свири, у верхних свирян был промысел, известный под названием сарафанной почты. Так как по причине быстроты Свири, трешкоты не могли ходить от Вознесенья до Лодейного-Поля, то приказчики и судохозяева ездили на открытых весельных лодочках, гребцами на которых служили всегда женщины. Такая езда и называлась *сарафанной почтой* [Р.М. 1862].

И наконец, за 10 лет до этого, во второй половине 50-х годов XIX века, известный этнограф и путешественник С.В. Максимов так описывает подобную сарафанную почту в Поморье:

Девушки, иногда даже старухи, служат гребцами на почтовых и обывательских карбасах (следовательно, заменяют

лошадей), посредством которых, летом, за отсутствием сколько-нибудь сносных дорог на суше, только и можно поддерживать сообщение вдоль поморского берега и с Соловецким монастырем [Максимов 1864: 131].

Как видим, все этнографы и путешественники, посетившие Русский Север в этот период, познакомились с выражением *бабья почта* в прямом значении, которое и фиксируется в словарях: в 1878 году выражение *сарафанная почта* толкуется как 'перевозка почты на лодках, в которых гребут женщины' [СРНГ 2002, Т. 36: 139].

Однако почти в то же время фиксируется и юмористический оттенок этого выражения. В своем рассказе о жизни Архангельской губернии ссыльный этнограф П.С. Ефименко сообщает: *Такая почта, состоящая из женщин, в шутку называется сарафанной почтой* [Ефименко 1869: 217]; а по поводу высмеивания женщин, занимающихся данным промыслом, автор делает интересное примечание:

При исполнении женщинами должностей в Поморье пренебрежения к ним и насмешек не бывает, со стороны крестьян; смеются только не привыкшие к этому явлению чиновники. Южнее, в Шенкурском уезде, над ними в особенности, когда они строго исполняют свои обязанности, смеется встречный и поперечный [Ефименко 1869: 217, сноска].

В 1885 году это выражение — с указанием именно на его шутливый регистр — попадает в «Словарь архангельского наречия...» Подвысоцкого:

Сарафанная почта — так называют в шутку крестьянок, служащих гребцами на почтовых карбасах (Онеж., Кем., Кол.) [Подвысоцкий 2009: 449].

ОТ САРАФАННОЙ ПОЧТЫ К РАДИОСАРАФАНУ

Наступает XX век. Согласно словарям, на момент начала века словосочетание *сарафанная почта* еще сохраняет свое первичное значение [СРНГ 2002, Т. 36: 139], однако примерно

во время или после Первой мировой войны происходит семантический сдвиг, и выражение уже получает новое значение: 'источник слухов, сплетней'. В 1918 г. в Костромской области был зафиксирован следующий диалог: *От кого ты это слышал? — от сарафанной почты* [СРНГ 2002, Т. 36: 139].

В те же 1910–1920-е годы благодаря быстрому распространению радиосвязи, появляется новая трансформация этого выражения — рождается *сарафанное радио*. Первая известная фиксация относится к 1920-м годам, когда О.Э. Озаровская предпринимает несколько экспедиций на Русский Север, в районы рек Мезень, Пинега и Печора. Свои записи сказок она издает в знаменитом сборнике «Пятиречье», который был организован как обрاملенная проза (по принципу «Декамерона»): ситуационной рамкой для рассказывания историй является долгое ожидание парохода, во время которого попутчики, чтобы скоротать время, рассказывают сказки. При описании этих «посиделок» собирательница для передачи колоритной речи местных жителей использует слово *радиосарафан* в значении 'быстрая устная связь, слухи':

Сказка привела всех в восхищение, а народу набиралось все больше и больше. Действовал «радиосарафан». Вся деревня уже знала, что сегодня придет пароход <...> Слушок давно уж есть [Озаровская 2009: 343].

- Вести есь нашшот парохода: снялся с мели, в Карповой бывал и выша пошел, должно до Суры дойдет... <...>
- Это што на телеграфе узнали? Ходили так рано?
- Нет, жонка пришла, сказывала, видела, как снялся.
- В тридцати верстах сидел...
- Скоморох, уже сидевший рядом с молодой, крикнул:
- У нас телеграф редко действует. Больша — радиосарафан! [Озаровская 2009: 329].

При этом в примерах Ольги Озаровской радиосарафан отчетливо противопоставлен официальным каналам передачи информации:

Конечно, в тот день и трапезничали, и отдыхали, и узнавали насчет парохода. Уже не «радиосарафан», а настоящий телеграф принес известие, что пароход добрался благополучно до Суры [Озаровская 2009: 329].

Это противопоставление сарафанного радио и официального источника информации будет сохраняться на протяжении всего советского времени. Например, в 1928 году в Томском ГПУ царили постоянные склоки — одна группа чекистов обвинила другую в следовании правому уклону, а обвиняемые защищались, утверждая, что у них *правых уклонов нет, а имеют место отдельные шушуканья и бабские сарафанные сплетни* [Тепляков 2008: 304]. Часто мы можем встретить подобное описание слухов в мемуарах о 1937–1939 годах:

И вдруг в одно прекрасное утро мы приходим в школу и узнаем, что его посадили как врага народа. Нам никто ничего не объявлял и не объяснял, до нас доходили слухи, «сарафанное радио» [Николаев 1985: 90].

Таким образом, можно утверждать, что повсеместно на Русском Севере в XIX веке женские лодочные артели переправляли людей и грузы, и называлось это — серьезно или шутливо — *бабьей* или *сарафанной* почтой. Использовалось ли уже тогда словосочетание *сарафанная почта* в том значении, в каком мы его знаем, — для обозначения неформальных и/или непроверенных коммуникаций — сказать невозможно, но ни один источник на это не указывает. Семантический сдвиг произошел не позже 20-х годов XX века (*радиосарафан*), но в течение всего советского времени выражение *сарафанная почта / сарафанное радио* возникает, например, в таких контекстах:

Во всех подробностях и с красочными прибавками про сватовство Мишки Петрова знала вся округа: сарафанная почта сработала безотказно, даже в такую вьюгу [Белов 1987: 294–438].

Из приведенного примера видно, что речь идет, строго говоря, не о слухах, а о способе быстрого распространения

информации неформальными путями («из рук в руки»). Часто упор делается именно на скорость распространения информации: *В городке с 50 тысячами человек «сарафанная почта» сработала мгновенно* [Известия 2006].

Хотя частотность сочетания *сарафанная почта* в современных контекстах гораздо ниже, чем у его потомка — *сарафанного радио* (см. табл. 2), тенденция к повышению частотности его употребления по-прежнему наблюдается именно на Русском Севере (в отличие от повсеместно распространенного *сарафанного радио*). Стоит при этом обратить внимание на подчеркивание в соответствующих текстах устного и неофициального характера данного канала коммуникации⁶⁰:

Поэтому абитуриент из Иды, поступающий, к примеру, в вологодский вуз, чтобы доложить беспокоящимся родителям о сданном экзамене, идет к поезду до Вохтоги, передает с кем-то из пассажиров свое письмо или устный привет, а те уже, в свою очередь, пересылают эти новости другим поездом — из Вохтоги до Иды. Такая вот сарафанная почта и истинно русская взаимовыручка [Шубина 2008].

А вообще, жизненная практика подсказывает: выбирать надо не роддом — они все оборудованы примерно одинаково, а хорошего врача. Как узнать, какой лучше? Главный гинеколог намекнула: поинтересуйтесь у друзей, знакомых, словом, пользуйтесь «сарафанной почтой» [Оберук 2006].

Кроме того, в говорах Русского Севера и Сибири (современные фиксации) «почтой» называют сплетницу: *она как есть почта — переносит сплетни из дома в дом* (на Урале), *легкая почта — человек, который врет* (в омских говорах) [СРНГ. Т. 31, 1997. С. 18].

Выражение *сарафанная почта* в северных говорах также применяется для обозначения не только способа передачи

⁶⁰ Ту же проблему 19 ноября 2010 г. обсуждают посетители форума (<http://uk.rupoint.net/archive/index.php/t-11073.html>), отвечая на вопрос о распространенности данного выражения.

информации, но и человека, эту информацию распространяющего: *Чертova сарафанная почта живет тут, все разболтает* [СРНГ. Т. 36, 2002. С. 139].

Отметим, что исходной метафорой, лежавшей в основе семантической трансформации, была распространение сведений женщинами, *сарафан* — не только очевидный признак женщины, но и ее метонимическая замена. Ср. в тех же северных говорах *сарафанщик* значит ‘бабник’, а в «Рассказах русского инвалида» И.Н. Скобелева (1838–1844) описывается барышня, которая *ровно чрез двенадцать лет после вышереченной сарафанной экспедиции учинилась спутницей моей жизни* [СРНГ. Т. 36, 2002. С. 139]. Однако в современном значении этот гендерный аспект выражения «сарафанного радио» оказался сдвинут на второй ряд.

ПАНТУФЛЕВАЯ/ПАНТОФЛЕВАЯ/ПАНТУФЕЛЬНАЯ ПОЧТА

Теперь перейдем, казалось бы, к совершенно иной сфере. Во многих европейских языках существует слово *пантуфель* ‘тапочки без задников’; с тем же значением оно пришло в русский язык, возможно, из фр. *pantoufle* (*пантуфли* — ж. мн. франц. туфли, босовики или шамкалки, папуши [Даль 1882, III: 16]). В польском фразеологическом словаре есть выражение *pantoflowa poczta* — со значением ‘передача из уст в уста’⁶¹; впервые эта идиома была зафиксирована в 1887 году. А вот контекст 1910 года: *trzeba było poprzestawać na gazecie tzw. Pantoflowej*⁶² (*приходилось удовлетворяться так называемой пантофлевой газетой*⁶³). В польский язык слово *pantofel* (но не сам фразеологизм), скорее всего, пришло из немецкого *der Pantoffel*⁶⁴ — ‘легкие домашние туфли’

⁶¹ [Krzyżanowski 1970: 816] Благодарю Г.Г. Суперфина, предоставившего мне эту ссылку.

⁶² Благодарю за консультацию Карину Гарштеца.

⁶³ Благодарю за перевод Е.Ю. Михайлик.

⁶⁴ Немецкие этимологи предполагают происхождение этого слова из итальянском языке.

[Krzyżanowski 1970: 816], *'туфли без задников'* [Kluge 1993: 967]; первая фиксация этого выражения относится к XVI в. [Kluge 1993: 967].

Однако в русский язык эта идиома проникает в определенном «еврейском контексте» и таким образом становится синонимом еврейской почты (о ней — далее); ср. в воспоминаниях А.И. Деникина, относящихся к 1892 году:

Кроме общедоступных средств сообщения, они [евреи] пользовались еще своими особенными, значительно ускорившими сношения: так, «пантофлевая почта» успешно конкурировала с государственной, а стенки вагонов товарных поездов были испещрены какими-то иероглифами, которые находили где-то адресатов и сообщали им цены, предложения, заказы... Скорость и дешевизна! О таких событиях, как крупный выигрыш, павший на билет варшавской лотереи, принадлежащий кому-либо из местных обитателей, перемещение в Белу новых частей, смена губернатора — мы узнавали при посредстве «пантофлевой почты» гораздо раньше, нежели из газет [Деникин 2005: 285].

В.С. Елистратов в словаре «Язык старой Москвы» [Елистратов 1997: 358] и В.П. Сомов в «Словаре редких и забытых слов» [Сомов 1996: 338] в статье «Пантофлевая почта» приводят одну и ту же цитату из рассказа Н.А. Лескова «Жидовская кувырколлегия» (*Весть, что еврейская просьба об освобождении их от рекрутства не выиграла, стрелю пролетела по пантофлевой почте во все места их оседлости*) и дают ей одно и то же мифологическое объяснение: выражение якобы возникает из старого еврейского обычая провозить запрещенные вещи в туфлях. В определении В.П. Сомова упор делается на секретность передачи информации: *Быстрая передача каких-нибудь известий (обычно секретных) от одного лица другому* [Сомов 1996: 338], В.С. Елистратов же особенно настаивает на том что эта идиома употребляется в основном применительно к еврейскому сообществу. Как бы то ни было, выражение устойчиво в отчетливом антисемитском контексте, а функционально-семантический сдвиг

не вполне ясен: если первоначально за выражением *rocza pantoflowa* можно увидеть только распространение сплетен «в домашних туфлях», т.е. женщинами, то в русском языке это приобрело этнически мотивированное значение.

Обратим внимание, что форма *пантофлевый* сохраняет *о* в корне, как в немецком *der Pantoffel*, но не *у*, как в русском варианте *пантуфли* [Сомов 1996: 338] (*Все рабы Гименея, мужа под пантуфлю, разорившиеся игроки, люди, у которых почему-либо не открылась карьера, составляли средний возраст Москвы*. А.С. Пушкин). Мы могли бы ожидать форму *пантуфлевая почта*, но она не встречается в словарях, очень слабо представлена в Интегруме и отсутствует в Национальном корпусе русского языка. Yandex дает на это слово три вхождения, запрос Google — один, в то время как встречаемость для *пантофлевый* — 74 для Yandex, и 155 для Google. Возможно, такое сохранение *о* в форме *пантофлевая почта* указывает на ее переход в русский язык и южнорусские диалекты из идиша (или из польского), что объясняет и сохранение данной формы, и «еврейский контекст» самого выражения. Остается, конечно, неясно, почему еврея репрезентируют именно тапочки, но это — тема другого исследования. Отметим только, что в своем «Смоленском областном словаре» (1913) В.Н. Добровольский на слово *пантуфильки* («туфельки») приводит такой пример: *Са страху жиды уси свае пантохвильки растиряли* (Ельнин. уезд) [Добровольский 1914: 575], из которого следует, что евреи, действительно, в русском народном сознании связывались с «пантофлями». О. В. Белова приводит в своем исследовании об этнокультурных стереотипах легенду из Покутье, Галиция, почему у разных народов праздники в разное время. Первенство еврея объясняется тем, что он обут в пантофли [Белова 2005: 159].

«Еврейские черты» эти туфельки сохраняют еще долго, возникая как синоним к «еврейскому телеграфу» и к «радио ОБС». В 1942 году пронацистская русскоязычная берлинская газета «Новое слово» публикует фельетон некоего М. Гри-

горовича⁶⁵ «О.Д.С.», где в характерном для данного издания антисемитском стиле описывается ситуация со слухами, которые, по мнению автора, сейчас порождаются *агентством О.Д.С.* («Одна Дама Сказала»), происхождение которого связывается с *пантофлевой почтой*:

В незапамятное время <...> существовали плотные группы обитателей с ярко выраженной склонностью к ношению пантофель (sic! — А. А.). Талантливый карикатурист рисовал внизу листочка пару этой полуобуви, а сверху обозначал пару выразительных пейсиков. Поведение каждой пары пантофель регулировалось одним неизменным законом: периодически несколько пар этой обуви собирались вместе и через короткое время разбегались в разные стороны. Так появилась «пантофлевая почта» [Григорович 1942: 5].

Форма же *пантуфельная почта*, производная от *пантуфли*, встречается всего лишь в одном тексте, причем без всякого «еврейского контекста»:

Слухи же из Киева (по *пантуфельной* почте) были крайне тревожны: по одной версии, в Киеве вспыхнуло очень сильное революционное движение [Лукомский 2001].

ЕВРЕЙСКИЕ ПОЧТА — ТЕЛЕФОН — ТЕЛЕГРАФ

В еврейской народной культуре существует такое явление, как *эрув* — символическое действие, позволяющее обходить некоторые религиозные запреты⁶⁶. В субботу, например, евреи соединяли дома веревкой, на которую клали (или вешали) кусочки хлеба. Таким образом обходилась запрет выносить в субботу еду из дома, поскольку дома, обвязанные этой веревкой, символически становились как бы одним про-

⁶⁵ Сердечная признательность Б.А. Равдину за указание на эту публикацию.

⁶⁶ Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс] <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15117&query=%DD%D0%D3%С2>

странством. Сторонние наблюдатели же видели тянущуюся от дома к дому веревку с прикрепленными к ней кусочками хлеба. Называлось это *еврейской почтой*⁶⁷ (не позже 20-х годов XX в.), так как существовало представление, что *евреи, не могущие выйти из дома, передают друг другу какие-то сигналы по веревке (скажем, дергая за нее условленное количество раз)*⁶⁸. Специфически еврейское средство связи видели в такой веревке местные жители Подолии⁶⁹; более того, в нем, возможно, подозревали что-то злонамеренное:

Еврейские дома были соединены проводом. Он тянулся через улицу, так, что священные изображения [которые несли в религиозных процессиях] должны были «кланяться» ему. Поляки часто перерезали эти провода (запись 1984 года)⁷⁰.

Поляки — этнические соседи евреев — толковали слово *ерув* как *ejruw*: «эрув — еврейский телефон» (от информантки из Восточной Польши)⁷¹, вероятно, видя в нем искаженное нем. *anrufen* ‘звонить’.

Наконец, во время Первой мировой войны, в разгар шпионмании⁷², возникает представление о тайном канале связи у евреев, по которому они передают сведения противникам немцев (или, наоборот, самим немцам). Это послужило основой нескольких расследований, учиненных немецкими властями в 1915 году:

Евреи закрыли свои лавки. Немцы удовлетворились объяснением, что лавки закрыты по случаю кануна субботы. Увидев в местечке «Эйрев», разведчики стали допытываться, не теле-

⁶⁷ Зап. от А.Г. Мнацаканяна, 1968 г.р.; знает от отца со слов его бабушки, Розалии Юльевны Клейн (евр., примерно 1910 г.р., проживала в окрестностях Пинска).

⁶⁸ Тот же источник.

⁶⁹ По материалам О.В. Беловой.

⁷⁰ [Cala 1995: 74]. Пользуясь случаем выразить свою благодарность О.В. Беловой за указание на этот источник и за консультации по данной традиции.

⁷¹ [Cala 1995: 75; Schlör 2005: 23, ref. 16].

⁷² [Пивоварчик 2005: 71–83].

граф и не телефон ли это, но удовлетворились объяснениями одного еврейского парня. Правда, впоследствии несколько раз спрашивали у разных лиц о названии «Эйрева», чтобы убедиться в правдивости ответов⁷³.

Но существуют также упоминания и о другой «еврейской почте»: о существовавшей по крайней мере уже во время наполеоновских войн системе быстрого и секретного обмена информацией среди евреев (если это не научный миф):

Напомним, что задолго до изобретения телеграфа крупные еврейские торговые и банкирские дома в западных областях России (т.е. в Польше) имели собственную почту, содержанием которой обычно были еврей-арендаторы, владельцы трактиров, они же и были почтальонами, за что получали соответствующее вознаграждение от банка или главы торгового дома. Заведующий архивом Московского Главного штаба — так называемым Лефортовским архивом — Н. Поликарпов писал, что еврейская почта почти на сутки опережала фельдъегерей и курьеров [Дудаков 1993].

Большую помощь оказывала русским войскам во время войны [война 1812 года] так называемая «еврейская почта», созданная еврейскими торговцами и передававшая информацию с невиданной в то время быстротой («почтовыми станциями» служили корчмы)⁷⁴.

В современных контекстах словосочетания *еврейская почта* — *еврейский телефон* — *еврейский телеграф* встречаются в более привычных нам контекстах:

Как это организуется? Это очень просто. Есть такой известный «еврейский телефон», который работает так. Человек сделал добро, он видел результат, он говорит следующему человеку, его другу: «Знаешь, я вчера был там, в общине, помогал, и я видел, как моя помощь дала результат»⁷⁵.

⁷³ [Хаеш 2005: 382].

⁷⁴ КЕЭ, том 7, кол. 306–326. Электронный ресурс: <<http://www.eleven.co.il/article/15440>>.

⁷⁵ Лицом к лицу. Беседа с Берлом Лазаром // Радиостанция Свобода, 11.05.2003.

Устная молва, называвшаяся в народе «еврейским телефоном», разнесла по столицам союзных республик сенсационное известие о том, что в Вильнюсе возродилось еврейское любительское искусство⁷⁶.

Может быть, в этом и кроется причина вялой работы ряда ответственных лиц Центра по сбору заявлений о членстве? Хорошо, что сработал «еврейский телеграф»: написал сам, передай другому⁷⁷.

...И ЦЫГАНСКАЯ ПОЧТА — ТЕЛЕФОН — ТЕЛЕГРАФ

Семантика выражения *цыганская почта* и ее производных — *цыганский телефон* и *цыганский телеграф* — «быстрое распространение информации сетевым образом»:

Многие безработные приходят сюда «по «цыганской почте» — кто-то из знакомых тут уже был, ему помогли и он посоветовал [Альянова 1998].

У нас существует «цыганская почта»: где что случилось — через день все цирки в курсе [Пенза 2003].

Меня знали через «цыганский телефон» [Шимырбаева 1998].

Отметим, что эта идиома с легкостью применяется к сообществам и ситуациям, ни в коей мере не являющимся цыганскими:

У меня работает и цыганская, армянская, чеченская, еврейская почта, и я могу разыскать человека в любой точке мира (даже сказать, что он в данный момент кушает и с чем)⁷⁸.

⁷⁶ Еврейской художественной самодеятельности Вильнюса 50 лет // <<http://www.litjews.org/Default.aspx?Element=ViewArticle&ArticleID=1248&TopicID=62&Lang=RU>>

⁷⁷ Пенза — события и факты // Еврейский интернет-клуб [2005–2006]. URL: <<http://base.ijc.ru/new/site.aspx?IID=59819&SECTIONID=59719&STID=248594>>

⁷⁸ [<http://cigane.clan.su/forum/4-514-1>] Пример любезно предоставила мне Е.Л. Березович.

Вот что пишет Александр Бергман о пребывании в рижском гетто:

Гетто было лишено всякой информации о происходящем в мире <...>. Неудивительно, что в этих условиях в закрытом гетто очень быстро возникло и развилось нечто, по форме похожее на так называемое «сарафанное радио». С тем принципиальным отличием, что «сарафанное радио», как правило, распространяло бытовые сплетни, а геттовское информационное агентство под названием «ИВА» освещало на свой лад жизненно важные вопросы. Мне кажется, что в этом «ИВА» ярко выразилось еврейское национальное своеобразие — кажущееся неразрешимым противоречие между верой в Мессию, надеждой и неистребимым оптимизмом, с одной стороны, и трезвым, наполненным самоиронией отношением к жизни и ее перипетиям — с другой. Такое суждение вытекает из самого названия «агентства» («ИВА» — иди вилен азей, что на идише означает «евреи так хотят»)⁷⁹.

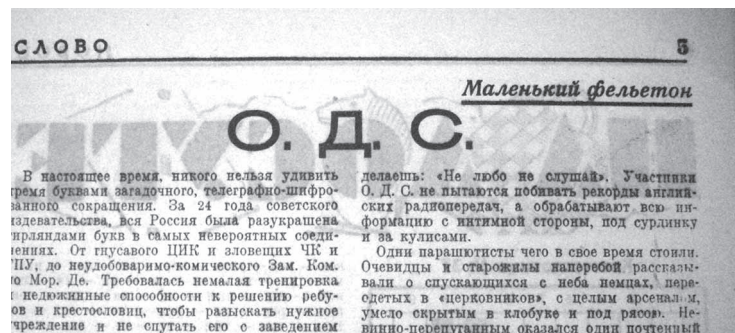
Другой бывший узник рижского гетто, историк Маргер Вестерман, по сообщению Б.А. Равдина, также знает форму *агентство IVO* ('idn viln azej'; следовательно, должно было бы получиться IVA), и она бытовала только внутри рижского гетто.

Типологически сходное языковое явление существовало в противоположном дискурсе — нацистском, где политические слухи, распространяемые в еврейской среде, презрительно именовались *радио JMA*, где JMA расшифровывалось как *Jüdische Märchenagentur* ('еврейское агентство сказок')⁸⁰.

В упоминавшемся фельетоне «О.Д.С.» («Новое слово», Берлин, 1942) эта аббревиатура расшифровывается как 'одна дама сказала': *если кто хочет узнать подробности свидания*

⁷⁹ [Бергман 2005: 48–49]. Благодарю Б.А. Равдина за указание на этот источник.

⁸⁰ Я.Ф. неоднократно слышал это от своего отца К.Ф., родившегося в 1918 г. в Восточной Германии; тот же пример упоминается в книге: [Клемперер 1998: 236].

Илл. 13. Фельетон «О.Д.С.» из пронацистской газеты «Новое слово» [Григорович 1942]

Сталина с папой римским, обращайтесь в О.Д.С. [Григорович 1942].

30 августа 1942 года военный журналист Лазарь Бронтман записывает в своем дневнике «интересные фронтовые словечки»:

Брехливые новости — «сарафанное радио», «солдатский вестник» (это еще и в смысле узун-кулака, т.е. длинного языка), «агентство ОГГ» (одна гражданка говорила) [Бронтман 2004]⁸¹

Таким образом, и в советской среде в то же время мы наблюдаем сходный тип обозначения слухов — *агентство ОГГ*.

Перед нами — самая ранняя фиксация идиомы, обозначающей слухи, которая позже будет известна как *радио ОБС* ('одна баба сказала'). Но слухи всегда были и будут, агентство ОБС — «одна баба сказала» — работало и работает безотказно [Астафьев 1996]. Некоторые информанты указывают на другие варианты этого выражения: *агентство ОБС / ОТС*⁸² («одна бабка / тетка сказала»), а также *радио ББС* («баба

⁸¹ Спасибо И.Б. Иткину за указание на источник.

⁸² Сообщено И.Б. Иткиным.

255 **O** On mitmerd headeteagentuure: TASS,
 APN, UPI, Reuter, ETA jne.
 mida tähendab (~ mis headeteagentuure
 on) ABG?
 Omina Baaba rääkis.
 [< Tõn]

Илл. 14. «Одна Баба Говорила» – расшифровка «агентство АБГ». Записано Юрием Виикбергом в 1981 году (Эстонский литературный музей, картотека расшифровок. Благодарю Пирет Вуулайд за предоставление этого материала)

бабе сказала»⁸³. По сравнению с обсуждавшимися выше идиомами (*сарафанная, пантофлевая, еврейская, цыганская почта*) идиома *радио ОБС* потеряла один из семантических признаков, обозначая, скорее, только 'слухи' и не указывая (в отличие от «...почт») на сетевой характер распространения информации.

Почему эта форма становится такой популярной в 1970-е годы, а в постсоветское время постепенно вытесняет все остальные?

С 1945 года начинает свои передачи на русском языке радиостанция «Голос Америки», с 5 марта 1953 года — радио «Свобода». Советские люди слушают *голоса*. С появлением в комнатах и квартирах собственных приемников (ламповых, а позже — транзисторных) выражение *слушать радио* нередко означает также слушать передачи «оттуда»:

Милиционер успокаивает потерявшего ребенка: «Не плачь, сейчас мы объявим по радио твое имя, придут папа с мамой и заберут тебя домой». — «Только сделайте это объявление по Би-Би-Си, а то мои родители другого радио не слушают!» [Штурман, Тиктин 1987: 153].

⁸³ Е. Горшкова слышала это от матери, В.Ф. Горшковой, 1953 г.р., примерно в начале 2000-х годов.

Запрещенное, неподцензурное, «антисоветское» радио воспринимается как источник скрытой, но истинной правды: *Что такое слухи?* — *Это то, что передано по Би-Би-Си и опровергнуто «Правдой», а потом подтвердилось* [Штурман, Тиктин 1987: 94]. Аббревиатура *ОБС*, особенно в сочетании со словами *радио* или *агентство*, ассоциируется с названием некой радиостанции; может быть, не случайно и созвучие в словосочетаниях *радио ОБС* и *радио ВВС* [Би-би-си], ср. также обозначение слухов идиомой *радио ББС*, где аббревиатура *ББС* расшифровывается как «баба бабе сказала».

Совсем недавно форма *агентство ОБС* возродилась в связи с чрезвычайной популярностью традиции ведения личных блогов в Рунете: *Авторы самых интересных сообщений блогосферы (т.н. принцип агентства «ОБС» — «один блогер сказал»)* [Тенденции и прогнозы 2006].

СИНОНИМИЧНОСТЬ ЭТИХ ВЫРАЖЕНИЙ В ТРАДИЦИИ. СПОСОБНОСТЬ К НАРАЩИВАНИЮ РЯДОВ

В табл. 2 представлены данные о частотности употребления выражений, обозначающих 1) слухи; 2) быстрое распространение информации неформальным путем. Поиск был проведен в электронной базе российских документов «Интегрум» (всего 360 млн документов), подсчет делался по российским печатным и электронным периодическим изданиям 1991–2010 годов.

Таким образом, в современном медиапространстве на первом месте по частотности оказалась лишенная ксеномотивации идиома — *сарафанное радио*. Поиск по НКРЯ дал в процентном отношении такой же результат — *сарафанное радио* на первом месте, все остальные выражения встречаются по одному разу или не встречаются вовсе.

Существенно, что сами носители традиции часто отмечают синонимичность этих идиом (см. выше пример Бронтма-

Таблица 2. Частотность выражений, обозначающих слухи, в российской прессе за 1991–2010 года

	Всего фиксаций в прессе	Только в региональных газетах
Еврейская почта	27	3
Еврейский телефон	12	2
Еврейский телеграф	6	0
Цыганская почта	717	207
Цыганский телефон	6	0
Цыганский телеграф	28	6
Пантофлевая почта	1	0
Пантуфлевая почта	0	0
Пантуфельная почта	0	0
Сарафанная почта	196	116
Сарафанное радио	17958	6191
Радио ББС	12	1
Радио ОБС	25	14
Агентство ОБС	436	160
Агентство ББС	4	1
Агентство «Один блогер сказал»	3	0

на), или, например, в заголовке статьи: «Одна баба сказала. Чем чревато использование сарафанного радио»⁸⁴, или в объявлении на интернет-форуме:

соревнования в строгино мск

в ближайшее воскресенье народ на любых досках (кроме лехнер) приглашают в строгино мск на фан гонки.

регистрация с 12 до 14 00

информация — сарафанная почта или о.б.с.⁸⁵

Ксеномотивационный механизм образования таких выражений оказывается вполне текстопорождающим:

⁸⁴ «Компания», 10.04.2006.

⁸⁵ <http://www.raceyou.ru/post38322.html>

У меня работает и цыганская, армянская, чеченская, еврейская почта, и я могу разыскать человека в любой точке мира (даже сказать, что он в данный момент кушает и с чем)⁸⁶.

«НЕВОЗМОЖНО ПИСАТЬ ТО, ЧТО СЛЕДУЕТ ПЕРЕДАВАТЬ ТОЛЬКО УСТНО»

В течение XX века в советском речевом пространстве народной традицией доступными ей фольклорными средствами и языковыми механизмами порождаются «фольклорные термины», обозначающие специфическое речевое явление — устный речевой жанр⁸⁷. Образуются они по продуктивной модели: X + 'официальное средство передачи вербальной информации', где X — либо обозначение специфических этнических групп (*еврейская, цыганская* и т.д.), либо гендерной группы: *сарафанная, бабья, гражданка сказала* и т.д. Модель обладает тенденцией к наращиванию (возникают *армянские почты* и т.д.), а термины могут выстраиваться в синонимические ряды.

Сами термины можно толковать как 1) собственно 'слухи' 2) 'неподцензурный быстрый способ передачи информации'. Второе значение актуализовалось при политических режимах XX века. (Стоит учитывать еще и то, что власти старались фиксировать слухи, видя в них подлинные настроения масс и несколько остерегаясь их [Колоницкий 1999: 85, 2005: 362–378; Архипова, Неклюдов 2009]). В условиях тотального цензурирования печатных изданий слову письменному как ложному противостояло слово устное как подлинное (см. цитату в заглавии параграфа). Недоверие к «речевым жанрам» власти приводило к тому, что устные высказывания стали приобретать новый для них статус — статус актуальных новостей; соответственно, изменилась и сама технология рас-

⁸⁶ [<http://cigane.clan.su/forum/4-514-1>] Пример любезно представила мне Е.Л. Березович.

⁸⁷ Ср. определение устных речевых данных у Бахтина [Бахтин 1996: 159–206].

пространения информации. Отметим, что для всех вариантов «еврейской почты» (толкование Сомова и не только) важна и «секретность передаваемой информации». Когда в 1947 г. в рамках Гарвардского проекта на материале интервью, взятых у эмигрантов из СССР («невозвращенцев»), было предпринято изучение идеологии и повседневной жизни советского человека, в одной из первых же статей на данную тему были представлены следующие данные: 50% опрошенных указали на слухи как на регулярный источник информации; 74% обсуждали слухи в разговорах с друзьями (из них самый значительный показатель — у крестьян и малообразованных групп — 27%); на слухи как на самый важный источник информации указали 32% среди профессиональных групп, 22% среди служащих, 41% среди рабочих, 73% среди крестьян [Bauer, Gleicher 1953: 299, 302, Table 3].

Таким образом, эти термины подчеркивают следующие характеристики речевого жанра: 1) оппозиция официальному способу передачи информации; 2) мимикрирование под официальные названия учреждений, передающих информацию; 3) скорость распространения информации; 4) истинность передаваемого устным путем; 5) возможный секретный статус информации, или, другими словами, «невозможно писать то, что следует передавать только устно»⁸⁸.

⁸⁸ Цитата из письма еврейского депутата (1916 год) [Минкина 2007: 331].

Глава V

Софья Власьевна и ее друг, Г.П. Ухов

— Обыкновенным попугаем может быть любой, вернее, любой попугай, — объяснил попугай. — Но я-то не любой, я — единственный в своем роде. Об этом достаточно красноречиво говорят мои инициалы. <...> Расшифруйте сами. Меня зовут Персиваль Оскар Перегрин Урбан Гарольд Арчибальд Икебод.

— Ой, получается «попугай!» — Пенелопа была в восторге.

*Джеральд Даррелл.
«Говорящий сверток»*

В январе 1917 года фельетонист, поэт, театральный критик Александр Амфитеатров публикует фельетон следующего содержания:

Рысистая Езда Шагом Или Трусцой Есть Ледяное Неколебимое Общественное Настроение...И, Ох, Чтобы Его, Милое, Пошевелить Или Сбить, Адская Твердость Нужна, Едва Ли Завтра Явится Предсказуемая! Робкая, Еле Движущая Вялость, «Архьянство» Рабское, Идольская Тупость, Едва Ловящая Новости, А Ярких Целей, Если Не Зовом Урядника Рекомендованных, Артистически Бегущая Елико Законными Обходами, Безмерная Растрепанность, Асбестовая Заледенелая Невоспламеняемость, Исключительно Чадная Атмосфера, Этическая Тухлость, Чучела Ухарские, Дурни-Обломовы, Волки И Щуки Наполняют Общество [цит. по: Гаспаров 1993: 24].

Читатель поймет этот бессмысленный текст только в том случае, если произведет насильственную аббревиацию по первым буквам слова, и тогда он увидит следующее сообщение: РЕШИТЕЛНО НИ О ЧЕМ ПИСАТ НЕЛЗЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЦЕНЗУРА БЕЗОБРАЗНИЧАЭТ ЧУДОВИЩНО.

Преыдушие случаи (класс А) были связаны с ситуацией декодирования аббревиатуры (реальной или мнимой) в текст. Сейчас будет рассматриваться ситуация, обратная преыдушей, когда некий текст зашифровывают, а для понимания сказанного надо высказанную словоформу / словосочетание превратить в аббревиатуру (класс В); т. е. с точки зрения литературоведения мы имеем дело с анограммами. На это явление исследователи не обращали внимание, ограничиваясь цитированием самых частых примеров (например, [Крысин 1997: сноска 7]).

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ ТАБУИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ЛЕКСИКЕ

В 1921 году Максимилиан Волошин пишет стихотворение «Терминология», где перечисляет «словечки» Гражданской войны:

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» —
Так изменялись из года в год
Речи и быта оттенки.
«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлёпку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» —
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.

Практически тот же самый перечень повторяется в воспоминаниях выживших в советских тюрьмах в 1930-е годы:

Особенно угнетал тюремный лексикон, который обрушивался на осужденного после вынесения приговора. Разжевывалась процедура со всех сторон, со своеобразной, болезненной для слуха смертника подробностью. Со всех сторон несло: «заработал высшую меру», «получил вышак», «ему дали десять граммов», «послали к Духонину», «получил дырку в затылок», «пустили в земельный отдел», «отправили на луну», «послали во мхи», «пустили налево», «осудили по первой категории», «пустили пулю в затылок», «списали в расход», «расходовали», «получил семь копеек», «поставили к стенке»,

«ухлопали», «хлопнули», «шлепнули», «пошел в наркомзем» [Заерко 2001: 130–131].

Таких выражений много. Например, репрессии после убийства Кирова получили название *кировские поминки* [СВ 1935: 23]. Некоторые примеры подобных субститутов можно найти в исследовании, посвященном будням ГПУ в Сибири [Тепляков 2008: 570–593].

Все эти лексические субституты — либо дисфемизмы, либо, что встречается чаще, эвфемизмы⁸⁹ для понятия «смертная казнь». Часть этих фразеологических конструкций использует официальный советский дискурс (*получить высшую меру социальной защиты*), в то время как другие — специальную языковую игру, направленную на создание эффекта табуирования.

Рассмотрим фразу *пошел в наркомзем*. Здесь устойчивое клише *отдать земле, уйти в землю* ('умереть') пересекается на основании частичной омонимии с фразой *пойти в Наркомзем*, т. е. земельный наркомат; практически то же самое — *пустить в земельный отдел*.

Таким образом, уже с ранних лет советской власти складывается особый пласт советской лексики, направленный на табуизацию написанного и/или сказанного. В него входит и целый список субститутов имени Сталина (например, частый — это *Усатый*, редкий — *Художили*, см. про это в главе VI про имена-имитаторы) или объектов, с ним связанных: *Шпикадили* — по аналогии с Пикадили так называли путь

⁸⁹ Если мы хотим сказать X вместо Y, мы применим так называемые X-phemisms. Согласно теории Allan Keith и Kate Burridge (1991, 2006), X-phemisms могут быть классифицированы на две группы — эвфемизмы и дифемизмы: To speak euphemistically is to use the language like a shield against the feared, the disliked, the unpleasant; euphemisms are motivated to desire not to be offensive and so they have positive connotations; in the least euphemisms seek to avoid too many negative connotations. <...> To speak dysphemistically is to use language as a weapon to assault another or just to exclude them [Keith & Burridge 1991: 222].

Сталина на дачу в 30-е годы, весь усеянный сексотами [Basseches 1952]. Далее мы рассмотрим только те случаи табуизации, которые построены на использовании аббревиатур и ономастического кода.

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД В СОЗДАНИИ СУБСТИТУТОВ

Игровое именование «опасных» или «низких» объектов, входящих в табуированную повседневную среду (например, связанную с туалетом) через ономастический код, встречалось и в дореволюционную эпоху, и сейчас. Несомненно, что случаи возникновения субститутов, построенных на ономастическом коде, много, например, выражение *сходить позвонить в Париж* в городской среде 1970-х годов обозначало желание посетить туалет [Мокиенко, Никитина 2007]. В тексте Лидии Чуковской НКВД упоминается под типичным именем *Петр Иванович* (поскольку имя и отчество не содержит фонетической отсылки к аббревиатуре, этот случай попадает в эту группу, а не в следующую):

Никто меня не искал. Получив от Корнея Ивановича известие, что Петр Иваныч (условное наименование НКВД) остепенился, вошел в ум и более не зарится на чужих жен, – я вернулась в Ленинград, домой [Чуковская 2007: 10].

Нас в этой главе интересуют случаи, не только построенные на ономастическом коде, но и содержащие фонетическое сходство между объектом табуирования и субститутом. Так, Чехов писал в своем письме 28 октября 1886 года: *Если по Вашему мнению сии рассказы никуда не годятся, то употребите сию мягкую бумагу по Вашему усмотрению на пользу Жозефины Павловны* [Чехов 1982], где *Жозефиной Павловной* названа определенная часть тела. В школьном аргю 1980-х годов наступление менструального цикла в среде девочек кодировалось фразой: *ко мне неожиданно приехала Марь Иванна или Маша пришла*. Мой коллега Сергей Прохоров в

1967 году был свидетелем, как врач спрашивал алкоголика: *Полину Ивановну принимаете?*, имея в виду *политуру*⁹⁰.

Также в революционном языке и языке послереволюционной эпохи (это выражение тоже продержалось практически целое десятилетие) существовало выражение *послать в Могилевскую губернию*⁹¹, где в названии губернии мы слышим слово «могила»:

Аросев, писатель. Мой близкий друг. Пошел в «Могилевскую губернию». Попал под обстрел² в 30-е годы. Послом Чехословакии был [Чуев].

21 и 27 сентября на общих собраниях рабочих фабрики «Красный Перекоп» со стороны ряда работниц имели место следующие выступления: «<...>С этой пятилеткой не уйти бы нам в Могилевскую губернию, ведь жрем сейчас одну картошку да хлеб» [СС, 8–2: 1097].

Выражение *послать в штаб к Духонину*⁹² может иметь такое же происхождение, если мы считаем, что фамилия белогвардейского генерала в составе этого выражения сохранилась не случайно, а из-за созвучия фамилии генерала с конструкцией *отдать дух, испустить дух* (ср. в словаре Ожегова — *испустить дух* — ‘умереть’). Это выражение

⁹⁰ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за этот пример Сергею Прохорову.

⁹¹ Кстати, генерал Духонин был убит именно в Могилеве, где находилась его ставка, но, возможно, связь этого факта с выражением *послать в Могилевскую губернию* — просто случайность.

⁹² Имеется в виду главкомверх генерал Духонин, зверски убитый революционными солдатами. Об этом выражении в связи с убийством генерала было написано в учебнике, изданном в Нью-Йорке, «Русский язык при Советах»: *Выражение к «Духонину в штаб», связанное с тем, что генерал Н. Духонин, сперва начальник штаба «Главкомверха», а потом и сам Верховный главнокомандующий, был растерзан солдатами и матросами в декабре 1917 г., было довольно популярно в первые годы Революции. Так поэт А. Прокофьев, переносясь в эпоху гражданской войны, вкладывает это же выражение в уста грозящего расправой атамана: «Награжу тебя тесьмой // Крепкой, холеной. // Ты свезешь мое письмо // В штаб Духонина» [Фесенко, Фесенко 1955: 50].*

оставалось весьма популярным и спустя 10 лет после убийства Духонина, ср. выписку из политинформации, собираемой ГПУ по районам и деревням:

В с. Черевка Березовского района секретарю сельсовета — партийцу подброшена анонимка следующего содержания: «В прошлом году тебе писали, может, ты не получил, но на этот раз тебе не сойдет — сойди с пути. Ты или мы. <...> Твоему брату насолили, да мало, только пару коней свели, но с тобой придется иначе, придется отправить в штаб Духонина» [Трагедия советской деревни 1999: 72].

В проанализированных случаях языковая игра построена на частичной омонимии объекта табуизации и субститута, при этом в качестве механизма, отвечающего за выбор субститута, используется ономастический код, или, другими словами, мы кодируем то, что не хотим произнести, через созвучные запретному слову имена/названия. В следующем разделе мы посмотрим, как этот прием еще усложняется: речь пойдет уже о гораздо более сложном случае омонимии.

«ФЕЛЬЕТОН ЗАПИСАЛ Г.П. УХОВ»: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД В КОДИРОВАНИИ АББРЕВИАТУР

Осенью 1923 года, через несколько месяцев после того, как ВЧК стало ГПУ⁹³, молодой фельетонист Михаил Булгаков, работающий в газете «Гудок», совершает розыгрыш, который закончился скандалом:

В эту осень изменились и его служебные обязанности в «Гудке» — из обработчика он стал фельетонистом. Один из первых его фельетонов был напечатан 17 октября 1923 года — «Беспокойная поездка. Монолог начальства (не сказка, а быль)» и подписан так: «Монолог записал Герасим Петрович Ухов». Следующий появился через две недели, 1 ноября («Тайны Мадридского двора») и заключался так: «Разговор подслушал Г. П. Ухов», а затем еще один, 22 ноября («Как разбился Бузыгин»), и подпись была такая: «Документы собрал Г. П. Ухов» [Чудакова 1988: 275].

⁹³ ГПУ расшифровывается как «Главное политическое управление», название возникло в 1922 году.

Три раза Булгаков подписывал свои фельетоны этим рискованным псевдонимом, пока не был пойман. Надо понимать, что в имени — Герасим Петрович Ухов — мы видим не только аббревиатуру ГПУ, но, если произнести имя и фамилию кратко, а имя полностью, слышится слово «гепеуха». Кроме того, в первом случае Булгаков делает языковую игру уж совсем нарочитой: Герасим Петрович не только обладает фамилией *Ухов*, но и *подслушал* то, о чем сообщил в фельетоне.

Примерно в то же время враждебно настроенная по отношению к поэтессе Зинаиде Гиппиус русская эмиграция видела в ее фамилии аббревиатуру ГПУ:

А в 1927 году была еще такая шутка: так как в Нарыме надзору мало, а людей все прибывает, то в конце концов там образуется и организуется такая армия, которая пойдет на Москву и свергнет большевиков. Говорили, что Сталин скоро станет царем Иосифом I, а эмигранты перекрестили Зинаиду Гиппиус в Зинаиду Гепеус [Мельниченко 2014: № 1683].

Спустя много лет, в 1975 году, булгаковская история была процитирована буквально: при подготовке VIII тома «Краткой литературной энциклопедии» редакторская статья про литературоведа Якоба Эльсберга, известного своими взглядами и доносами, была подписана псевдонимом *Г.П. Уткин*.

Эта игра повторилась в анекдоте того же времени:

Армянское радио спросили: «Сможет ли кухарка управлять социалистическим государством?» — «Не знаем, но К.У.Чер⁹⁴ уже управляет» [Мельниченко 2014: № 1329].

«У НАС В ГОСТЯХ СОФЬЯ ВЛАСЬЕВНА»: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД СТАНОВИТСЯ ТРАДИЦИЕЙ

Таким образом, формируется специальный ономастический код, построенный на языковой игре вокруг известных всем аббревиатур. Когда эта явление возникло? Булгаков не был

⁹⁴ К.У. Чер — это фрагмент инициалов К.У. Чер<ненко>, созвучный слову «кучер».

первопроходцем: Сергей Карцевский в своем исследовании революционного языка указывает, что *высшую меру наказания (ВМ) называли Верой Михайловной* [Карцевский 2000: 239], где первая буква аббревиатуры «кодируется» именем, вторая — отчеством, и на выходе мы получаем такие «зашифрованные» тексты, как, например, *в 1937 году к деду приехала Вера Михайловна*.

Еще к более раннему периоду, языку подпольщиков-революционеров Рийтта Лекихойнен относит *Михаила Константиновича* — субститут для ЦК («Центральный комитет») [Lehikoinen 1990: 64–65]. Тут же автор пишет, что аббревиатура МК *могла бы, но редко пишется как эмка* [Lehikoinen 1990: 65].

В блатном жаргоне между 1923 и 1927 годами появляется «Ира» — игровая номинация для Уголовного розыска [Потапов 1927]. Возможно, ИРА — это искаженная аббревиация из УгРо, с меной *и-* на *у-*. Позже эта номинация исчезает, и в более поздних словарях уголовного жаргона не фиксируется.

Иногда такая ономастическое кодирование использовалась по прямому назначению — для того, чтобы под боком бдительного ВЧК-НКВД передать информацию. Так, в 1936 году бдительное НКВД перехватывает письмо, адресованное сидящим в кировской тюрьме старообрядцам-странникам, практикующим умерщвление (об этой группе см. подробнее [Комелина 2014]): *...здоровье ее не очень хорошее, очень страдает головной болезнью и просит послать порошки Зинаиды, но к сожалению их у нас нет и помогчи ей не знаем чем, советуем ей сделать операцию, или обратиться к Постникову*⁹⁵.

Сотрудник Пушкинского Дома Наталья Комелина предполагает, что в это письмо за невинными просьбами *прислать порошки Зинаиды и обратиться к Постникову* скрывается призыв совершить самоубийство: порошки Зинаиды содержат указание на яд (Зинаида ~ цианид)⁹⁶, а в совете

⁹⁵ Выражаю горячую признательность Н.Г. Комелиной, поделившейся со мной этим редким материалом.

⁹⁶ Это предположение принадлежит А.Д. Соколовой.

обратиться к Постникову указывается практика *запацивания* — смерти от голода (т. е. поста).

В языке советских диссидентов 60–70-х годов существовало свое обозначение КГБ, в частности, как Габриелы. В документальном фильме о жизни Иосифа Бродского голос поэта рассказывает:

Мы знали, что наши разговоры прослушиваются, что за нами ведётся тайная слежка, словом, знали, что «Габриела» не дремлет. «Габриела» — это мы так называли ГБ, ну, КГБ то есть⁹⁷ [Оленев 2014].

Однако гораздо чаще встречается другое имя — *Галина Борисовна*:

Если бы Галина Борисовна знала, что здесь сейчас печатается, дивизией оцепила бы весь квартал! — воскликнул один из наших помощников, начав считать машинописный текст. «Галиной Борисовной» мы называли КГБ [Алексеева, Голдберг 2006: 168].

Подобная игровая номинация была настолько популярна, но сама по себе послужила толчком для дальнейших пародий. Советские эмигранты называют *Саррой Борисовной* израильские спецслужбы, имеющие название «Шерут Битахон Клали» (по первым буквам «Шин-бет»):

— Знаете, какое количество доносов приходит в Шин-бет? Ниагара доносов... Правда ли, что вы назвали Шин-бет Саррой...

— Саррой Борисовной! — воскликнули Сергуня и Геула в один голос. У Шауля дернулась щека [Свирский]⁹⁸.

В то же время, видимо, из диссидентского дискурса широко распространилась традиция называть советскую власть (СВ) *Софьей Власьевной*, гораздо реже — *Софьей Васильевной*. Имя *Софья Власьевна* выбрано исключительно удачно, поскольку кроме основной языковой игры — с аббревиатурой — есть еще и дополнительное созвучие: *Власьевна ~ власть*.

⁹⁷ Спасибо Лидии Кузнецовой за указание на источник.

⁹⁸ Большое спасибо Б.Л. Кротову за указание на эту цитату.

Наконец, гриф на папках с документами *Совершенно секретно* (СС) в профессиональном обиходе именовался «два Семена» [Крысин 1994].

Во времена зрелого и позднего социализма такие типы языковой игры распространились уже и на те объекты, в отношении которых не было негласного запрета упоминать вслух. *Борисом Федоровичем* называли клей БФ (который нюхали для достижения эффекта)⁹⁹. У языковой игры исчезла или, по крайней мере, ослабла функция, связанная с табуированием. Зато эффект игры выдвинулся на первый план. Появляются вторичные номинации: *Верой Михайловной* стали называть не расстрел, но вермут [Мокиенко, Никитина 2007]:

Пели в подъездах и подворотнях, на бревнышках и лестницах, под «Веру Михайловну»¹⁰⁰ и портвешок...

И наконец, довольно сложным образом устроена «черная Маруся» — эвфемизм для автозака 1920–1930-х годов. Возможно, наименование *марусями* этих машин связано с тем, что они были *эмками* (марка машины М-1)¹⁰¹.

ВЫЧЛЕНЕНИЕ АББРЕВИАТУР В АНЕКДОТАХ И ЗАГАДКАХ

Вычленение аббревиатур из словоформ стало для анекдота весьма продуктивным механизмом, особенно во времена Андропова:

После прихода Андропова к власти были приняты следующие решения. Переименовать (...) Москву — в ЧеКаго. СССР — в КГБ (коммунистическое государство будущего) [Мельниченко 2014: № 1920].

В нижеследующем примере ответ Андропова, представляющий собой искаженную фонетическую запись словосо-

⁹⁹ Большое спасибо Марии Ахметовой за этот пример.

¹⁰⁰ <<http://www.forumavia.ru/a.php?a=t&id=120&page=1>>

¹⁰¹ Но тогда остается непонятным, как это соотносится с названием в английском автомобиля для перевозки заключенных — *Black Maria*.

четания [кагебыло кагебудет], заставляет слушателя увидеть в этом аббревиатуру *КГБ*:

Интервью Андропова Армянскому радио:

— Какие перемены предвидятся во внешней и внутренней политике СССР?

— Кагебыло — кагебудет! [Штурман, Тиктин 1987: 280]

К этому же типу относится анекдот, в котором Михалков всем вождям по очереди читает поэму «Муха-цокотуха»:

«Идет Михалков к Брежневу и говорит: — Я поэму написал, Сталин и Хрущев ее не публиковали. — Читай! — Муха, муха, цокотуха, позолоченное брюхо... — Это на кого ты намекаешь? — позолоченное брюхо? Нет, не пойдет. Идет Михалков к Андропову и говорит: — Я поэму написал. Сталин, Хрущев, Брежнев не публиковали. — Читай, — Муха, муха, цокотуха... — Какая такая ЦеКатуха? Что там про ЦеКа? Нет, не пойдет» [Krikmann 2004: 282].

На том же приеме построен поздний перестроечный анекдот, смысл которого понятен, только если прочитать ответ на вопрос армянского радио как аббревиатуру: *Что означают три установки Горбачёва? — Гласность, Перестройка, Ускорение* [Штурман, Тиктин 1987: № 298].

И наконец, существует очень редкий тип «комической загадки», построенный на вычленении аббревиатуры: *Чем отличается ЧК от ЦК? Потому что в ЧК чикают, а в ЦК цикают* [Карцевский 2000].

Цыкнуть — в значении «заставить замолчать» и чикнуть — «зарезать». Ср. у Маяковского *Ножичком на месте чик лютого помещика* («Хорошо!»). Лейтмотив в песенке об электричестве (20-е — нач. 30-х): *Нажал на кнопку — чик-чирик..., Нажал на кнопку — чик...*¹⁰².

Другой вариант подобной загадки: *Кому на Руси жить хорошо?*¹⁰³ — *Коммунару С.И.*, при этом *Кому на Ру-* и *комму-*

¹⁰² За эти примеры — сердечная благодарность С.Ю. Неклюдову.

¹⁰³ Устное сообщение от Л.И. Кротова, 1927 г. р., услышано в послевоенные годы (1945–1950).

нару представляет собой частичную омонимию (и одновременно отсылает к названию поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»), а в качестве аббревиатуры здесь выступает финал слова «Руси», интерпретируемый как инициалы Сталина Иосифа — С.И.

Ср. современный вариант: *Путин подарил Абрамовичу некую деталь компьютера и тем самым выразил к нему свое отношение. Вопрос: что подарил Путин? — Ответ: Сиди, Ром!* [Архипова 2010: 189].

Суффиксы для Чрезвычайной комиссии

В начале 20-х годов начинается процесс лексикализации аббревиатур [Lehikoinen 1990: 42–43]. Программой авангардистов, в частности футуристов, была активная борьба с существующим, как им казалось, «застывшим языком»: *права поэтов на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку* (манифест 1912 г. Крученых, Маяковского, Бурлюка, Хлебникова «Пощечина общественному вкусу», статья Маяковского 1914 г. «Война и язык»). Для «эффекта новизны» обозначение понятия (аббревиатура) максимально отрывается от денотата. См. следующие примеры: *Не в Че-Ку?* (Демьян Бедный); *Я посылаю неизменный Привет всеведущей ЦеКе* (А. Безыменский «Комсомолия»); *Да, все мы ходим / под Цекою... но за Цекой / никто не съест* (там же); *И вот Вечеккой, Эмчекою вынянчена* [Маяковский 1973: 205]. ВЧК и ЧК здесь выступают как некоторые могущественные силы, при этом грамматически в женском роде (*ходить под Цекою*, возможно, отсылает к выражению *мы все под Богом ходим*). Сравни частушку гражданской войны:

Захотела *вечека*
Уничтожить Колчака,
Знать, придется Колчаку
Уничтожить *вечеку* [Jakobson 1921: 205].

Большое количество игровых номинаций возникает вокруг ВЧК. Сразу после того, как появилась эта могущественная организация, ее стали называть не только *черезчуйкой, чайкой, черезвычайкой, вечеккой, мечкой и вечкой, Чертовой коробкой* [Mazon 1920: 49, 50; Jakobson 1921: 205; Карцевский 2000: 239], но и множеством ласковых женских имен [Jakobson 1921: 311; Карцевский 2000: 239]. В этом случае начальная буква имени, а также суффикс должны были складываться в аббревиатуры ЧК, ВЧК, МЧК:

МанеЧКа, ЭмоЧКа — Московская Чрезвычайная комиссия;
ЖенеЧКа — Железнодорожная Чрезвычайная комиссия;
ВероЧКа — Всероссийская Чрезвычайная комиссия;
Попасть на суЧКу — попасть в ЧК г. Сумы [Карцевский 2000: 239].

На первый взгляд это кажется странным, однако мне кажется здесь уместным применить объяснение Андрея Анатольевича Зализняка [Зализняк 2012: 650–652] для способов демонстрации экспрессивности в языке. Говорящий имплицитно стремится повысить свой статус, достигая этого через понижение статуса того, о чем он в данный момент сообщает. Добавление экспрессивных суффиксов позволяет «понизить» статус объекта речи, подняв соответственно статус субъекта. Названия для ЧК, ГПУ, КГБ образуются по тому же правилу, как слова типа *электричка*: из сочетания типа *электрический поезд* существительное выпадало, а прилагательное становилось существительным с суффиксом *-ка* и экспрессивно-пренебрежительным значением — *электричка ~ черезчурка, черезвычайка* [Зализняк 2012: 654–655]. О невероятной продуктивности суффикса *-к-* в 1920-е годы упоминает Сергей Карцевский: *учередилка, потребиловка, столовка, читалка, раздевалка, сберегалка, предварилка* и т. д. [Карцевский 2000: 224]. Экспрессивно-пренебрежительный оттенок имеют и *гебуха, кэбуха* с суффиксом *-ух-а* [Зализняк 2012: 660–661].

Непроходящий чудовищный страх, который испытывали жители Советской страны перед ЧК, требовал хоть какой-то компенсации. «Разрядка» наступала, когда, продуцируя

множество обозначений ЧК как *черезчурки* и *черезвычайки*, люди неосознанно понижали статус объекта, о котором говорили, тем самым компенсируя чувство страха.

ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ ИМЕНА В КОДИРОВАНИИ АББРЕВИАТУР

Из раздела, посвященного Г.П. Ухову и Софье Власьевне, становится очевидно, что кодирование именами мужскими и женскими подчиняется некоторому правилу. Рассмотрим его [Табл. 3].

1) Некоторое советское учреждение будет обозначаться именем и отчеством (реже просто именем) таким образом, что инициалы совпадают с элементами аббревиатуры, обозначающей это учреждение.

2) Если определяющее слово в подлинной расшифровке аббревиатур женского рода, то имя будет также женским: *Советская Власть* — *Софья Власьевна*, если определяющее слово или родовое слово, которое ставится перед аббревиатурой (гриф «Совершенно секретно», клей БФ) — мужского рода, то полученное имя будет мужским (*Два Семена*, *Борис Федорович*).

3) Из этого правила на 18 примеров есть три исключения. Зеленин в статье про деаббревиацию пишет про музыковеда И.И. Соллертинского, который кодировал Центральный комитет именем некой немецкой родственницы Цецилии Карловны [Зеленин 2005: 80]. К сожалению, сноска на источник не стоит, поэтому контекст неизвестен: возможно, дело в том, что существовала реальная тетушка, именем которой было удобно пользоваться. Реактивный снаряд в военном жаргоне назывался *Раиса Семеновна* [Зеленин 200: 88], опять же, Зеленин не указывает источник информации, поэтому мы лишены возможности посмотреть на контекст. Возможно, здесь одно правило сталкивается с другим правилом, согласно которому оружие в мужской среде — женского рода,

ср.: *Наши жены — пушки заряжены*. А может, просто потому, что родовое обозначение для *Раисы Семеновны* — пушка? И наконец, *Ира* — для *уголового розыска (УгРо)*, который в жаргоне того времени назывался *уголовка* — в полном соответствии с концепцией Зализняка о снижающей экспрессивности женских суффиксов на -к-а.

Таблица 3. Кодирование советских аббревиатур женскими и мужскими именами

Объект кодирования	Форма кодирования	
	Женские имена	Мужские имена
Советская Власть — СВ	Софья Власьевна Софья Васильевна	
Московская Чрезвычайная комиссия — МЧК; Железнодорожная Чрезвычайная комиссия — ЖЧК; Всероссийская Чрезвычайная комиссия — ВЧК	МанеЧКа, ЭмоЧКа ЖенеЧКа, ВероЧКа	
Государственная безопасность — КГБ	Галина Борисовна, Габриела	
Высшая мера — ВМ	Вера Михайловна	
* Уголовный розыск — уголовка (?)	Ира	
Центральный комитет		* Цецилия Карловна
Московский Комитет — МК		Михаил Константинович
[гриф] Совершенно секретно — СС		Два Семена
ГПУ		Геннадий Петрович Ухов, Г.П. Уткин
Клей БФ		Борис Федорович
Бронепоезд — БП [Зеленин 200: 88]		Борис Петрович
* Реактивный снаряд — РС [Зеленин 200: 88]	Раиса Семеновна	
Политура	Полина Ивановна	

Таким образом, фольклорная традиция находит и использует несколько лингвистических средств, выделяющих скрытые аббревиатуры из повседневных текстов — речь идет о self-defence функции языка. Этот прием предельно обнажен в романе В. Войновича «Москва 2014»:

...Потом возник маленький кружок школьников-старшеклассников, которые создали подпольную организацию, которую они сами назвали СИМ. На следствии они отрицали какую бы то ни было связь названия своей организации с именем Карнавалова и утверждали, что аббревиатура СИМ расшифровывается как Союз Истинных Монархистов. <...> Само собой, от этого кружка остались рожки да ножки, но тут же стали возникать другие кружки, общества, объединения, и все они назывались СИМ, хотя расшифровывали это слово по-разному <...> Сравнительно недавно было замечено, что у комунян развилась мода употреблять слово «сим» кстати и некстати. Например, начинать всякие письма или заявления любого характера в такой форме: «Сим обращаюсь к вам с просьбой». Или: «Сим извещаю». И заканчивать их словами вроде: «За сим такой-то». Более современное слово «этим» почти совершенно исчезло из обращения. Когда Редакционная Комиссия заметила это, она разослала во все редакции указания изымать слово «сим» из всех печатных материалов. Слово исчезло. Но вскоре внимание Редакционной Комиссии и службы БЕЗО было привлечено к тому, что в книгах, газетных статьях, официальных заявлениях и личных письмах комуняне стали часто и в некоторых случаях совершенно не к месту употреблять такие слова, как «СИМптом», «СИМбиоз», «СИМпатия», «завиСИМость», «проСИМ», «ноСИМ», «коСИМ», и одновременно появилось много неграмотных людей, которые стали писать «СИМафор», «СИМантика» и даже «СИМдром». Редакционной Комиссии пришлось проделать большую работу по разоблачению и прекращению диверсий подобного рода... К сожалению, в нашем языке есть одно слово, которое не может отменить даже Редакционная Комиссия <...> И это слово «ГениалиссИМУС» <...> Каждый человек, который устно или письменно употребляет слово «ГЕНИАЛИССИМУС», одновременно пользуется и словом «СИМ» [Войнович 1993: 204–205].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИМЕНА-ИМИТАТОРЫ и ПСЕВДОЭТНИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Глава VI

Рулон Оболев и Газон Засеян: КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕН-ИМИТАТОРОВ И ПСЕВДОЭТНИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ¹⁰⁴

Вновь на свете неспокойно,
Вновь готовят марш разбойный,
Дикой злобою полны
Поджигатели войны!
Трумэн, Черчилль, Ли сын ман,
Франко, Ачесон, Шуман,
Римский папа, Маршалл, Даллес,
Эйзенхауэр, Цалдарис,
Блюм, Жюль Мок, Голль и Тито,
Чай Кан Ши и Хирохито,
Адэнауэр, Лаваль,
И... подобная им шваль!

[Териков 2000: 153]

— такие стихотворные памфлеты в начале 1950-х распевались и с арены цирка, и с эстрады. Советский человек был погружен в море имен, не только часто для него чужих, но и во враждебном контексте. От обитателей Советской страны требовалось *давать ответ Чемберлену, осуждать Черчилля, обсуждать план Далласа* и многое другое. «Плавильный котел», в который оказалось погружено население постреволюционной эпохи, требовал нового ономастического кода, в то время как ономастический код, привычный жителям Российской империи, исчез, как и многое другое.

¹⁰⁴ Более краткий вариант статьи был написан совместно с И.Б. Иткиным [Архипова, Иткин 2007].

Преобладающим ономастическим приемом для пародирования фамилий «говорящие фамилии», однако в начале XX века этого приема оказалось недостаточно. Фольклорная традиция XX века выработала новые возможности конструировать этнические «псевдоимена» и «имена-имитаторы» — не только благодаря литературной традиции «говорящих имен», но социально-политическому контексту.

Однако имена-имитаторы «складываются» не стохастически, а благодаря определенным правилам, иногда очень формализованным.

Модель образования русских фамилий отличается от других моделей, например, английской, наличием развернутой системы суффиксов, которая позволяет почти однозначно опознавать данное слово как фамилию и локализовать ее в пространстве (по суффиксу мы понимаем, что *Сидоров* — скорее фамилия русская, а *Сидоренко* — украинская). Это приводит к тому, что если в английском языке омонимия слов будет вполне ожидаемой (*Go to Smith!* (Отправляйтесь к Сми-ту!) и *Go to a smith!* (Отправляйтесь к кузнецу!) Или *I knew Peter's son* (Я знал сына Питера) и *I knew Peterson* (Я знал Питерсона), то в русском языке такая омонимия будет специально отмечаться. Если в класс придет новенькая девочка по фамилии Заяц (белорусская бессуффиксальная фамилия [Унбегаун 1995: 212], это вызовет более бурный всплеск веселья, чем если бы у девочки была фамилия Зайцева.

С другой стороны, такой прием, как «говорящие фамилии», в русской литературе давно стал общим местом среди прочих литературных приемов, призванных дать косвенную характеристику герою: если персонаж — отрицательный, то он получает «нелицеприятную» фамилию — *Скотинин*, *Свинин*. Морфологически никаких изменений не происходит, суффиксальная модель русской фамилии так и остается на своем месте; другое дело, что содержательная часть фамилии делается семантически максимально прозрачной.

Юмористами был освоен и другой способ образования «говорящих фамилий» — когда к семантически прозрачной

содержательной части добавляли финаль, однозначно свидетельствующую об «иностранном» происхождении фамилии: так, имена *герцогиня Фекла де Грудасто и ее любовник дон Вавилло* (В.П. Буренин) отчетливо приобретают итальянский оттенок. Много подобных имен придумали Ильф и Петров — в их романах и записных книжках фигурируют *два друга Телескопуло и Стетоскопуло, старый Артилеридзе* [Санников 1998: 235]. Этот прием — в рабочем порядке назовем его приемом образования «псевдоэтнических» номинаций — достаточно близок к «именам-имитаторам», поскольку есть опора на «этническую» модель — читатель должен по суффиксу определить национальность, а контраст производящего слова с суффиксом создает юмористический оттенок; однако все же это не вполне «имена-имитаторы». Например, фамилии *Черножопенко* или *Опохмелян*, как и *Телескопуло*, несомненно, кажутся нам смешными и, кроме того, мы понимаем, к каким этносам они относятся, но эти фамилии сами по себе не образуют *бисоциацию*, так как финаль этих фамилий здесь не дает возможности двойного прочтения, а вот фамилия *Сутрапьян* оказывается целиком омонимична фразе *с утра пьян*, что дает возможность образования бисоциации. Таким образом, последний пример уже относится к серии «имен-имитаторов». Примеры и «имен-имитаторов», и «псевдоэтнических» номинаций есть в табл. 5. Эти два приема идут настолько рука об руку, что кажется неразумным рассматривать один прием без другого, хотя «имена-имитаторы» устроены, как мы увидим далее, более сложным образом. Когда этот прием впервые стал появляться в фольклорных, литературных и публицистических текстах, отследить уже невозможно, как невозможно датировать и картографировать большинство текстов с «именами-имитаторами».

Таким образом, в потенциальных «именах-имитаторах» все, даже морфологическая финаль слова, должно иметь возможность двойного прочтения, в отличие от «псевдоэтнических» номинаций. Соответственно, русский язык выбирает

всего несколько способов удовлетворить этому условию, некоторые из них достаточно любопытны.

Мы начнем разбор конкретных примеров с более частотных случаев, а потом рассмотрим случаи редкие, при этом оставляя за собой право обратиться к русским именам-имитаторам в конце статьи. Однако перед тем, как приступить к разбору конкретных случаев, укажем несколько особенностей.

Морфологический и неморфологический способы создания имен-имитаторов. Основной способ создания имен-имитаторов — это способ морфологический. Этнические группы, помеченные в [Табл. 4] звездочкой (*), это собственно — американцы, поляки, частично — чехи, евреи и русские, — образуют имена-имитаторы принципиально другим способом, не морфологическим: в их создании задействована омофония таким образом, что вновь образованное имя совпадает со словоформой русского языка:

Ученый Дайфонд видит в мечтах совет директоров в составе: д-р Плиз, м-р Отдал, м-р Роздалл и м-р Рискнулл. В действительности его встречают м-р Скупоу, м-р Фигвам и г. де Гарантия [Санников 1998].

Интересно то обстоятельство, что данный авторский текст «сработает», если его именно прочесть, а не услышать, потому что русские глагольные формы прошедшего времени превращаются в английские имена через а) написание их с большой буквы и б) удвоение конечной согласной, что создает иллюзию фамилии — *Роздалл*. Оба эти эффекта пропадают при устной передаче.

«Отглагольная» модель. Ряд «имен-имитаторов» образуется за счет глагола. Этот прием встречается уже в XVIII веке. В «Сибирском сборнике заговоров», представляющем собой записи заговоров для практических нужд, выполненных примерно в 30-е годы XVIII века, есть текст, в котором в качестве магических защитников фигурируют три ангела — *Посмотрил* — высматривает соперника, *Воро-*

тил — отвращает от адресата порчу, *Пострелил* — стреляет во врага [Турилов, Чернецов 2002: 61].

В современном фольклоре существуют два подтипа продуктивной «отглагольной» модели, актуальной для целого ряда «имен-имитаторов»:

В первом случае используется одно-единственное слово — глагол:

- в единственном числе прошедшего времени образует английские имена (*м-р Розогналл*), чешские (*Поспешил*);
- во множественном числе прошедшего времени — грузинские (*Заржавели*, *Художили*);
- в императиве — литовские имена *Плодитис* и *Размножайтис*, *Обломайтис*.

Во втором случае используется предикативная конструкция:

- с императивом: литовские имена (*Детивишколусобирайтис*); турецкий музыкант *Обстул Задом Бей*;
- с другими формами глагола — грузинский бегун *Огого Добегулия*, армяне *Сутрапьян* и *Газон Засеян*.

«Страховочные» средства. В тех случаях, когда морфологическое средство недостаточно выразительно или отсутствует вообще, используется «страховочное» средство: присоединяется частичка, которая должна указывать на этническую или культурную принадлежность имени, например *повар де Блюе*, *донна Аграфена Пухлотелло* — таким образом имя получает соответствующий национальный или социальный контекст.

Прототипические модели. Перед разбором конкретных случаев стоит оговорить, что в качестве прототипических образцов для носителей могут выступать как имена, ставшие известными по историко-политическим причинам (Мао Цзе Дун, Чаушеску), так и имена, чрезвычайно распространённые и поэтому в русской языковой картине мира однозначно приписываемые определенной этнической группе (Абрамян).

ЕВРЕЙСКИЕ ИМЕНА

Модели конструирования еврейских имен-имитаторов и текстов, обыгрывающих эту модель, в современном русском фольклоре не только самые продуктивные, но и появившиеся одними из самых первых.

Существуют две модели для образования еврейских «имен-имитаторов».

«Айсберги, Вайсберги и всякие там Рабиновичи». Рассмотрим анекдот, зафиксированный в 1926 году: *Плакат в ЦКК: «Добро пожаловать! Хлеба вам не поднесем, но Сольца на хвост насыплем»* [Мельниченко 2014: № 143]. Имеется в виду Арон Александрович Сольц (1872—1945) — член президиума Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), председатель юридической коллегии Верховного Суда, один из организаторов массовых репрессий [Мельниченко 2014: № 1063]. Комический эффект построен на совпадении еврейской фамилии с любым нарицательным существительным иностранного происхождения.

На правило конструирования псевдоеврейских имен в рамках этого правила влияет понимание того факта, что настоящая еврейская фамилия может быть сама по себе достаточно невероятной, например, известный историк Наум Ефимович Застенкер (1903–1977), Циферблат (из *Zifferblatt* [Унбегаун 1995: 267]), Нафталин (из *Naphtali* [Унбегаун 1995: 257]), что приводит к появлению анекдотов с именами вроде *Шлагбаум, Дизайнер, Гольфстрим*:

«Рабинович, где вы работаете?» — «На железной дороге». — «И много там наших?» — «Двое осталось: я и шлагбаум» [Мельниченко 2014: № 5602].

«Это магазин? У вас есть ватман?» — «Нет, Ватман давно уехал». — «Вы меня, наверно, не поняли. А кульман есть?» — «И Кульман уехал». — «Да что вы в самом деле! Я в магазин звоню, я чертежник-дизайнер!» — «Ну понятно, что не Иванов!» [Мельниченко 2014: № 5543].

«Василий Иванович, Гольфстрим замерз!» — «Сколько раз я вам говорил: жидов в разведку не посылать!» [Мельниченко 2014: № 4396].

Но больше всего внимания привлекла к себе в рамках этой модели фамилия Айсберг, начиная с известного высказывания Митрича из «Золотого теленка»:

— <...> Вот статья, видите? «Среди торосов и айсбергов».

— Айсберги! — говорил Митрич насмешливо. — Это мы понять можем. 10 лет как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги и всякие там Рабиновичи [Ильф, Петров 2003: 305].

«Золотой теленок» был написан в 1931 году, а в 1934 году был раздавлен льдами «Челюскин», что немедленно актуализировало ту же самую языковую игру в анекдотах:

«“Челюскин” погиб из-за айсберга». — «Я сразу сказал — если возьмут Айсберга, он там все испортит» [Мельниченко 2014: № 1495А].

«“Красин” в море встретил айсберга». — «Это из киевских?» [Мельниченко 2014: № 1495В].

— В гибели «Титаника» виноваты евреи!

— Ты что??? Какие такие евреи???

— Лоцман, Боцман и Штурман. А больше всех — Айсберг¹⁰⁵.

А также в юмористических загадках: *Без окон, без дверей плывет по морю еврей (отгадка — айсберг)* [Елистратов 2002].

Однако существует и другое правило образования псевдоеврейских имен: слово/словосочетание русского языка, но иностранного происхождения, путем дополнительного членения воспринимается как имя+фамилия — *Арон Гутан, Изя Топ, Миля Рентген*:

Наконец-то нашли двух евреев, виновных во взрыве Чернобыльской АЭС. Ими оказались Миля Рентген и Изя Топ.

¹⁰⁵ www.smex.ru

В Ленинграде остались всего две еврейки: Дора Говизна и Аврора (Залповна) Крейсер. [Мельниченко 2014: № 5765].

Иногда при таком дополнительном членении возникает минимальное фонетическое изменение одной части слова:

После чистки из зоопарка были уволены: Пиня Гвин, Арон Гутан и слон. — А почему слон? — А вы видели его нос?

По новейшим данным, татаро-монгольское завоевание Руси возглавлял Чингиз-Хаим [Евреи шутят 2000: 21].

В одном тексте (дневниковая запись за 1947 год) еврейская фамилия конструируется путем сложения, а не расчленения нарицательных существительных:

Две женщины в купе вагона. «Как ваша фамилия?» — «В ней два слога. Первый слог — то, что нам всегда обещают. Второй слог — то, что мы всегда получаем». — «Гражданка Райхер, на следующей станции вы будете арестованы» [Мельниченко 2014: № 2120].

«Ха Им». Есть, наконец, и третий, не очень продуктивный способ создания еврейских имен — конструирование их по первой модели китайских имен: слово, в данном случае популярное еврейское имя Мойша (уменьшительное от Моисея), членится на составляющие, которые при некотором приближении звучат как китайские имя и фамилия:

— Почему ты рассказываешь анекдоты только об евреях?

— Ну ладно! Идут два китайца: Один из них, Ха Им, говорит другому: «Послушай, Мой Ша...».

Еврейские «имена-имитаторы» — это единственная группа, которая может переходить в другую ономастическую систему.

АЗИАТСКИЕ «ИМЕНА-ИМИТАТОРЫ»

Китайские «имена-имитаторы» будут подробно анализированы в следующей главе. Однако китайские имена — это более частный случай закрепления в фольклорной тради-

ции модели «азиатских» имен. Носители плохо различают корейские, китайские и вьетнамские имена, поэтому здесь они объединены в одну группу.

Итак, первый способ образования китайских/корейских имен: два или три односложных имени, каждое структуры CV(C), желательное наличие слога -ху-.

Второй способ (зафиксированный в «Зойкиной квартире» Булгакова) составляет ту же конструкцию — CV(C)-CV-CV(C) — из некоторого словосочетания (Сам Пью Чай).

Прототипы: *Хо Ши Мин, Чан Кай Ши, Мао Цзе Дун, Ху Яо Бан.*

Пародии: *Ху Бен Хо, Ван Ю Шин, Ли Си Цын, Сяо Ко Сяк, Жуй Сам, Пинг Понг.*

Подробнее о таких именах см. следующую главу.

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ИМЕНА

Чеченские войны принесли нам чеченские «имена-имитаторы», прототипическая модель которых сложилась благодаря Льву Рубинштейну:

Я помню, как однажды, в конце 90-х годов, я чуть не сорвал выпуск издания, в котором тогда работал. Я этого не хотел, это получилось случайно. Просто я пришел к коллегам из отдела политики, где горячо обсуждался какой-то материал про чеченские события, и сказал, что мне пришли в голову неплохие имена для трех полевых командиров: Ушат Помоев, Букет Левкоев и Рулон Обоев. Дня на три работа застопорилась. Из разных углов редакции раздавались спонтанные взрывы. Из одного угла слышалось: «Камаз Отходов» (взрыв). Из другого — «Рекорд Надоев» (опять взрыв). Из третьего — «Парад Уродов» (залп в сорок три орудия). Из четвертого — «Билет Догаваев» (девять баллов по шкале Рихтера). Потом эти чудесные имена-фамилии долго шлялись по интернету, лавинообразно обрастая все новыми образцами стихийного иметворчества [Рубинштейн 2005].

Примерно в то же время в Интернете стали появляться статьи, где словосочетание *Рулон Обоев* становилось именем полевого командира:

Привыкаешь ко всему. На фоне ежедневных телесводок военных действий обживаешься, ремонтируешься, белишь потолки, клеишь новые обои... И даже меланхолично отмечаешь, что название магазина на Профсоюзной: «Рулон Обоев», как и слегка корявое объявление в газете: «Ремонт Паркетов» похожи на имена полевых командиров [Бунимович 2000].

От прочих «имен-имитаторов» они отличаются предельно формализованным способом образования: словочетания Nom+Gen. plur. с окончанием *-V-ев*, построенные по метрической модели *01 010*¹⁰⁶, количество слогов — 2 и 3¹⁰⁷. Примеры: *Подрыв Устоев, Рулон Обоев, Букет Левкоев*. Стоит отметить, что и прототипические имена, находящиеся у всех на слуху, также отвечают этим жестким требованиям: *Шамиль Басаев, Салман Радуев, Джохар Дудаев*.

Такие чеченские имена фигурируют в основном в единственном виде текста, который представляет из себя «список имен», причем текст такого рода может фигурировать только в Интернете (или в субкультуре, связанной с письменными вариациями фольклора — например, школьной), хотя бы по той простой причине, что запомнить такой перечень с однотипными элементами достаточно сложно, а воспроизвести его устно в достаточно длинном виде — тем более, при том что весь «point» текста заключается как раз в большом количестве имен чеченских террористов. В результате появляется «анекдот-каталог»:

Москва. 20 апреля. ИНТЕРФАКС. — Как заявил в четверг журналистам в Москве первый заместитель начальника генерального штаба Вооруженных сил России генерал-полковник Валерий Манилов, в результате спецоперации на территории Чеченской Республики захвачено крупное бандформирование сепаратистов. В следственном изоляторе «Лефортово», куда

¹⁰⁶ Единица обозначает ударный слог, ноль — безударный.

¹⁰⁷ За исключением одного примера — Аромат Гималаев: *На Профсоюзной есть магазин: Рулон обоев. В шкафу на кухне стоит коробка чая: Аромат Гималаев* <<http://www.cofe.ru/appleubb/noncgi/Forum12/HTML/000195-6.html>>.

уже доставлены боевики, ведутся предварительные допросы таких известных сепаратистов, как <...>

Улов Налимов,
Букет Левкоев,
Рекорд Надоев,
Отряд Ковбоев,
Подрыв Устоев,
Подиум Прибоев,
Погром Евреев,
Поджог Сараев,
Захват Покоев,
Исход Изгоев,
Побег Злодеев,
Обвал Забоев,
Угон Харлеев,
Удел Плебеев,
Камаз Отходов,
Развод Супругов, <...>

По некоторым сведениям, среди арестованных имеется также воевавший на стороне боевиков абхазский снайпер Партучеба. Личности других террористов в настоящий момент устанавливаются¹⁰⁸.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИМЕНА

«Прибалтийские» имена (носители традиции часто не разделяют эстонские, литовские и латышские имена) представлены в фольклорной традиции двумя способами.

Русская типичная фамилия + финаль на -с. Прибавление финали на –с к русской фамилии создает «псевдоэтнические» номинации:

Взгляни на них, и мир качнется, рушась.

Латинский шрифт: «Бобровс», «Петровс», «Кирюшинс» [Жоржавин 2004: 432]

Такой механизм с именами на –с обыгрывается в этих текстах:

¹⁰⁸ <www.anekdot.ru>

Выходит латыш на крыльцо своего дома и зовет собаку:
— Шарик! (молчание). Шарик!! (молчание) Шарикс!!!
— Гавс, гавс!!!

...по телеку недавно видел, служат пацаны Калининс и Антоновс и собака их Шарикс¹⁰⁹.

Отглагольная модель. Окончание *-айтис, -аускас*; количество слогов ≥ 3 , созвучие русских повелительных форм *-айтесь* (вроде *Балтрушайтис*) приводит к созданию имен вроде *Детившколусобирайтис*, ср. также: *самые лучшие литовские фамилии: Плодитис и Размножайтис*¹¹⁰.

Балтрушайтис¹¹¹ подошел в ресторане к Куприну и представился:

— Балтрушайтис!

На что Куприн отвечал:

— Я уже! [Измайлов 2014].

Как уже упоминалось, носители традиции часто не разделяют или путают принадлежность к эстонским или литовским именам. Поэтому *национальный литовский праздник Обломайтис* (последний пример отдельно разбирается в главе VIII) может быть и эстонским праздником Обломайтис. Эта модель продуктивна: кроме литовского праздника Обломайтис есть еще *литовские национальные праздники пролетай, похмеляйтис, колотунас, увольняйтис*.

Эстонские имена. С эстонскими именами дело обстоит сложнее. Не существует продуктивной модели, позволяющей порождать эстонские имена, однако есть один авторский текст, где способ образования эстонских псевдоимен найден. Но этот тип так и остался находкой Льва Рубинштейна и не «пошел в фольклор»:

Летом следующего года¹¹² я поехал в Эстонию, где развлекался в том числе и тем, что от нечего делать придумывал

эстонские фамилии, а также географические названия. Эта тема оказалась не менее заразной, чем «чеченская». Жаль, поленился я записать свои вещи откровения, а потому многое забыл. Помню лишь промышленный город Вырву-Кохти. А также запомнилось мне как бы начало как бы главы из как бы учебника: «Эстонский советский писатель, лауреат Ленинской и Государственной премий, герой социалистического труда Порно Сайт родился в 1919 году в рыболовецком поселке Трахну-Выдру в северной Эстонии, где и провел свои детские годы». Ну вот. А это что? Ксенофобия? Великодержавный шовинизм? Ответ на этот вопрос у меня есть: мои эстонские друзья, когда я делился с ними своими ономастическими изысканиями, очень радовались и просили еще. А другого ответа нет и быть не может [Рубинштейн 2005].

УКРАИНСКИЕ ИМЕНА

Правила образования для украинских имен достаточно простые. Окончание: *-нко*, количество слогов: ≥ 3 , ударение: окончание безударное. Необходимо многокорневое слово, наличие звука *щ*, возможность чтения фамилии как словосочетания. Протипические имена: Грищенко, Зощенко.

Украина. Строй новобранцев. Перед ними старшина производит переключку:

— Попердыщенко!

— Я!

— Поперекпердыщенко!

— Я!

— Поперековдольпердыщенко!

— Я!

— Череззаборногузадерищенко!

— Я!

Старшина, почесывая репу: — Ни х.. себе фамилия...

— Я!!!¹¹³

— *Черножопенко*, ты слышал, какая смешная фамилия — Зайцев!¹¹⁴

¹⁰⁹ <<http://www.forum-tvs.ru>>

¹¹⁰ Устное сообщение В.Г. Смолицкого.

¹¹¹ Имеется в виду литовский поэт Юргис Балтрушайтис.

¹¹² То есть, согласно авторскому тексту, примерно в 2000 году.

¹¹³ <<http://www.cofe.ru/appleubb/noncgi/Forum12/HTML/000195-4.html>>

¹¹⁴ <<http://www.sidor.ru/popa/>>

ПОЛЬСКИЕ ИМЕНА

Окончание: *-овски, -овский, -ский* или неморфологический способ (о неморфологическом способе см. выше); нагнетание (только для литературных примеров) нехарактерных для русских консонантных сочетаний, например *-пш-*, что делает фамилию фактически непроизносимой: *пан Кшепшицьюльский и Пшекшицьюльский*.

Окончание на *-овски* мало обыгрывается в фольклоре, хотя вполне воспринимается как нечто польское:

Польский солдат, оставленный в Херсоне, просил о любом имени, только чтобы оно было длинным и заканчивалось на *-овски* как доказательство его греко-римской веры [Verner 1994].

Можно было бы придумать анекдот, что-то вроде **Штирлиц улыбнулся по-стариковски. Постариковски насторожился...* Однако в фольклорной традиции существует другой анекдот о Штирлице и польском агенте: *Штирлиц вышел наружу. Ружа был агентом польской разведки.*

ЧЕШСКИЕ ИМЕНА

Чешские имена создаются в основном с помощью неморфологического способа (см. также раздел «я тут не копенгаген»).

Первый случай — фамилии строятся как псевдоглаголы с переносом ударения. Многие чешские фамилии образованы от глагольных форм прошедшего времени на *-l*: *Поспишил(ь)* — от *Pospíšil* [Унбегаун 1995: 253]. Реальные фамилии вроде *Розегнал* (известный чешский футболист *Давид Розегнал*) приводят к возникновению *Поспишил, Долежал*:

Чешскую делегацию представляют Брежневу:
— Незвал!
— Очень приятно, Брежнев.
— Долежал!
— Очень приятно, Брежнев.
— Пос... по... (член делегации начал заикаться).

Брежнев приходит ему на помощь.
— Очень приятно, Брежнев. А Вы что сделали?

Второй случай: языковая игра построена на обыгрывании фамилии генерала Свободы, которая при переносе ударения звучит как слово «свобода»:

Дошло до того, что в антисоветском анекдоте предложили переименовать душителя пражской весны 1968-го года генерала Свободу в генерала Осознанная Необходимость.

РУМУНСКИЕ ИМЕНА

Правила образования имен: окончание *-ку*, лучше *-еску*; ударение — женское; количество слогов ≥ 3 , прототипические имена: *Чаушеску, Антонеску*.

Эта модель позволяет порождать тексты, где фигурируют разведчицы *Позаранку, Занавеску*: *Штирлиц дернул занавеску и лёг спать спозаранку, но румынской разведке ничего не удалось узнать.*

В целях «семиотического эксперимента» для проверки того, насколько действительно продуктивна такая модель, авторы статьи 4 октября 2004 года придумали следующий анекдот: *Штирлиц кинул монетку и послал SMS-ку. Румынская разведка обиделась.*

ИТАЛЬЯНСКИЕ ИМЕНА

Окончание: *-и* и *-о*, удвоение конечных согласных, прототипические имена: *Вивальди, Риголетто*. Данная модель сейчас не продуктивна, а существующие примеры в основном литературные: *Донна Аграфена Пухлотелло, герцогиня Фекла де Грудасто и ее любовник дон Вавилло* [Санников 1999: 175]. Из новых вариантов итальянских имен в анекдотах-каталогах встречаются *Поцнальдини* и *Ремонт Обувь*.

«**Брателло**». Другой интересный случай — присоединение псевдосуффикса *-елло* к основе *брат-*, что создает иро-

ничное итальянизированное обращение *брателло* по аналогии с *fratello* (итал. 'брат'), весьма популярное в начале и середине 2000-х годов:

Авторитеты из числа друзей ограбленного *брателло* топтали ножками и орали на своих бандюков, требуя изловить и четвертовать через повешение наглых отморожков [Криминальная хроника 2003]

Согласно Национальному корпусу русского языка, первый раз *брателло* встречается в речи криминального авторитета в фильме 1997 года «Мама, не горюй!»: *Труба твоя молчит / ай-ай-ай / думаю / где это мой брателло пропал?*, также эта форма была популяризирована благодаря рассказам Веллера: *Вот тут ты, брателло, в натуре, не прав* [Веллер 2001].

Про итальянизацию окончания слова см. примеры в разделе «русские имена». *Брателло*, с одной стороны, образуется по модели *Лопатто* и *Выбегалло*, с другой — на такой тип словообразования повлияли мафиозные темы, например, популярные в 90-е годы фильмы про мафию.

АНГЛИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ИМЕНА

Слово/словосочетание русского языка воспринимается как имя+фамилии английского языка, иногда путем дополнительного членения (Том А. Гавк). Прототипическое имя: Уильям Шелли. Сконструированная пародия: *Уинпем Уодки*¹¹⁵, *м-р Розогналл*, *Порция Уиски*, *Том А. Гавк*, *Дин А. Мит*.

В лагере в 1952 году были обнаружены листовки, обещающие скорое избавление от Сталина и приход американцев от лица некоего Уолла Стрита. *Wall Street* — улица Нью-Йорка, центр делового района. В советской послевоенной пропаганде это название использовалось как пейоративный синоним слову «капиталисты», «богатые американцы»

¹¹⁵ Устное сообщение М.А. Ахметовой и В.Г. Смолицкого.

(«рука Уолл-Стрита»). На слух это могло быть воспринято как типичное английское имя: *Уолл* [Уолт] *Стрит* [Эдельман 1999: XXX].

«БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ» ИМЕНА

Наличие формантов *-аль*, *-ибн*, финали *-ал*, *-а* и *-и*; иногда модель требует «страховочного средства» (например, указания титула — *шейх*). Прототипическое имя: Аль-Шаами; полученная пародия: *Каши Ал Бухани* [Успенский 2001]; *шейх Насралла*¹¹⁶.

В 2001 году в новостном ресурсе Lenta.ru при упоминании имени реального палестинского террориста *Набил Укал* была допущена опечатка, и появилось имя *Набил Украл*, что вызвало шквал новых вариантов имен среди пользователей в комментариях, например, появился палестинский террорист *Набил Украл ибн Подкупил*.

Нарушение постулата о длине имени. Есть и другое, неморфологическое, средство создания «псевдоэтнической» номинации — намеренное нарушение правила о длине имени, которое используется при конструировании арабских и индейских «псевдоимен»:

Ассирийские цари были очень воинственны и жестоки. Врагов своих поражали более всего своими именами, из которых Ассур-Тиглаф-Абу-Хериб-Назир-Нипал было самым коротеньким и простеньким [Тэффи 1991].

ГРУЗИНСКИЕ ИМЕНА

Окончание *-ели*, *-или*, *-ия*, *-дзе*; ударение: -010 или -100; количество слогов: >=3; желательное наличие фонем *ш* и *ж*; прототипическое имя: Шенгели, Церители, Шенгелия, полученная пародия: *Огого Добегулия*, *Смогулия*, *Хочулия*,

¹¹⁶ <http://www.religio.ru/dosje/13/173.html>

Заржавели, Продешивили, Хмелидзе, Художили, Шимпанидзе, Камикадзе.

В основном грузинские «имена-имитаторы» образуются за счет отглагольной модели. Исключение: *Шимпанидзе* и *Хмелидзе*.

По сообщению нашего старшего коллеги, в 1950-е годы псевдогрузинским именем *Художили* табуировали имя Сталина¹¹⁷. Грузинские имена встречаются и в детских юмористических загадках, например: *Лежат в луже два гвоздя. Они лежали четыре месяца. Как фамилия грузина? — Заржавели.*

АРМЯНСКИЕ ИМЕНА

Окончание *-ян*; ударение — мужское; количество слогов: >=3, прототипическое имя: *Карапетян, Абрамян, Петросян, Джигарханян*. Полученная пародия: *Газон Засеян, Энергонадзор Сутрапьян, Д'Артаньян*.

Восприятие финали *-ян* как окончания типичной армянской фамилии вызывает к жизни целый ряд анекдотов и спонтанных шуток:

— Фамилия у него какая?

— Третий раз повторяю — Су-тра-пьян, — по слогам произнес Журавлев.

— Классная фамилия! — оживился Марат, — Сутрапьян прямо с утра спаивал московскую делегацию в стенах парламента. Он что — бухарь?

— Клевещешь на человека, — замотал головой отставной опер, — кто ж туда алкаша назначит.

— Жаль, — понизил голос до шепота Марат, — для правды жизни тебе придется фамилию поменять на депутатскую. Звучит-то как — Лев Сутрапьян. Это же сказка.

— Во-первых, он без мягкого знака пишется. Сутрапьян, а не с утра пьян! — закричал зло Журавлев, — а во-вторых, еще один намек на мою печень и ты...¹¹⁸

¹¹⁷ Согласно устному сообщению А.Ф. Белоусова, так говорил его отец в 1950-е годы.

¹¹⁸ <<http://agatov.chat.ru/page2.html>>

Армянское радио спрашивают: «Что нужно ереванскому «Арарату», чтобы стать чемпионом СССР по футболу?» Армянское радио отвечает: «Мунтян, Поркуян и еще девять киевлян».

Стоит армянин перед памятником Пушкину и плачет.

— Вах, дорогой ты мой знаменитый соотечественник! На кого ты нас покинул? Зачем ушел?

Подходит мужик к нему и говорит:

— Слушай, какой соотечественник? Это же великий русский поэт А.С. Пушкин!

— Какой великий русский? Не видишь, что ли, написано: «Газон Засеян!»

Имя д'Артаньяна из «Трех мушкетеров» получает из-за своего окончания все шансы считаться «армянским», см., например, эстрадный диалог М. Вашукова и Н. Бандурина 50-х годов с куплетами [Териков 2000]:

— Ну, а три мушкетера?

— Пожалуйста!

«Три прикольных мушкетера
Тусовались весь роман
А мочил всех без разбора
Армянин де Артаньян!»

— А разве де Артаньян — армянин?

— А кто же еще! Это только у армян — Аване-сян, Петросян, Демир-чян, де Артаньян. А как де Артаньян друга звал, помните? Ара, ара, Ара-мис!

Все вышеперечисленные приемы соединяются в одном тексте:

В старших классах со мной вместе учился мальчик по имени Саша Хачатурян. Он был хороший ученик и настоящий армянский патриот, сейчас я поясню это на примере. Мальчишки в то время (лет пятнадцать назад), как Вы, может быть, вспомните, на переменах всюду резались «в пяточки». Помните — становитесь друг напротив друга по краям парты, выкладываете на скользкую поверхность «команды» по три больших доперестроечных пяточка?.. Свою команду Саша назвал «Ара-

рат», по аналогии с гордостью армянского футбола. Пятачки, члены команды, назывались по фамилиям: Д'Артаньян, Оганесян и Сутрапьян¹¹⁹.

ЯПОНСКИЕ ИМЕНА

Наличие 3-х или 4-х слогов; структура слога CV-CV-CV-CV; ударение — женское; желательное наличие повторяющихся слогов; прототипическое слово — микадо. Для японских «имен-имитаторов» прототипом являются не реальные японские имена (широкой публике мало известные), а некоторые слова, которые в массовом сознании устойчиво связаны с Японией (что, впрочем, этимологически может быть неправильно). Так, знание слов *гейша* и *рикша* провоцирует комический эффект анекдота *Образцовая японская семья: мать — гейша, отец — рикша, а сын — Мойша* [Евреи шутят 2000: 57]. Именно поэтому в следующем тексте, возникшем в 20-е годы, слово *микадо* задает парадигму, по которой строятся японские «псевдоимена»: *Однажды к японскому императору-микадо пришли на доклад маршал Кикацу, генерал Куцаки, лейтенант Пикапу и полковник Пукаки* (вступление к куплетам «Все хорошо», автор и исполнитель Илья Набатов [Териков 2002]).

Сейчас модель не является продуктивной, хотя широко известны японские спортсмены *Тояма Токанава* и *Ручицито Ширехари*, а также скорая помощь *Акомато Хировато* с водителем *Томимо Токосо* (смотри примеры в анекдотах-каталогах).

ИНДЕЙСКИЕ ИМЕНА

Правило конструирования индейских «псевдоимен» не морфологическое — словосочетание *объект + признак объекта*, причина номинации которых сугубо положительная: *Ястребиный Коготь*, *Соколиный Глаз*, *Быстрый Олень*, *Черная Мол-*

ния. Источник таких имен — любимые детские романы про индейцев Ф. Купера, *Мея* и т.д. *Черная Молния* — героический индеец из детского приключеского романа А.Н. Шклярского «Томек на тропе войны», *Монтигосо Ястребиный Коготь* — из романа В. Каверина «Два капитана». Также для образования индейских «псевдоимен» важную роль играет стереотип, почерпнутый из тех же самых романов Ф. Купера, о приобретении индейцами своих имен после совершения славного подвига. Этот прием пародируется в следующем анекдоте:

Маленький индеец спрашивает своего отца: «Пап, а почему у всех индейцев имена такие дурацкие?» — «Почему дурацкие? — отвечал отец. — Вот у твоей сестры имя Цветочная Полянка, потому что она была зачата на цветочной поляне, у твоего брата имя Осенний Дождик, потому что он был зачат под осенним дождём. Теперь понятно, Дырявая Резинка?»

Эта модель синонимична американской модели образования индейских «имен-имитаторов» и связана с переводным характером прототипов. Американский славист Джеймс Бейли рассказал нам следующий американский анекдот:

Джордж Буш приезжает на совет вождей в индейское племя. Он читает речь, в которой говорит, как много он сделал для индейцев, для сохранения их культуры, для отстаивания их прав. Индейские вожди соглашаются, делают его почетным членом племени и дают имя «Ходячий Орел». Когда Буш уехал, журналисты спрашивают их, почему такое имя. Индейцы объясняют: «Так полон дерьма, что летать уже не может».

Нарушение постулата о длине имени. Как и в случае с арабскими «именами-имитаторами», при образовании индейских имен происходит намеренное нарушение постулата о длине имени. Так, М.Л. Гаспаров в своих воспоминаниях пишет, что в детстве он читал пародийный текст про индейца с именем *Угобичибугочибибибаупаукиписвискививинбул*, что значило: *маленькая ящерица, сидящая на сухом дереве, с хвостом, свешивающимся до земли* [Гаспаров 2000: 309].

¹¹⁹ <<http://www.russ.ru/ssylka/99-01-04.htm>>

МАЛОПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ «ИМЕН-ИМИТАТОРОВ»

«Скандинавские» и немецкие имена. Носители традиции не разделяют шведские или, например, датские имена. Поэтому они попадают в условную группу «скандинавские имена». Окончание *-сон*, количество слогов: ≥ 2 , прототипическое имя — Петерсон:

Стоит Брежнев на балконе. Мимо пролетает Карлсон.

— Здравствуйте, дорогой Леонид Ильич! Вы меня узнаете?
Я — Карлсон.

— Какой такой Карлсон? — Карлсон... Карлсон... Ах да! А где же ваш друг и соратник Фридрихсон?

Немецкие имена не имеют, видимо, своих правил. Они образуются по правилам еврейской группы, либо иногда — скандинавской, либо — когда полноценное «имя-имитатор» произвести не удастся, перед именем ставится слово (см. раздел «страховочные средства»), которое должно указывать на этническую группу: *герр Ганс Ушанке* (см. пример среди анекдотов-каталогов).

Греческие имена. Окончание *-аки*, *-опуло*, *-полу*; ударение: женское или дактиль; количество слогов: ≥ 4 ; прототипические имена: Костаки, Бетаки, Попандопуло, Коккинаки.

В 1930-е годы была популярна частушка про В.К. Коккинаки, летчика-испытателя, грека по национальности [Кустов 2004: 22]:

Если надо, Коккинаки
долетит до Нагасаки
и покажет он Араки,
где зимуют пивораки!

Комический эффект построен на созвучии сочетания «пиво и раки» греческим именам. Именно это волнует парикмахера из романа Л. Лагина «Старик Хоттабыч», да так сильно, что он меняет свою фамилию Пивораки на Эссентуки: *Говорят, что он даже сменил свою фамилию на новую и что*

теперь его фамилия <...> Эссентуки [Лагин 2004: глава 10]. Обратите внимание, что ударение тоже перемещается с предпоследнего слога на последний, вследствие чего, видимо, Эссентуки перестает восприниматься как греческая фамилия.

В записных книжках Ильфа упоминаются два друга *Телескопуло* и *Стетоскопуло* [Санников 1998: 235]. В 1950-е годы также была пара греков *Носомдополу* и *Носомнополу*¹²⁰, не говоря уже о Наполнасракисе. Однако сейчас модель образования греческих «псевдоимен» не является продуктивной.

Французские имена. Окончание *-je*, *-j*, почти обязательно (как и в случае итальянских имен выше) требует наличие «страховочного средства» — формантов «месье» и «де» (как де Ришелье): *месье Долье*, *месье Допье*, *повара Жуй де Глотай* и *де Блюе*.

Испанские имена. Эта модель также весьма непродуктивна. Любое слово, выглядящее как заимствованное иностранное и формант «дон», указывающий на титул: *На экзамене: «Что такое Донбасс?» — «Испанский дворянин, товарищ профессор»* [Мельниченко 2014: № 3195].

Турецкие имена. Окончание *-бей*; прототипическое имя: Ибрагим-бей; полученная пародия: *Абдулл Обстул Задом-бей*.

Абхазские имена. Окончание *-ба*; прототипическое имя — Ардзинба; полученная пародия — снайпер *Партучёба* (см. списки имен в анекдотах-каталогах).

РУССКИЕ «ИМЕНА-ИМИТАТОРЫ»

Ниже приведены несколько случаев, которые имеют косвенное отношение к «именам-имитаторам», а также особенно сти модели образования русских имен.

¹²⁰ Устное сообщение В.Г. Смолицкого.

Поскольку речь идет не об имитации имен чужого этноса, этот прием используется периферийно, но довольно необычно, в нескольких направлениях.

Омонимия суффиксов. Обыгрывается омонимия обычного для патронимических фамилий суффикса *-ов* (*Петров*) и суфф. Gen. plur. для муж. рода (*столов*):

— Кто говорит, что новые русские невежливые? Вот вчера зазевался, чуть под машину не попал, оттуда вылезает такой и говорит: «Куда прешь? Для вас козлов тут переходов понастроили» — ?

— Ну, во-первых, на «Вы», а во-вторых, по фамилии.

Новый русский на Мерседесе врезается в другую машину. Из второй машины вылезает испуганный мужик в кепке. — Ну ты попал! На бабки попал! На квартиру попал! А, кстати, кто ты вообще такой? — Я...эээ... мэр Лужков. — И на Лужки свои попал!¹²¹

Косвенное отношение к русским «именам-имитаторам» имеет и использование типично русских суффиксов по отношению к иноязычным именам. Исторически так нередко образовывались фамилии (*Лермонтов*). Это обыграно в следующем анекдоте — здесь с помощью «типичного» русского суффикса создается русский топоним:

2000 год. Программа «Время». Диктор: ... Колхозники Мичиганщины и Оклахомщины ударными темпами перевыполняют план по севообороту...¹²²

Имена и названия в анекдотах о Штирлице. Другой случай характерен в основном для цикла анекдотов о Штирлице (подробнее о возникновении анекдотов о Штирлице см. [Архипова 2013]), где либо с помощью чистой омонимии, либо с помощью добавочного приема морфологического переразложения из различных частей речи, большей частью именных, образуются «имена»:

¹²¹ Кроме этого примера, родительный падеж обыгрывается и в чеченских именах: *Подрыв Устоев*.

¹²² Анекдот 1970-х годов.

Штирлиц внимательно изучал карту Южных Курил. Майор Южных и так хорошо знал карту.

Штирлиц знал наверняка. Наверняка тоже знал Штирлица.

Или «топонимы»:

Штирлиц застрелил Мюллера впопыхах. На следующий день в Попыхи нагрянуло гестапо.

Штирлиц был извращенец. Во Вращенцах ему поставили памятник.

Имена с окончанием на -о. По образцу анекдота *Из окна дуло. Штирлиц закрыл окно. Дуло исчезло* построен анекдот: *В комнате воняло. Штирлиц вошел в комнату. Воняло больше никто не видел.*

С одной стороны, существуют не очень частотные фамилии или прозвища типа *Жигало* [Унбегаун 1995: 243]. Есть и форма имен на *-ло*: *Данило*. Унбегаун упоминает случай, когда человек, носивший фамилию *Лопата*, переделал ее в *Лопатто*¹²³.

С другой стороны, процесс приобретения деятелем грамматического среднего рода благодаря формальным показателям (окончанию на *-о*) его имени сам по себе вызывает комический эффект. Вот два выражения, ставшие расхожими цитатами: *Выбегалло забегалло* и *Отелло рассвиrepело*. *Отелло рассвиrepело и убило Дездемону* восходит к известному примеру из школьных сочинений довоенного времени [Болдырев 1998: 334], а фраза *Выбегалло забегалло* — из книги А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

Влетел Ойра-Ойра <...> и осведомился:

— Выбегалло забегалло?

— Забегалло, — сказал я [Стругацкие 1987: 81].

¹²³ [Унбегаун 1995: 250]. Здесь финаль на *-о* с удвоением предыдущей согласной, возникшая исторически как результат полонизации в украинских и белорусских фамилиях (см. там же фамилии типа *Курылло*, *Рылло*), позже воспринимается как итальянизированная.

Фамилия ученого — конечно, «говорящая» (возможен намек на «опереточность» его фамилии¹²⁴ — см. *Аграфена Пухлотелло*, что подчеркивает театральность поведения Выбегалло, его стремление все время играть на публику. Герои повести, желая выразить свое отношение к профессору, соединяют его имя с глаголами в среднем роде, тем самым как бы лишая *Выбегалло* принадлежности к мужскому роду (и полу!)¹²⁵.

Лонгинов и Строганов. И наконец, еще один случай, тоже редкий, представленный одним примером:

Делегация русских дворян, среди которых аристократы Лонгинов, Строганов, Путятин и Неверов, приезжает к английской королеве. Лорд-канцлер спрашивает их имена и, введя их в зал для аудиенций, объявляет: Господа Long-Enough, Strong-Enough, Put-It-In and Never-Off! Oh, God, save the Queen!¹²⁶

Здесь мы видим, что реально существующие дворянские имена так членятся на составляющие, что по-английски они начинают восприниматься как: *Господа Достаточно-Длинный, Достаточно-Мощный, Засунь-Его-Внутрь и Никогда-не-Вынимай!* Обсценный смысл очевиден.

«ПСЕВДОИМЕНА»

И наконец, осталось разобрать еще один, последний тип «псевдоимен» — без этнической составляющей.

¹²⁴ «Псевдоиностранность» Выбегалло подчеркивается еще и тем, что он все время пытается говорить на «салонном» французском языке.

¹²⁵ Ср. следующий пример, где средний род тоже подчеркивает презрительную оценку: *А скажи-ка, Коленька, кто такое тебя посещает, голубчик мой?* (Белый А., Петербург). Цит. по: [Санников 1999: 77].

¹²⁶ Анекдот услышан от Е.А. Хелимского.

В 1938 году по поводу взятия сначала республиканской армией, потом франкистами испанского города Теруэль¹²⁷ появляется анекдот: *Вы слышали, Теруэль взяли? — Да, а мужа тоже?* (с вариантом: — *Да, и сколько ей дали?*), где *Теруэль* в обоих вариантах может восприниматься как женское, возможно, еврейское или просто иностранное имя — гибриды мужских еврейских имен типа *Самуэль, Габриэль* и женских нееврейских типа *Изабель, Мирабель* (а также обращение типа *мамзель*). Колебания рода у слов с окончанием на *-ель* нередки: например, во многих фольклоризированных вариантах песни Ахилла Левинтона «Стою я раз на стреме...» город Марсель в строчке *С тех пор, друзья и братцы, одну имею цель // — Чтоб как-нибудь пробраться в этот западный Марсель* приобретает грамматический женский род: «*Ох, как бы мне добраться в эту самую Марсель!*»¹²⁸.

В анахроническом анекдоте про Брежнева генсек воспринимает слово «пейджер» как фамилию:

Как-то раз на заседании Политбюро ЦК КПСС Брежнев встает и говорит:

— Товарищи! А что это здесь все время пищит?

— Это пейджер, Леонид Ильич.

— Мдаа, значит правильно говорят, что я добрый. При Сталине он бы и пикнуть не смел!

В других известных авторам анекдотах появляется персонаж по фамилии КэПээСэС, иногда упоминается и его имя — Вячеслав:

Вовочка, сидя один в комнате, горько плачет. В комнату входит мать и испуганно спрашивает: «Что с тобой, Вовочка, почему ты заплакал?». — «Я боюсь, что меня съедят». — «Да что ты, Вовочка, с чего ты это взял?!» — «А вон по радио все время говорят: “съест КПСС, съест КПСС”» [Мельниченко 2014: № 331].

¹²⁷ Теруэль — город в юго-западной части Испании, 24 декабря 1938 года республиканские войска его взяли после долгих боев.

¹²⁸ Расшифровка фонограммы песни в исполнении А. Беррисона (1970-е годы)

Послали чукчу на съезд КПСС. Вернулся — рассказывает: «Узнал шибко много. Первое — что Маркс и Энгельс не один человек, а два. Второе — что Слава КПСС — это не человек. И третье — что у нас в стране все для человека, все ради человека, все во имя человека. И я видел этого человека!» [Мельниченко 2014: № 332].

Подобного рода «псевдоимена» не воспринимаются как однозначно принадлежащие одной этнической группе, но с некоторыми оговорками их можно принять за немецкие/еврейские имена или русские (см. ниже примеры из анекдотов о Штирлице) по тем же параметрам, которые применяются к еврейским именам. Кроме того, восприятие таких имен зависит от контекста. Например, в вариантах имени Теруэль вопреки «псевдоимени» меняется в зависимости от того, в какой исторический период реактуализовался этот анекдот. Если в анекдоте рассказывается о Большом Терроре 1937 года — *Слышали, Теруэль взяли? — а семью? —* то Теруэль будет восприниматься как женское имя, но не обязательно еврейское. Если же его рассказчики рассказывают его в контексте еврейской эмиграции 70-х, шанс воспринять его как еврейское имя значительно выше.

«Псевдоимена» в анекдотах о Штирлице. В сознании существует модель анекдотов о Штирлице (*Штирлиц дернул занавеску и лёг спать спозаранку, но румынской разведке ничего не удалось узнать*), где Занавеску и Позаранку однозначно воспринимаются как румынские имена, но вот являются ли именами некоторые из следующих выделенных слов в анекдотах?

Штирлиц работал без усталости. Усталость срочно отозвали в Москву. Рочно сопровождал ее на пути на Родину.

Штирлиц надвинул шляпу набекрень. Бекрень обиделся.

Штирлиц упал навзничь. Взничь бросилась прочь.

Синтаксически эти тексты устроены сходным образом, что несомненно, упрощает восприятие «расчлененного» на речия как фамилии.

«ИМЕНА-ИМИТАТОРЫ» В СОСТАВЕ АНЕКДОТОВ-КАТАЛОГОВ И АНЕКДОТОВ-СРАВНЕНИЙ

В данной книге мы неоднократно упоминали прием, позволяющий организовывать однотипные микротексты в большие группы. Тексты такого жанра бытовали даже устно, если список был небольшим. Использовался он как памфлет в революционной и антиреволюционной прессе 1910–1920-х годов, в сатирических листовках 1930-х годов [Архипова, Мельниченко 2010: 352–355].

Имена-имитаторы в 1970-е годы функционируют в составе школьного фольклора в виде подобных «списков»¹²⁹, где имена соединены жесткими парадигматическими связями, которые обеспечивают юмористический эффект благодаря кумуляции, даже если отдельный пример сам по себе не является достаточно удачным. Основным приемом, объединяющим микротексты в группы, может быть сравнение:

Представители разных национальностей спорят, чья нация появилась первой. Армянин говорит:

— Конечно, армяне! Нашего предка называли Обезьян.

Грузин:

— Нет, нашего предка назвали Шимпандзе.

Русский:

— Нашего предка звали Гаврила.

Еврей:

— А какой национальности, по вашему, был Арон Гутан?

Как это Сашка сказал: «В тебе наблюдаются самые отвратительные черты, присущие... кому-то, словом, присущие, я забыл, кому. Тебе очень удобно клички давать, подпольщик ты наш. С похмелья ты латыш — Мерзаускас, потом — грек, Многопили, вечером — грузин, Смогулия. А сегодня еще и армянин: Сутрапьян¹³⁰.

¹²⁹ Согласно воспоминаниям А.А. Панченко, такие «списки имен» были очень популярны в его школе в Ленинграде в конце 1970 — начале 1980-х годов.

¹³⁰ Узелок завяжется...// <http://www.proza.ru/texts/2001/02/02-02.html>

Вторым приемом, объединяющим имена в группы, является просто список или каталог.

Что в имечке тебе...

Корейский вождь Ком Цум Им и его соратники Сам он Хам, Дык Ен Гад и Хер Вам Дам.

Ф. Стерлингов и его жена Вероника Брынцаловна Казанова. Германские подданные фон Кепке, герр Шапке, фройлян Беретке, фрай Горжетке, обер-лейтенант Фуражке и простой немецкий крестьянин Ганс Ушанке.

Египетская царица Нехертити.

Кавказцы Резо Люция и Ашот Грубиян [Лингвисты шутят 2000].

Вьетнамцы: шахматист Пень Пнём.

Японцы: гейша Атомули Ядалато.

крестьянин Накосика Сукасена,

певица Ятасука Накомодэ,

метрдетель Мояхата Сыровата,

сугенер Комухари Комусиси,

врач Комуто Херовато,

гонщик Тояма Токанава,

снайпер Томимо Токосо,

футболист Накатика Явьебука,

композитор Толисику Толикаку,

пианистка Херанука Пороялю.

Китайцы: естествоиспытатель Сунь Хуй Вчай,

его напарник Вынь Су Хим,

родной брат напарника Вынь Сам Пей.

Азербайджанцы: музыкант Обрыгай-углы.

Французы: повар ДеБлюю,

ещё один знаменитый французский повар Оливье Жюй де Глотай.

Турки: музыкант Обстул Задом-бей.

Чеченцы: полевые командиры Поджог Сараев, Ушат Помоев, Камаз Отходов, Рекорд Надоев, Погром Евреев, Гарем Плейбоев.

Чехи: ветеринар Мацал Кошек,

писатель Мацал Курочек.

Греки: вредный грек Наполнаракис,

посол Слюнидополу.

Грузины: бегун Огого Добегулия.

Румыны: посол Сри Бестреску,

футболист Взад Стамэску.

Традиция продолжается и до сих пор — в литературных текстах:

Как стучат колеса в разных странах:

В Америке — «джинджерэл-джинджерэл».

В странах Прибалтики — «па-дуба-дам».

В Польше — «пан-пан».

В Бенгалии — «чуг-чунг».

В Тибете — «дзог-чен».

Во Франции — «клик-клик».

В тюркоязычных республиках Средней Азии — «бир-сум», «бир-сом», «бир-манат».

В Иране — «авдаль-халлаж».

В Ираке — «джалал-идди».

В Монголии — «улан-далай» (интересно, что во Внутренней Монголии колеса стучат совсем иначе — «ун-гер-хан-хан»).

В Афганистане — «накшбанди-накшбанди».

В Персии — «карнак-зебуб».

На Украине — «тріх-тарарух».

В Германии — «вриль-шрапп».

В Японии — «додеска-дзен».

У аборигенов Австралии — «тулуп».

У горских народов Кавказа и, что характерно, у басков — «дар-лан-бичесын».

В Северной Корее — «улду-чу-чхе».

В Южной Корее — «дулду-кван-ум».

В Мексике (особенно у индейцев учотль) — «тональ-нагваль».

В Якутии — «тыдын-тыгыдын».

В Северном Китае — «цао-цао-тан-тиен».

В Южном Китае — «дэ-и-чань-чань».

В Индии — «бхай-гхош».

В Грузии — «коба-цап».

В Израиле — «таки-бац-бубер-бум».

В Англии — «клик-о-клик» (в Шотландии — «глюк-о-клок»).

В Ирландии — «бла-бла-бла». (...)

В России — «там-там» [Пелевин 2002: 34–35]

Такие «списки» имеют тенденцию разворачиваться в нарративы:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доводится до сведения алкоголиков и собутыльников, что неочередной съезд алкоголиков состоится в ресторане «Забудь печаль» по улице Столичная, 4–12.

Дата открытия совещания будет сообщена дополнительно.

Председатель общества алкоголиков — ПОЛЛИТРОВ.

Члены комитета: Чекушкин, Стопанчиков, Закусин.

Повестка дня:

1. Отчет комитета о росте рядов алкоголиков.

2. Выборы нового состава комитета.

На съезде с большой речью выступит видный алкоголик, награжденный тремя звездочками, тов. Коньяков, а так же выступит президент общества тов. Пьянченков.

В работе съезда будут принимать участие делегаты братских республик:

От Украинской — тов. Наливайко, Выпивайко, Переливайко.

От Белорусской — тов. Бутылькович, Стограммович, Горилкович.

От Грузинской — тов. Похмелидзе, Недопидзе, Передидзе.

От Армянской — тов. Сутрапьян, Малопьян, Дбоширян.

От Литовской — тов. Неспотыкайтис, Непохмеляйтис.

От РСФСР — тов. Рыгаев, Натроих.

На съезде приглашены гости:

От Японии — ТО-ЯМА, ТО-КАНАВА.

От Китая — Сунь-Нос-Вынь-Сухой.

От Франции — Мусье Долье, Мусье Допье.

От ГДР — Штопорный.

Регистрация делегатов проводится по улице Гжелка, 40 у тов. Белоголовкина.

На съезде будут работать различные комиссии.

Справки и консультации будут давать авторитетные, обладающие большим опытом, товарищи.

На вопрос: Что пить, с кем пить, сколько пить?

Будут давать консультации видные теоретики и практики, научные сотрудники — алкоголики тов. Зубровский, Столяный, Самогонский, Забудович.

По окончании съезда будет дан концерт с участием отъявленных АЛКОГОЛИКОВ. В заключении концерта будет показана

премьера балета «Белая горячка» литовского композитора тов. Матюкейтиса.

В главных ролях: Перцовская и Спотыкач.

За справками обращаться по телефону: два по 100 доб. 300.¹³¹

Таблица 4. Имена-имитаторы, прототипические модели, полученные пародии в авторских текстах и фольклоре

Прототипический признак для образования имен этой этнической группы в русском языке	Прото-типические образцы	Полученная пародия
<i>РУССКИЕ*</i>		
—	Воронцы, Железняк	<i>Вращенцы, Попыхи, Наверняк, Усталь, Взничь</i>
<i>УКРАИНЦЫ</i>		
оконч.: <i>-нко,</i> кол. слогов: ≥ 3 ударение: оконч. безуд. многокорн. слово, нал. зв. щ , возможность чтения фамилии как словосочетания	Грищенко, Зоценко	Череззаборногу- задерищенко
<i>ПОЛЯКИ</i>		
оконч.: <i>-овски, -овский, -ский</i> или неморфологический способ; нагнетание (только для литерат. примеров) нехарактерных для рус. консонантных сочетаний, например -пш- , что делает фамилию фактически произно- симой	<i>Ружа</i>	<i>Ружа, пан Кшепши- цюльский и Пшекшицюльский</i>
<i>ЛАТЫШИ</i>		
оконч.: <i>-с,</i> которое присоединяется к любому подчеркнуто русскому слову	Игорс Степановс	Шарикс

¹³¹ <<http://www.zheleznodorozhny.ru/forums/viewtopic.php?p=3398&sid=f12342b3e57ba1842ac1bad87876b006>>

Продолжение табл. 4

Прототипический признак для образования имен этой этнической группы в русском языке	Прото-типические образцы	Полученная пародия
<i>ЛИТОВЦЫ</i>		
оконч.: <i>-айтис, -аускас</i> кол. слов: >=3 созвучие русских повелительных форм на <i>-айтесь</i>	Балтрушайтис	Детившколу-собирайтис, Обломайтис
<i>ЧЕХИ</i>		
фамилии как псевдоглаголы с переносом ударения; пародийное осмысление	Ро ^з егнал, Св ^о бода	Поспишил, Долежал, Свобода
<i>РУМЫНЫ</i>		
оконч.: <i>-ку, лучше -еску</i> ударение: жен. кол. слов: >=3	Чаушеску, Антонеску	Позаранку, Занавеску
<i>ИТАЛЬЯНЦЫ</i>		
оконч.: <i>-и и -о, удвоение согл.</i>	Вивальди, Риголетто	Аграфена Пухлотелло, Поцнальдини, Ремонт Обуви
<i>ГРЕКИ</i>		
оконч.: <i>-аки, -опуло, -полу</i> ударение: жен. или дактиль кол. слов: >=4	Костаки, Бетаки, Попандопуло, Коккинаки	Соплидополу, Пивораки, Наполнасракис, Многопили, два друга: Телескопуло и Стетоскопуло
<i>ФРАНЦУЗЫ</i>		
оконч.: <i>-је, -ј</i> наличие «месье» и «де»	де Ришелье	месье Долье, месье Допье, повара Жуй де Глотай и де Блюе

Продолжение табл. 4

Прототипический признак для образования имен этой этнической группы в русском языке	Прото-типические образцы	Полученная пародия
<i>АНГЛИЧАНЕ/АМЕРИКАНЦЫ</i>		
Слово/словосочетание русского языка воспр. как имя+фамилии англ. яз., иногда путем дополнительного членения (Том А. Гавк)	Уильям Шелли	Уиптем Уодки, м-р Розогналл, Порция Уиски, Том А. Гавк, Дин А. Мит
<i>СКАНДИНАВЫ</i>		
оконч.: <i>-сон</i> кол. слов: >=2	Карлсон	Фридрихсон
<i>ЕВРЕИ I</i>		
Слово/словосочетание русского языка, но иностранного происхождения, путем дополнительного членения, воспринимаемое как имя+фамилия		Арон Гутан, Изя Топ, Миля Рентген
<i>ЕВРЕИ II</i>		
- любые фамилии, совп. с нариц. сущ. «иностранный» происхождения	Кантор, Кульман, Застенкер, Циферблат, Нафталин	Дизайнер, Шлагбаум, Гольфстрим
<i>ТУРКИ</i>		
оконч.: <i>-бей</i>	Ибрагим-бей	Абдулл Обстул Задом-бей
<i>АРАБЫ</i>		
Наличие формантов <i>-аль, -ибн</i>	Аль-Шаами	Каши Ал Бухани
<i>ГРУЗИНЫ</i>		
оконч.: <i>-ели, -или, -ия, -дзе</i> ударение: -010 или -100. кол. слов: >=3 желат. наличие фонем ш и ж	Шенгели, Церители, Шенгелия	Огого Добегулия, Смогулия, Хочулия, Заржавели, Продешивили, Хмелидзе, Художили, Шимпанидзе, Камикадзе

Прототипический признак для образования имен этой этнической группы в русском языке	Прото-типические образцы	Полученная пародия
<i>ЧЕЧЕНЦЫ</i>		
оконч.: <i>-V-ев,</i> ударение: метрич. модель <i>01 010</i> Словочетание <i>Not+Gen. plur.</i> кол. слогов: 2 и 3.	Шамиль Басаев, Салман Радуев, Джохар Дудаев	<i>Подрыв Устоев,</i> <i>Ушат Помоев,</i> <i>Погром Евреев,</i> <i>Рулон Обоев</i>
<i>АРМЯНЕ</i>		
оконч.: <i>-ян</i> ударение: муж. кол. слогов: >=3	Карапетян, Абра- мян, Петросян, Джигарханян	<i>Газон Засеян,</i> <i>Энергонадзор</i> <i>Сутрапьян,</i> <i>Д'Артаньян</i>
<i>АБХАЗЫ</i>		
оконч.: <i>-ба</i> кол. слогов: >=3	Ардзинба	<i>Партучёба</i>
<i>КИТАЙЦЫ/ВЬЕТНАМЦЫ/КОРЕЙЦЫ</i>		
Два или три односложных имени, каждое структуры CV(C), жел. наличие слога -ху-	Хо Ши Мин, Чан Кай Ши Мао Цзе Дун, Ху Яо Бан	<i>Ху Бен Хо,</i> <i>Ван Ю Шин,</i> <i>Ли Си Цын,</i> <i>Сяо Ко Сяк,</i> <i>Жуй Сам,</i> <i>Пинг Понг</i>
<i>ЯПОНЦЫ</i>		
структура слога: CV-CV-CV...-CV ударение: жен. наличие повтор. слогов	Микадо	<i>Тояма Токанава,</i> <i>Ручицито</i> <i>Ширехари,</i> <i>Акомито</i> <i>Хировато,</i> <i>Томимо Токосо</i>
<i>ИНДЕЙЦЫ</i>		
Словосочетание <i>объект + признак объекта</i> , причина номинации которых сугубо положительная	Ястребиный Коготь, Соколиный Глаз, Быстрый Олень, Черная Молния	<i>Дырявая Резинка,</i> <i>Моржовый Х...</i>

Глава VI

СУДЬБА ЛЕТЧИКА ЛИ-СИ-ЦЫНА¹³²

В море синем, как в аптеке,
Всё имеет суть и вес.
Кораблю, как человеку,
Нужно имя позарез!
Имя вы не зря даёте,
Я скажу вам наперёд:
Как вы яхту назовёте,
Так она и поплывёт.

Песня капитана Врунгеля
(м/ф «Приключения капитана Врунгеля»)

Эта глава посвящена способам образования китайских «имен-имитаторов» и историческому контексту, в которых они возникали.

САМ-ПЬЮ-ЧАЙ

Китайские имена были на слуху все советское время — не только благодаря бытовым контактам (в начале XX века в Москве и Петербурге была большая китайская диаспора, китайцы держали небольшие прачечные, рестораны), но и по политическим причинам. Имена *Хо Ши Мин*, *Чан Кай Ши*, Мао Цзе Дун¹³³, Ху Яо Бан были у всех на языке. Эти прототи-

¹³² Главы VI и VII представляют собой дополненный вариант статьи, которая была написана в соавторстве с И.Б. Иткиным [Архипова, Иткин 2007].

¹³³ В китайских именах с середины 1970-х годов второй и третий слоги писались слитно (до этого был дефис). Мао Цзе-дун стал Мао Цзедуном. Далее в этой статье мы пишем имена так, как они записываются носителями традиции и авторами текстов.

пические имена становились известны не только благодаря собственно политическим новостям, но и злободневным частушкам и куплетам:

Чан Кай Ши бежит вприпрыжку,
Ищет норку точно мышь.
Раньше был он Чанкайшишка,
А теперь он Чанкайшиш!¹³⁴ [Цейтлин].

В 1926 году на сцене ставится пьеса Михаила Булгакова «Зойкина квартира», где в списке действующих лиц фигурируют *Ган-Дза-Лин, он же Газолин*¹³⁵, *китаец, 40 лет*, и *Херувим, китаец, 28 лет*, манера разговора которых сама по себе является объектом пародии (ср. *мал-мала юпки гладил*). Херувима по ходу действия называют *Сам-Пью-Чай*:

Х е р у в и м (с узлом). Я мал-мала юпки гладил.
А м е т и с т о в. Ну тебя к богу с твоими юбками. Кокаину принес?
Х е р у в и м. Да.
А м е т и с т о в. Давай, давай! Слушай, ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза [Булгаков 1982].

Китаец *Сам-Пью-Чай* (и все варианты его имени) надолго закрепляется в фольклоре:

По ассоциации вспомнил доперестроечный анекдот про дружбу советского и китайского народа: в Москву с визитом дружбы прибыл из КНР товарищ Суньхуйчай Выньсухим.¹³⁶

ЗАПИСКИ КИТАЙСКИХ ЛЕТЧИКОВ

Через десять с лишним лет после «Зойкиной квартиры» появляются китайские имена *Ли-Си-Цын, Ху-Бен-Хо*. История их

¹³⁴ Здесь мы также имеем дело с грамматическим переходом имени собственного в другую часть речи — об этом см. подробнее во второй части главы XVII.

¹³⁵ *Газолин* — продукт перегонки нефти, смесь летучих углеводородов, в воровском жаргоне — самогон.

¹³⁶ <<http://www.snarky.com/NFP/vb/upload/showthread.php?s=0d7f599da8131db7fdc61390052633df&postid=28092>>

появления заслуживает отдельного небольшого отступления¹³⁷. В 1937 году начинается конфликт Японии с Китаем, и Советский Союз предоставляет Китаю военных специалистов, первая группа которых (27 человек — согласно официальным данным) прибывает в Китай в конце мая — начале июня 1938 года. К октябрю 1939 года их число возрастает до 80 [Военная помощь 1975: 58–59]. Среди них были многие известные летчики: Коккинаки, Губенко, Польшин. В 1939 году в издательстве «Воениздат» выходит книга «Записки китайских летчиков». Автор — Фын Ю-Ко [Фын Ю-Ко 1939]. Под псевдонимом *Фын Ю-Ко* скрывался известный журналист и писатель Юрий Корольков, который на основании рассказов летчиков написал «документальные рассказы» об подвигах, «переименовав» их и себя в китайцев:

Через несколько месяцев написал книжку, выходила она в Воениздате. Я написал и о Хрюкине, назвав его Ху Кин-тоу, о том, как он потопил японский авианосец, об Антоне Губенко, совершившем первый в китайском небе таран в истории авиации, о подвигах Григория Кравченко, о других «ван ю-шинах». Конечно, в рассказах все они носили китайские имена.

Все шло нормально до тех пор, пока не подошел день подписывать рукопись в печать. А участие наших летчиков-добровольцев, воевавших на стороне Китая, хранилось в тайне. На титульном листе моей книжки было написано: «Рассказы китайских летчиков» и стояла моя фамилия — автора. Редактор благодарил судьбу, что в последний момент он сообразил — такое название в сочетании с фамилией автора раскрывает военную тайну.

— Как хочешь, — сказал он, — нужно что-то придумать... Ну какое ты имеешь отношение к Китаю? Каждому станет ясно, кто такие «ван ю-шины».

Спорить было ни к чему, и я обещал к следующему дню сделать все, что требовал от меня редактор. Утром снова был в издательстве.

— Придумал? — спросил меня редактор.

¹³⁷ Выражаем горячую благодарность Б.Л. Кротову, указавшему на ценные источники, без чего этот раздел не появился бы.

— Придумал... Фамилия автора будет Фын Ю-ко. Фын — это дань китайскому языку, а Ю-ко — мои инициалы. Предложение понравилось редактору, он подписал рукопись в печать. В таком виде книжка вышла в свет [Корольков 1975: 138–139].

Ил. 14. Летчик Ху Бен-хо. (Из книги [Корольков 1975: 128–129, вклейка])

Под портретом Антона Губенко в книге Королькова «Далекое не забытое» 1975 года есть примечательная подпись: *Летчик-доброволец Антон Губенко, совершивший первый таран в китайском небе. Тогда его называли Ху Бен-хо. (Фото автора)* [Корольков 1975: 128–129, вклейка].

Летчик Ху Бен-хо дожил до наших дней в следующем анекдоте:

Ли Си Цын! — Я!

Ван Ю Шин! — Я!

Ху Бен Хо! — (Молчание) — Ху Бен Хо! — (Молчание) — Губенко, твою мать! Сколько раз повторять, что мы во Вьетнаме!¹³⁸

Этот прием столь же удачно и в это же время был использован не только Корольковым: в дневниках известного журналиста Льва Огнева (псевдоним Л. Бронтмана) описывается такая же стратегия выбора псевдонима (сама запись относится к 1944 году, но содержит упоминание 1936–1938 годов):

Сразу по прилете я встретил генерал-лейтенанта Полинина Федора Петровича, командующего 6-ой воздушной армией. Когда-то, в 1936–38 году, я много сидел с ним и писал «записки китайского летчика» — он был в Китае, летал на Формозу, потопил японский авианосец в их главной реке (забыл ее название). Мы долго тогда думали, как подписать статью, и решили поставить подпись «генерал Фын-По» [Бронтман 2004].

¹³⁸ Тексты без источника представляют собой самозапись авторов статьи.

В 1938 году в издательстве детской литературы появляется книжка некоего Ф. Пушкарева «Китай. Рассказы» [Пушкарев 1938], в которой фигурируют «Записки китайского летчика». Что характерно, автор записок — конечно же, майор Лин Син.

И наконец, в 1965 году выходит книга, посвященная боевой деятельности летчика Г. А. Кулишенко в Китае [Тельман 1964]. Называлась она, что характерно, по тому же принципу, который использовался и в предыдущих «записках китайского летчика»: *И. Тельман. Кули-шеп, или Невыдуманная легенда. М., 1964.*

Таким образом, традиция переделывать русские фамилии в «китайские» в публицистике сложилась еще к концу 1930-х годов, а потом только была усилена событиями в Корее и во Вьетнаме. Сюжет невероятно популярной фольклорной песни «Фантом» построен на том, что американского бомбардировщика в небе над Вьетнамом сбивает некий ас, о котором вьетнамцы сообщают пленному, что *сбил тебя наш летчик Ли Си-Цын*. Самые ранние ее известные записи относятся к концу 1960-х годов, т. е. ровно к началу Вьетнамской войны:

Утром на допросе я спросил:

«Кто такой, который меня сбил?»

И ответил мне раскосый,
тот который вел допросы...

Ли Си Цин Володя это был.

[Николаев 2013: текст А1]

Этот вариант пели в 1968 году в Суворовском училище в Москве [Николаев 2013: 45]. Интересно, что в более поздних вариантах, например нижеследующем (начало 1970-х годов, песня исполнялась в дворовой компании), появляется новая строфа (отсутствующая ранее), посвященная рефлексиям сбитого американского летчика по поводу идентичности «вьетнамского аса», которая позже вошла в состав канонического варианта «Фантома»¹³⁹:

¹³⁹ Песня была настолько популярна, что в 1980-е годы ее начали исполнять со сцены разные группы, вплоть до группы «Чиж». Здесь

«Кто тот смелый летчик, что нас сбил?» —
Первым на допросе я спросил.
И ответил черт раскосый, что командовал допросом:
«Сбил тебя наш летчик Ле Ван Син».
Врет раскосый, вижу я, а зря,
в гермошлеме ясно слышал я:
«Коля, бей, я хвост прикрою,
вместе мы “Фантом” накроем»
эти парни желтым не чета.

[Николаев 2013: текст А5]

Таким образом, в песне практически буквально воспроизводится история о советских летчиках с вымышленными «китайскими именами», рассказанная выше. Этот же сюжет в анекдоте отразился следующим образом:

В воздушном бою с вьетнамскими летчиками сбит американский самолет. После плена и долгих скитаний пилот возвращается в Америку и рассказывает, как было дело: «Вижу я, что в хвост мне вьетнамский истребитель заходит, и слышу по радиоперехвату: “Вася, прикрой, я х*йну!”. Вот этот Х*й Ну меня и сбил...» [Николаев 2013: 86].

Если мы из 70-х вернемся в 30-е годы, то, подытоживая сказанное, стоит только отметить, что китайские «имена-имитаторы» начали развиваться по двум совершенно разным моделям:

- первая (возможно, закрепившаяся в традиции не без усилий со стороны Королькова, точнее Фын Ю-Ко, и других «китайских летчиков») предлагала «расчленить» существующую и, главное, легко угадываемую русскую фамилию на слоги примерно такой структуры: CV(C)-CV-CV(C);

- вторая (зафиксированная в «Зойкиной квартире» Булгакова) составляет ту же конструкцию — CV(C)-CV-CV(C) — из некоторого словосочетания (*Сам Пью Чай*) или даже слова или имени другого этноса: *Я служил охранителем границ великого Императора Ель Циня* [Боровой 2005: 191].

мы приводим «дворовые» варианты, еще не испытавшие влияние канонизирующего эстрадного текста.

При развитии по второй модели желательно — и это выполняется для всех фольклорных текстов, — чтобы в этом словосочетании присутствовал слог -ху-¹⁴⁰:

Встречает Брежнева на аэродроме китайский представитель. Китаец у трапа, подавая руку:
— Жуй Х... — !?! — Жуй сам!
— А где же товарищ Брежнев?

Весьма редко в таких анекдотах появляются женские китайские имена: *Штирлиц трахнулся о косяк. Сяо-Косяк была лучшим агентом абвера на Востоке.*

Традиция эта продолжается до сих пор. 24 ноября 2007 года на сайте www.anekdot.ru появился следующий анекдот:

Сегодня на теннисном корте чемпион Берлина Макс Отто Штирлиц проиграл всухую. Китайский теннисист Всу Х... последнее время никому не проигрывает¹⁴¹.

¹⁴⁰ Ср., например, песню о хунвейбинах: *И хотя знаю отлично я, как они произносятся // Что-то весьма неприличное на язык ко мне просится (В. Высоцкий «Возле города Пекина»).*

¹⁴¹ Новые анекдоты — основной выпуск. 24 ноября 2005 года <<http://www.anekdot.ru/an/an0511/051124.html#6>>

Глава VII

ПТИЦА ОБЛОМИНГО НА ПРАЗДНИКЕ ОБЛОМАЙТИС

В этой небольшой главе мы посмотрим, как «имена-имитаторы» и «псевдоназвания», имитирующие экзотические названия (например, праздников или животных) функционируют в речи, образуя устойчивые клише, близкие к паремиям, другими словами, рассмотрим прагматику использования таких псевдоэтнических номинаций.

«К ВАМ ПРИЛЕТЕЛА ПТИЦА ОБЛОМИНГО»

Кот Матроскин: *Ну и что это? Что это за народное творчество?*

Пес Шарик: *Эээ... Это индейская национальная народная изба. Фиг-вам называется.*

Кот Матроскин: *Мы его, можно сказать, на помойке нашли, отмыли отчистили от очисток! А он нам фигвам рисует! Эх, лучше б дядя Фёдор вместо тебя черепаху завёл!*

Эти замечательные реплики из широко известного мультфильма «Зима в Простоквашино» (1984 год) породили (или сделали широко известной) следующую речевую практику: сказать *а вот тебе индейское жилище фигвам или национальная индейская изба фигвам* — вместо прямого отказа в просьбе [Елистратов 2002]. Название жилища индейцев *вигвам* оказывается фонетически тождественно выражению *фиг вам!*, и перед последним обязательно ставится указание на «индейское жилище», чтобы вызвать расподобление *фиг вам* и *ф(-в)игвам* и таким образом создать «пространство» для языковой игры.

Перед нами — сложный случай реализации эвфемизма в диалоге, когда говорящий хочет сообщить слушающему, что он не получит желаемого результата: *Ты <желая получить X> на самом деле не получишь X*. В русской речевой культуре существует достаточно строгий коммуникативный запрет напрямую сообщать слушающему неприятную ему информацию — отсутствие желаемого результата воспринимается как нанесение вреда. Даже когда мы вынуждены это делать, мы стараемся смягчить эффект — и вербальными (в частности, с использованием эвфемизмов), и невербальными (похлопать по плечу) средствами.

Однако если существует коммуникативный запрет, то будут возникать и речевые стратегии, позволяющие его обойти. Разберем несколько подобных стратегий. Конечно, существуют классические стратегии: *после дождичка в четверг; щас, только шнурки поглажу; а жареной луны не дать?* На формальном, поверхностном уровне говорящий выражает свое согласие выполнить просьбу, но сопровождение высказывания «формулой невозможного» сводит эффект на нет. Существует и другая стратегия, распространенная в детской субкультуре, где говорящий в ответ на просьбу показывает «рачков» или «креветок»: пальцами, приложенными к глазам, изображают «моргание креветок» и одновременно пейоративный жест — высказывание из вербального переходит в акциональное поле.

Но здесь мы рассмотрим только стратегии эвфемистического отказа, построенные на механизмах языковой игры с «именами-имитаторами» (см. главы VI и VII). Кроме уже обсужденного выше *а вот тебе индейское жилище фигвам*, довольно часто встречается клише: *грузинское вино «васн... бали»*, построенное в полном соответствии с грузинскими «именами-имитаторами». Однако больше всего конструкций, построенных вокруг глагола «обломать» и его жаргонного значения.

В «Словаре» Даля привычного нам значения у глагола «обломать» нет, в «Малом академическом словаре» зафиксиро-

ровано два переносных значения: 1. Заставить кого-л. вести себя определенным образом, подчинив себе его волю; 2. С трудом уговорить, убедить, заставить согласиться с чем-л. — но оба не совпадают с современным переносным значением глагола, ср. высказывание: *Ну зря, значит, губы раскатал. Придётся обломать мужчичку*¹⁴², где «обломать» значит ‘обмануть в ожиданиях’.

В начале 1990-х «обламывать» в значении «портить, срывать кому-то что-то» появляется в словарях современного жаргона [Файн, Лурье 1991: 134; Елистратов 1994: 285], ср. также обломов — *человек, постоянно обламывающий* [Файн, Лурье 1991: 134], ср. в словарях тюремной лексики облом — *неуспевшее желание, отказ* [Балдаев 1997: 285].

Две самые популярные конструкции подобного типа — это *наступил литовский праздник обломайтис*, где название «псевдопраздника» построено по модели, о которой идет речь в главе VI.

Другой, более популярный текст — *к вам прилетела птичка обломинго*¹⁴³ — лишен таких псевдоэтнических номинаций, а языковая игра весьма простая (фламинго ~ обломинго). Однако есть экстралингвистический фактор, способствующий успешности этого выражения. *Птица обломинго* приносит неудачу, в противоположность удаче, фортуне, которая очень часто представляется в виде птицы. Ср. «Синяя птица» Метерлинка, «Птица удачи» в песне Макаревича. Представления об удаче как о чем-то летающем, что можно поймать, вполне характерны для современной русской картины мира: кроме очевидных примеров (*поймать удачу за хвост*), можно вспомнить повсеместно распространенный студенческий обычай высунуть в полночь перед экзаменом руку с раскрытой зачеткой в окно со словами «Халява, ловись».

¹⁴² Национальный корпус русского языка, устный подкорпус.

¹⁴³ Существует и вариант «Улетела птичка обломинго», сленг хип-пиющих на Арбате в конце 1990-х годов (устное сообщение Марии Ахметовой, Москва).

Есть и другая птица — американская — в клише *в Америке водится такая птичка — «непизди» называется*, где видовая принадлежность птицы слабо ассоциируется со структурой видовых названий птиц (*непизди* ~ колибри). Мои респонденты сообщили еще несколько клише, построенных на обычных «именах-имитаторах», среди которых — *пришел Юргис Обломайтис*¹⁴⁴; *товарищ Обломченко*; *хочешь прочесть роман «Облом»?*

И наконец, существует другой тип игровой конструкции, где говорящий, отвлекая внимание, на поверхностном уровне сообщает нейтральную информацию: *Ваша фамилия такая-то*. Языковая игра строится на том, что названная фамилия содержит слово или часть слова, пересекающееся по смыслу со словом, завершающим фразу, что и создает би-социацию:

*Мы в детстве говорили: твоя фамилия Веточкин. Обломись!*¹⁴⁵

Ваша фамилия Мухин, вы в пролёте [Мокиенко, Никитина 2007].

Таблица 5. Частота популярности выражений, содержащих эвфемизмы отказа, построенные на языковой игре. (Поиск по блогам и форумам Yandex'a за последний год)

Выражение	«Yandex» 1 ноября 2013 — 1 ноября 2014
[Птица] обломинго	803
[Индийское жилище] фигвам	170
[Праздник] обломайтис	103
[грузинское вино] «васн...бали»	83
[Фамилия] Мухин. Вы в пролете	5
[Фамилия] Веточкин. Обломись!	2

Перед нами — прагматическая сторона такого явления, как «имена-имитаторы». Прием образования «имен-имита-

¹⁴⁴ Устное сообщение Анны Марголис, Москва.

¹⁴⁵ Устное сообщение Марины Бохонной, Томск.

торов» не существовал бы совсем или был бы малопродуктивен, если бы он не «обслуживал» подобные конструкции. Это еще одно средство создания экспрессивности в устной речи.

Говорящий, используя подобные конструкции, использует речевую маску, перенося игровым образом вину на некие экзотические внешние силы — птицу Обломинго,

«Я в этом не копенгаген»

«Кюхельбекерно и тошно». *Черчилли, черчилли, и никаких рузвельтатов* — так говорили в 1940–1950-е годы¹⁴⁶, намекая на стереотип о медлительности союзников и оттягивания открытия второго фронта. Сергей Карцевский в 1922–1923 годах фиксировал предикативную конструкцию *Семашка ползет*, а также глагол *сбончить*, производный от имени от имени Бонч-Бруевича [Карцевский 2001: 239–240], и конечно, почти два века назад Пушкин использовал конструкцию «и кюхельбекерно, и тошно». Речь идет о переходе имени собственного в иную часть речи [Земская 2007]. Эта традиция существует и сейчас: *с радостью бы чего Вам посоветовала, но «не копенгаген» совсем*, — сообщалось в 2005 году на форуме «Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье». В словаре 1994 года впервые зафиксировано слово «копенгаген» в значении «компетентный человек» с примером: *Ты пойдя у Шуры спроси, он копенгаген* [Елистратов 1994: 207].

«Запили Чайковским». *Композиторы пригласили на обед Музу. Стол был накрыт Скарлатти. Подали Мясковского с Хренниковым, запили Чайковским...* — говорили в музыкальной среде в 1940-е годы¹⁴⁷. Близкий к этому текст бытовал в фольклоре московских школ 1980-х годов:

Композитор Шостакович проснулся, протер Глазунова, расчесал Бородина, погладил Лысенко и сел завтракать. Поел Мясковского с Хренниковым и запил Чайковским с Бизе. Вдруг он почувствовал себя Паганини, его начало Пуччини. Одев Шуберта и Шаляпина, он вышел на Дворжек и присел возле Мусоргского. Раздался Бах с Шуманом, и образовалась Могучая Кучка. Сорвав Листа, покрытого Россини, он вытер Шопена и посыпал Гуно Глинкой.

Примеры этого типа не являются в строгом смысле «именами-имитаторами», хотя в создании комического эффекта задействованы как раз имена — но они подставляются во фразы, где бисоциация возникает благодаря сильному эффекту семантического и синтаксического ожидания при выборе возможной валентности у глагола¹⁴⁸. Так, например, в русском разговорном узусе есть идиомы *дать дуба* ('умереть'), *закрутить гайки* ('ужесточить условия'), которые используются в следующем анекдоте:

Когда Новотный дал Дубчека, в Чехословакии настала Свобода, но Советы сделали ей Вилек, закрутили Гаек, и жизнь в стране превратилась в Черник.

Муза взяла Глинку, слепила Дунаевского и получилось Гуно...

Здесь мы имеем дело с ложным заполнением глагольных валентностей. Юмористическое впечатление будет усиливаться, если соединить несколько таких конструкций в синтаксической и тематической последовательности, при этом некоторые из них уже не представляют собой переделку идиом: например, *жизнь превратилась в Черник*. Ассоциация, которая возникает у слушателя такого анекдота, очевидна, например, — *в жизни настала «черная полоса»*, но нет конкретной идиомы, которая могла бы послужить основой для такой переработки.

¹⁴⁶ Устное сообщение В.Г. Смолицкого.

¹⁴⁷ Устное сообщение В.Г. Смолицкого, этот анекдот он слышал в 1943 году от Мстислава Ростроповича.

¹⁴⁸ Как раз текст *Черчилли, черчилли, и никаких рузвельтатов* отличается от анализируемых ниже тем, что внутри имени есть фонетические изменения.

Глава IX

От чукчи к Чебурашке

Илья Муромец, обращаясь
к Идолищу поганому:
«Ах, ты, чурка неотесанная!»
[Миллер 1900].

Анекдоты о глупцах-соседях, живущих где-то на периферии, популярны в каждой культуре — от Полинезии до Ньюфаундленда [Davies 1984].

Мне известны только две работы, в которых сделана попытка объяснить причины популярности в русской культуре анекдотического цикла о чукчах — статья Е. Г. Рабинович [Рабинович 1987] и статья Сета Грэхема [Грэхем 2006, в печати], но в них идет речь скорее о причинах культурологического характера. На факт, что чукчи представлены дураками в русской анекдотической традиции (что на поверку оказывается не таким уж и элементарным), возможно, оказала влияние именно «семантика фонетики». Этноним «чукчи» по причинам, о которых пойдет речь в этой главе, оказывается в группе пейоративных/экспрессивных псевдоэтнонимов. В общих чертах про это уже упоминали Е. Драйцер, Е.Л. Березович, С. Грэхэм¹⁴⁹.

Слов на «чу-» в русском языке не очень много (89 вхождений по «Толковому словарю» Ожегова, в котором всего 80 тыс. слов), правда, некоторые из них образуют большие семантические гнезда (например, *чудо*). Но в этой работе

¹⁴⁹ «Самая прямая, “органическая” причина — фонетическая. Исследователи не раз замечали комичность, свойственную слову “чукча”, имеющему не только аллитерацию, но и “смешные фонемы”: горланную взрывную согласную /к/ и аффрикату /ч/» [Грэхэм 2006], так же см. [Draitser 1998: 114].

будут рассмотрены только те случаи, когда экспрессивные слова на «чу-» относятся к человеку, а именно:

- реальные этнонимы на «чу-» (*чуваши*) в ситуации, когда они используются в качестве инвектив (*чудь*);
- ситуация, обратная вышеприведенной, когда слова, изначально инвективами не являющиеся (*чурка* — дерево, *чурек* — хлеб, *чушка* — свинья, *чупа* — залив), становятся таковыми и обозначают определенную этническую группу;
- другие диалектные бранные слова на «чу-», обозначающие человека;
- прибавление приставки «чу-» к ряду слов для выражения экспрессивности действия или состояния.

РЕАЛЬНЫЕ ЭТНОНИМЫ И ПЕЙОРАТИВНЫЕ ПСЕВДОЭТНОНИМЫ

Слово «чукча» собственно является русификацией «чавчужен» («коленные люди»). Кроме него мы знаем по крайней мере два этнонима на «чу-»:

Чуваши. Этноним для обозначения тюркского народа встречается с XVI века в русских источниках [Фасмер].

Чудь. Обозначение вепсов, карел. «*Добрыня чудь покори*» [Кирша Данилов 1977]. Представления о чуди закрепились в русском фольклоре в виде преданий (предположительно первая фиксация таких преданий была осуществлена в 1856 году. С.В. Максимовым), где чудь выступает как мифологический народ или потусторонние существа [Дранникова 2004].

Чухонец. Презрительное по отношению к финнам.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПСЕВДОЭТНОНИМЫ ИЗ ПОДЛИННЫХ ЭТНОНИМОВ

Уже в середине XIX века этноним *чуваши*, кроме обозначения реального народа, получил дополнительное значение «неопрятный человек» (тверск., пск., [Даль 1882, IV: 611]). При-

мерно с того же времени *чудь* кроме мифологического народа приобретает также значение «глупцы, недалекие люди, невежды»: *чухари, чухи, чучкари* [СО 3: 233, Березович 2001; Дранникова 2004: 74, 95], *чухан (Ах ты чухан позорный!)*¹⁵⁰, *Как у Прони Чухаря голова — тетеря* [Дранникова 2004: 75]; *чуха* — «нелепица» [Даль 1882, IV: 611]. Интересно, что в этот же ряд встраивается и слово *чупа* — узкий залив, во вторичном значении — глупцы (карелы) [Дранникова 2004: 109]. Жак Росси в своем «Справочнике по ГУЛАГу» указывает на то, что *чухной* пренебрежительно называли людей с Севера (1930–1950-е годы, [Росси, II: 451]). *Чухна* — *бестолковый дурень* [Даль 1882, IV: 611].

В настоящее время в Архангельской области зафиксировано употребление слов *чухарь, чуча, чучка* как синонимов к «чудь» [Булатов 1997: 59; также Дранникова 2004]. Здесь *чучка* выступает в роли пейоративного этнонима рядом с *чухарями* и *чудь* и совершенно в отрыве от значения подлинного этнонима «чукчи». Также Даль в своем словаре пишет: «*чуча, чудь или чучка* — *первобытный житель этих мест, ныне бранно*» [Даль 1882, IV: 616]. Соответственно, уже в середине XIX века *чучка*, как и *чудь*, имели отчетливый пейоративный оттенок. Согласно Елистратову [1994: 554] в городском арго *чучка* — *странный, простоватый человек*.

ОБРАЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ ПСЕВДОЭТНОНИМОВ ИЗ СЛОВ, ИНВЕКТИВАМИ НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ

Чурка. Один из случаев образования этнической инвективы связан с метафорой, когда глупый человек сравнивается с деревом. Иногда мы говорим: «Ну и дуб!», имея в виду умственные качества субъекта разговора. *Чурка* — слово, изначально обозначающее часть дерева [Даль 1882, IV: 615] — приобрело и другую семантику: *чурак, чурка,*

чурбан — «дерево, глупый человек, внебрачный ребенок». Уже согласно словарю Ушакова 1940 года *чурбан* — дурак. См. *чурбаниться* — упрямитесь, упираться, ломаться.

В былине, записанной в 1899 году, Илья Муромец называет Идолище поганое «чуркой неотесанной» [Миллер 1900]. Чуркестан — любая среднеазиатская республика Советского Союза [Юрганов 1997: 246], также *чурка* — *недалекий советский человек, плохо говорящий по-русски* [Юрганов 1997: 246]. *Чурками* сейчас устойчиво называют выходцев из Азии.

Чушка. Видимо, заимствование из тюркских языков¹⁵¹. Прототюркск. **čöčka*¹⁵². 1) поросенок; 2) ребенок, мальчик; 3) свинья. См. татар. *čiçqa*, азерб. *čoşqa*, казах. *šoşqa*, башкир. *sosqa* и т.д. [Räsänen 1969: 113]. *Чух, чух!* — крик, которым подзывают свиней. *Подзывание свиней чуваш-чуваш, возм., навеяно созвучиями типа чух-чух, чуш-чуш* [Даль 1882, IV: 616]. В современном повсеместном значении *чушка* — «грязный человек». Но такое ругательство, пожалуй, сейчас не применяется по отношению к представителю иной этнической группы, в отличие от ситуации с *чуркой*.

Чурек. Изначально лепешка из тонкого теста [Даль 1882, IV: 615]. Заимствование из тюркских языков: турк., азерб. *čöräk* [Фасмер 1987, IV: 386]. Слово по крайней мере с 1970-х годов XX века стало обозначать выходцев из Азии, жителей южных республик бывшего Советского Союза (если не раньше, но более ранние фиксации не известны). То же самое — презрительное название *чебуреками* [Елистратов 1994: 542].

Чучмек. Не вполне понятно происхождение слова *чучмек*, хотя этим бранным словом называют все те же этнические группы — в 1930-е годы уже зафиксировано в «Справочнике по ГУЛАГу» [Росси 1991, Т. II: 450]. Возможно, это контаминация общетюркского *чучка* + *узбек*¹⁵³ — *чучмек*. Так или иначе, *-тәк* — продуктивный тюркский суффикс. В армии узбеков дразнили, зажимая угол формы — т.е. по-

¹⁵¹ За указание на это большое спасибо В.В. Напольских.

¹⁵² См. www.starling.ru

¹⁵³ Устное предположение В. В. Напольских.

¹⁵⁰ Записано от Н.В. Петрова, 1982 г.р., услышано в городской среде Архангельска.

казывали свиное ухо¹⁵⁴. *Капитан милиции подошел сначала к чеченцу... О, чучмек!* [Юрганов 1997: 247].

Чурбанбек¹⁵⁵. Презрительное название для все тех же этнических групп, видимо, образованное путем слияния известного нам *чурбан* (дерево, дурак) + *бек* (тюрк. «господин»). Так или иначе, здесь важно то, что компонент «бек» опознается всеми как что-то однозначно тюркское.

ДРУГИЕ СЛУЧАИ ИНВЕКТИВ НА «ЧУ-»¹⁵⁶ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧЕЛОВЕКУ

В списке ниже представлены слова на «чу-» из бранной лексики¹⁵⁷, не являющиеся этнонимами. Они отчетливо разделяются на две большие группы: инвариантное значение для первой — <грязный, неопрятный>, инвариантное значение для второй — <дурак> в значении не 'знающий норм поведения, т. е. невежливый, упрямый, нелепый'>.

Таблица 6. Слова на -чу из пейоративной лексики, не являющиеся этнонимами

<грязный, неопрятный человек>	<дурак в значении 'не знающий норм поведения', т.е. невежливый, упрямый, нелепый>
Чувырло — чудаковатый человек [Герд VI], неприятный человек [Елистратов 1994: 554]	Чувахлай — невежа, грубиян [Елистратов 1994: 554], неотесанный, невежа [Даль 1882, IV: 616]

¹⁵⁴ По сообщению от С.К. Белых, так дразнили в армии в 1980-х годах.

¹⁵⁵ Записано от С.К. Белых: так в армии в конце 80-х годов называли тюрков.

¹⁵⁶ В огромном семантическом гнезде слове «чудо» среди слов, производных от него, есть слова с экспрессивным значением: *чудый* — *юродливый* [Даль 1882, VI: 612] и множество других (см. [Березович 2001]).

¹⁵⁷ Есть собственно и глаголы на чу- со значением «ругать»: *чунуть* — ругать, срамить [Фасмер 1987, IV: 383]; *чужмарить* — таскать, бить, тверск., также гонять, бранить [Фасмер 1987, IV: 380].

Окончание табл. 6

<грязный, неопрятный человек>	<дурак в значении 'не знающий норм поведения', т.е. невежливый, упрямый, нелепый>
Чувырыка — неопрятный человек [Елистратов 1994: 554]; чуварыка — то же значение [Даль 1882, IV: 611].	Чуклан — дурак [Герд VI]. Чужман — баловник [Герд VI].
Чукуша — неаккуратный человек, неряха [Герд VI].	Чундоло — о том, кто нелепо ведет себя [Герд VI].
Чумак — замарашка. <i>Весь в дегте, в смоле, как чумак</i> [Даль 1882, IV: 614]; <i>а я ему говорю, чумак ты, дид</i> [Герд VI].	С чупором — проявляющий упрямство, капризный [Герд VI], см. Чупрыжиться — капризничать [Фасмер].
Чумбак — грязный, испачканный ребенок [Герд VI].	Чучело — в отношении человека, который ведет себя как-то странно (<i>Эх ты, чучело!</i>).
Чумичка — 1) поварешка; 2) замарашка [Даль 1882, IV: 614], 3) дура, идиотка [Елистратов 1994: 555].	
Чуня — грязнушка [Елистратов 1994: 555], чунька — грязнуля (по отношению к ребенку). Первое значение <i>чуня</i> — мягкая обувь [Даль 1882, IV: 615]. Возможно, здесь осуществлен такой же семантический переход, как если мы говорим про кого-то «Да ты просто валенок!».	
Чупаха — неряха, чупкать, чупахтать — пачкать <i>Раздолье чушке чупахтаться на помоях!</i> [Даль 1882, IV: 615].	
Чурилья — замарашка [Даль 1882, IV: 615].	
Чухан — униженный, неопрятный человек [Юрганов 1997: 246–247].	

Чу- + глагольная основа

Приставка *чу-* к некоторым глагольным основам выражает значение экспрессивности. См.:

Чумазый — грязный, сальный, нечистоплотный. От *чу-* и *мазать* (Фасмер 1987, IV: 382).

Чукарезнуть — ударить, выпить. Экспрессивное образование из *чу-, ка-* (част.) и *резать* (Фасмер 1987, IV: 380).

Чакрыжить (чекрыжить, чукрыжить) — обрезать, обкорнать. Возможно, связано с сербохорватском *крижати* и образовано с помощью приставки *че-* (Фасмер 1987, IV: 312). Если в приставке существует колебание *че/чу-*, тогда этот глагол может быть образован по той же модели, что и остальные, и имеет значение, например, «резко отрезать».

Видимо, так же организован глагол *отчебучить*: *от+чу+бучить*. Буча — шум, возня, крик многих голосов; ссора, драка.

Чубухнуть — бухнуться в ноги, *чубухать* — «бить челом до земли», межд. чубух!, чубых! «бац, плюх». От *чу-* и *бухать* (Фасмер 1987: IV: 376).

Чубарахнуть, чубурахнуть — бросить, опрокинуть с шумом, вылить. От *чу-* и *барахтать(ся)* (Фасмер 1987: IV: 376); упасть, опрокинуться с грохотом (Даль 1882, IV: 616); *чубурахтаться* — идти спотыкаясь, переваливаясь с боку на бок (Герд VI); *чубурыхнуться* — упасть (Герд VI).

От глагола *чебурахтаться* и происходит имя персонажа Эдуарда Успенского — *Чебурашка*.

Семантика приставки *че/чу-* со значением экспрессивности могла, в свою очередь, повлиять на процесс образования инвектив на *чу-*.

По материалу, представленному в табл. 7, видно, что инвектива, выражающая отношение к чужому (является ли он этническим чужим (группа А) или нет (группа В)), будет строиться по двум моделям: либо он грязен, неопрятен (тип I), либо он — дурак, и его поведение отклоняется от общепринятой нормы (тип II). В работе (Davies 1984) боль-

Таблица 7. Типы инвектив на *чу-* (по отношению к человеку)

Типы инвектив	I. Грязный человек	II. На знающий норм поведения, дурак
<i>А. Псевдоэтнонимы</i>	чуваш чумазый чушка	чухари, чухи, чучкари чухан чурка, чурбан, чурбанбек чучмек чурек чукча
<i>В. Бранная лексика без этнического оттенка</i>	чувырло чувырыка чукуша чумбак чумичка чуня, чунька чупаха, чупкать, чупахтать, чурилья чухан	чувахлай чуклан чумак чужман чундоло с чупором, чупрыжиться

шая глава «Dirty» посвящена образованию этнического стереотипа (чужая этническая группа всегда связана с грязью) у европейских народов. Видимо, это универсальный механизм.

Пока невозможно сказать, как схожий фонетический облик этих инвектив способствует семантике. Возможно, на это повлияла относительная редкость начального сочетания *чу-* в русском языке (89 слов из 80 000 по словарю Ожегова). Возможно, оказала влияние экспрессивность приставки *чу-*. Но так или иначе, а связь между началом слова с *чу-* и экспрессивной семантикой присутствует¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Не потому ли так запоминаются нам имена *Чук* и *Гек*, а также *Чингачук*?

Литература и источники

- Альянова 1998 — *Альянова Е.* Синдром безработного с успехом лечится // *Вечерняя Москва.* № 161. 20 июля 1998 г.
- Андреевский 1998 — *Андреевский Г.* Москва: 20–30 гг. М., 1998.
- Аноним 1925 — [Аноним]. Современный советский анекдот // *Воля России.* Прага. № 5.
- Архипова 2006 — *Архипова А.С.* Что общего между чукчей и чебурашкой? Эюд по фольклористической ономастике // *От... и до...* Юбилейный альманах в честь 60-летия Е.В. Душечкиной и А.Ф. Белоусова. СПб.: Бельведер, 2006. С. 77–86.
- Архипова 2007а — *Архипова А.С.* ВХОД и КОТ как анекдот: языковые игры в фольклоре 20-х годов XX века // *The case of avangarde: edited issue.* The Hague. 2007.
- Архипова 2007б — *Архипова А.С.* Штирлиц подвел итоги... Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // *Логический анализ языка.* М.: Индрик, 2007.
- Архипова 2011 — *Архипова А.С.* Пантофлевая почта — еврейский телеграф — сарафанное радио — агентство ОБС: Устный речевой жанр в поисках своего названия // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* М.: 2011. (Серия «Фольклористика»). № 9. С. 58–73.
- Архипова 2012 — *Архипова А.С.* Рога и копыта генералиссимуса: демонизация Сталина в советской и постсоветской традиции // *In Umbra: Демонология как семиотическая система.* Альманах. Вып. 1. Сост. О.Б. Христофорова и Д. Антонов. М.: РГГУ, 2012. С. 38–54.
- Архипова 2013 — *Архипова А.С.* Штирлиц шел по коридору: как мы придумываем анекдоты. М.: Издат. центр РГГУ, 2013.

Архипова, Иткин 2007 — *Архипова А.С., Иткин И.Б.* Легко ли выйти на Ружу: имена-имитаторы в текстах современного фольклора // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2 / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. С. 392–419 (Труды по филологии и истории).

Архипова, Мельниченко 2010 — *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, РГГУ, 2010.

Архипова, Неклюдов 2007 — *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор на асфальте // *Живая старина.* 2007. № 3. С. 2–3.

Архипова, Неклюдов 2009 — *Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // *Новое литературное обозрение. Независимый филологический журнал.* 2009. № 101. С. 84–108.

Архипова, Сомин, Шевелева 2014 — *Архипова А., Сомин А., Шевелева А.* Шершавым языком плаката: оппозиционный дискурс на протестных акциях // «Мы не немые»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов / Сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Tartu: Estonian Literature Museum, 2014. С. 125–147.

Астафьев 1996 — *Астафьев В.П.* Обертон // *Новый мир.* 1996. № 8.

Ахметова 2014 — *Ахметова М.В.* -Овцы vs. -чаны: языковая игра в полемике о названиях жителей Тамбова // *Антропологический форум.* 2015. № 24 (в печати).

Багрицкий 1964 — *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1964. («Библиотека поэта»).

Байкова 1931 — *Байкова Л.* Лирика Донбасса // *На литературном посту.* М., 1931.

Бахтин 1996 — *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М. Собр. соч.* М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Бахтин 2002 — *Бахтин В.С.* Рассказы красная. СПб., 2002.

Белов 1987 — *Белов В.И.* Привычное дело [Гл. 3. Союз земли и воды] // *В.И. Белов. Рассказы и повести.* М., 1987. С. 294–438.

Белова 2005 — *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005.

Бергман 2005 — *Бергман А.* Записки недочеловека. Рига, 2005. С. 48–49.

Березович 2001 — *Березович Е.Л.* О некоторых аспектах концепта *чуда* в языковой и фольклорной традиции Русского Севера // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей. М., 2001. С. 95–115.

Березович, Гулик 2002 — *Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / Отв. ред. Г.П. Нещименко. М., 2002. С. 232–253.

Болдырев 1998 — *Болдырев А.В.* Осадная записка. СПб., 1998.

Боровой 2005 — *Боровой К.* Владимир Владимирович.com. М., 2005.

Бронтман 2004 — *Бронтман Л.К.* Дневники 1932–1947 // Журнал «Самиздат», 2004. [Электронный ресурс:] Журнал «Самиздат». URL: [zhurnal.lib.ru/r/ryndin_s_ru]

Бронтман 2004 — *Бронтман Л.К.* Дневники 1932–1947. 2004. Опубликовано на сайте «Военная литература» <militera.lib.ru>.

Булатов 1997 — *Булатов В.Н.* Русский Север: Кн. I: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997.

Булгаков 1982 — *Булгаков М.А.* Зойкина квартира. Картина вторая // Современная драматургия. 1982, №2.

Бунимович 2000 — *Бунимович Е.* Полевой командир Рулон Обоев, или Записки на обрывках старых обоев // Новая газета. № 39, 17 августа 2000 г. <<http://NovayaGazeta.RU/pomer/2000/39n/n39n-s17.shtml>>

Былов 1931 — Былов Н.Н. Волчья тропа. Париж, 1931.

Веллер 2001 — *Веллер М.* Белый ослик // Октябрь, 2001, № 4.

Винокур 1923 — *Винокур Г.О.* Революционная фразеология // ЛЕФ. № 2. С. 117–139.

Винокур 1943 — *Винокур Г.О.* Маяковский — новатор языка. М., 1943.

Воеводская 2005 — *Воеводская А.И.* Четыре года жизни, четыре года молодости. СПб.: Туристический и культурный центр «Эклектика», 2005. 374 с.

Военная помощь 1975 — Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975.

Вознесенский 1984 — Вознесенский А. Иверский свет. [М.], 1984.

Войнович 1993 — *Войнович В.* Москва 2042 // Войнович В. Малое собрание сочинений. Т. 3. М., 1993.

Гаспаров 1993 — *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х — 1925 годов в комментариях: учеб. пособие для вузов. М., 1993.

Гаспаров 2000 — *Гаспаров М.Л.* Записки и выписки. М.: Изд-во «НЛО», 2000.

Герд 1994 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / под ред. А.С. Герда. Петрозаводск, 1994.

Гиппиус 1921 — Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус. Часть 2. Черная книжка. Серый Блок-нот // Русская мысль. Март–апрель. Журнал под ред. П. Струве. София, 1921.

Григорович 1942 — *Григорович М.* О.Д.С. // Новое слово. Берлин. 30.09.1942 (№ 78). С. 5.

Грэхем 2006 — *Грэхем С.* Анекдотический цикл о чукчах: откуда, однако? // Живая старина, 2007, № 4. С. 33–35.

Гусейнов 2003 — *Гусейнов Г.Ч.* Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М., 2003.

Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1882.

Деникин 2005 — *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 285.

Добровольский 1914 — *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дранникова 2004 — *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004.

Дудаков 1993 — *Дудаков С.Ю.* «История одного мифа»: очерки русской литературы XIX–XX вв. М.: Наука, 1993.

Евреи шутят 2000 — Евреи шутят. Еврейские анекдоты, острооты и афоризмы о евреях, собранные Леонидом Столовичем. СПб., 2000. С. 21.

Елистратов 1994 — *Елистратов В.С.* Словарь московского арга: материалы 1980–1994 гг. М., 1994.

Елистратов 1997 — *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М., 1997.

Ефименко 1869 — *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского статистического комитета за 1867–1868 гг. Кн. III. Архангельск, 1869.

За Новую Россию 1935 — За Новую Россию. 1935. [София] № 41. С. 1.

Заерко 2001 — *Заерко А.* Тюрьмы Беларуси: 1929–1935. М., 2001.

Зализняк 2012 — *Зализняк А.А.* Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650–664.

Зеленин — *Зеленин А.В.* Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 78–97.

Земская 2007 — *Земская Е.А.* Игровое словообразование // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 186–193.

Зубарев 1998 — *Зубарев Л.* Метаморфозы теории «хорового действия» Вячеслава Иванова после революции // Русская филология. 9. Сборник работ молодых филологов. Тарту, 1998. С. 140–148.

Известия 2006 — «Кавказская война» в Карелии // Известия, 9 апреля 2006 г.

Измайлов 1914 — *Измайлов А.* Плутарх российский, или Ридикюль остроумия // Измайлов А. Кривое зеркало: Пародии и шаржи / Обл. С. Чехонина. 4-е изд. СПб.: Шиповник, 1914. 240 с.

Ильф, Петров 2003 — *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев; Золотой теленок; Повести; Рассказы; Фельетоны. М.: Олма-Пресс, 2003.

Истомин 1888 — [Истомин Ф.М.] Предварительный отчет для собрания русских народн

итано на общем собрании И.Р.Г.О 3 декабря 1886 г. // Русского Географического общества. Т. 23. Вып. 1–6. 1887–1888 / Под ред. А.В. Григорьева. СПб., 1887–1888.

Карцевский 1923 (2001) — *Карцевский С.И.* Русский язык, война и революция // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М., 2001 [репринт 1923 г.].

КЕЭ — КЕЭ, том 7, кол. 306–326. Электронный ресурс: [<http://www.eleven.co.il/article/15440>]

Кирша Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., М., 1977.

Клемперер 1998 — *Клемперер В.* LTII. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М., 1998. С. 236.

Клубков 2003 — *Клубков П.А.* «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 645–665.

Колоницкий 1999 — *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция. СПб. 1999.

Колоницкий 2001 — *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб, 2001.

Колоницкий 2005 — *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) //

Вестник истории, литературы, искусства. Отд.-ние ист.-филол. наук РАН. М., 2005. С. 362–378.

Комелина 2014 — *Комелина Н.Г.* Христофор Зырянов и его последователи в Вятском крае: из истории конфессиональных стереотипов // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе. СПб., 2014. С. 147–177.

Коржавин 2004 — *Коржавин Н.* Поэма греха // Стихи и поэмы. М., 2004.

Корольков 1975 — *Корольков Ю.* Далекое не забытое. М., 1975.

Крепс 1986 — Крепс М. Техника комического у Зоценко. Venson, Vermont: Chalidze Publications, 1986. С. 15–21.

Криминальная хроника 2003 — Бандиты приятные во всех отношениях // Криминальная хроника, 6 октября 2003 г.

Кронгауз 2009 — *Кронгауз М.А.* Игровой механизм выбора вторичной номинации // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГУ, 2009. С. 111–112.

Крысин 1994 — *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2. С. 28–49.

Курганов 1990 — *Курганов Е.* «У нас была и есть устная литература...» // Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / сост. и прим. Е. Курганова и Н. Охотина. 1990. С. 3–4.

Кустов 2004 — *Кустов М.* Перед Коккинаки извинился сам Сталин // Исторический клуб. 25 июня 2004 г. № 111.

Лагин 2004 — *Лагин Л.* Старик Хоттабыч. М.: ЭКСМО, 2004.

Лазар 2003 — Лицом к лицу. Беседа с Берлом Лазаром // Радиостанция Свобода, 11 мая 2003 г.

Лингвисты 2000 — Лингвисты шутят... / сост. и ред. А.К. Киклевич. München: O. Sagner, 2000.

Лукомский 2001 — *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 56–85.

Любченко 2003 — *Любченко В.* Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов: анализ дневниковых

записей академика С. А. Ефремова // Тирош — труды по иудаике. Вып. 6. М., 2003. С. 175–188.

Максимов 1864 — *Максимов С.В.* Год на Севере. Ч. 1. Белое море и его Прибрежья. 2-е изд. СПб., 1864.

Маньков 2001 — *Маньков А.Г.* Дневники 30-х годов. СПб., 2001.

Миллер 1900 — *Миллер В.Ф.* Новые записи былин в Якутской области. СПб., 1900.

Минкина 2007 — *Минкина О.Ю.* «Разнеслись между нами разные слухи»: Политическая культура евреев Российской империи первой четверти XIX века // Архив еврейской истории. Т. 4. М., 2007.

Мокиенко, Никитина 2007 — *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Н.У. 1921 — Н.У. Слухи и сплетни // Красный набат. 1921. № 4. 12 января.

Недзельский 1924 — *Недзельский Е.* Народная поэзия в годы революции // Воля России. Прага, 1924. № 5, 6, 7.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С.Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Николаев 1985 — *Николаев М.И.* Детдом / Лит. запись В. Швейцер. New York, 1985.

Николаев 2013 — *Николаев И.А.* Песня «Фантом» в контексте эпохи холодной войны: магистерская диссертация по направлению подготовки 032700.68 «Филология», магистерская программа «Фольклористика и мифология». Защита состоялась 17 мая 2013 г.

Оберук 2006 — *Оберук А.* «Сарафанная почта» до хорошего врача доведет // Вечерний Северодвинск. 26.06.2006 (№ 7).

Огнев 1989 (1928) — *Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. М., 1989. [Переиздание 1928 г.]

Озаровская 2009 — Старины и сказки в записях О.Э. Озаровской. М., 2009.

Панченко 2009 — *Панченко В.Б.* Ладожские деревянные кресты: неопубликованные материалы Н.И. Репникова из фотоар-

хива ИИМК РАН // Староладожский сборник. Выпуск 7. СПб.: Нестор-История, 2009.

Пелевин 2002 — *Пелевин В.* Желтая стрела. М.: Вагриус, 2002.

Пенза 2003 — «Животные не отпускают меня на пенсию» // Аргументы и факты — Пенза. № 11 [279]. 12 марта 2003 г.

Петров 2014 — *Петров Н.В.* Флаг России: фоносемантические механизмы памяти и фольклорные тексты // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 166–191.

Пивоварчик 2005 — *Пивоварчик С.* Трагедии Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 71–83.

Подвысоцкий 2009 — *Подвысоцкий А.О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.

Потапов 1927 — *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников. М., 1927.

Пудовкина 2000 — *Пудовкина Е.* Родом из 30-х // Пчела. СПб., 2000. № 28–29.

Пушкарёв 1938 — *Пушкарёв Ф.* Китай. Рассказы. Л.: Детская литература, 1938. 96 с.

Рабинович 1989 — *Рабинович Е.Г.* Об одном из предположительных источников «чукотской серии» // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. 1989. С. 100–103.

РМ 1862 — Р.М. Сарафанная почта // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 8.

Росси 1991 — *Росси Ж.* 1991. Справочник по ГУЛАГу: в 2 т. М., 1991.

Рубинштейн 2005 — *Рубинштейн Лев.* При чем здесь чукча // Грани.Ру. 22 сентября 2005 г. <<http://grani.ru/Culture/essay/m.97473.html>>

Санников 2003 — *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры. М., 1999.

Сарнов 2002 — *Сарнов Б.* Наш советский новояз. М., 2002.

СБ II 2001 — Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. / РАН; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001.

СВ 1935 — Социалистический вестник. Paris, 1935. № 23.

Селищев 2003 (1928) — *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. М., 2003 [репринт издания 1928 г.].

СО 1964–1967 — Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964–67. Т. 1–3.

Соломон 1930 — *Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Т. 1. Париж, [1930].

Сомов 1996 — *Сомов В.П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996.

СРНГ 1997 — Словарь русских народных говоров. М., 1997. Т. 31.

СРНГ 2002 — Словарь русских народных говоров. М., 2002. Т. 36.

Стратен 1927 — *Стратен В.В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН / под ред. Ю. Соколова. Т. II–III. М., 1927.

Стрекоза 1883 — Стрекоза [журнал]. 1883. № 25.

Стругацкие 1987 — *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка для научных сотрудников младшего возраста. М., 1987.

Тельман 1964 — *Тельман И.* Кули-шеп, или Невыдуманная легенда. М., 1964.

Тенденции и прогнозы 2006 — Тенденции и прогнозы. Блогосфера: PR-среда XXI века? // Massmedia XXI век. № 1–2. 1 августа 2006 г.

Тепляков 2008 — *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2008.

Териков 2002 — *Териков Г.* Куплеты в цирке и на эстраде. М., 2002.

Толстой 1953 — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Художественная литература. Т. 53. М., 1953.

Турилов, Чернецов 2002 — *Турилов А.А., Чернецов А.В.* Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М.: Индрик, 2002.

Тэффи 1991 — *Тэффи [Н.А. Бучинская].* Древняя история // Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Москва, 1991.

Унбегаун 1995 — *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии / Под. ред. Б.А. Успенского. М., 1995.

Успенский 1971 — *Успенский Б.А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971. С. 481–500.

Успенский 2001 — *Успенский М.* Белый хрен в конопляном поле. М., 2001.

Файн, Лурье 1991 — *Файн А., Лурье В.* Все в кайф! СПб., 1991.

Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / пер. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1987.

Федорова 2006 — *Федорова Е.* И время ответит... (воспоминания). Книга II. Miami: Lesneys Hause, 2006.

Фесенко, Фесенко 1955 — *Фесенко А., Фесенко Т.* Русский язык при Советах. New York, 1955.

Фын Ю-Ко 1939 — *Фын Ю-Ко.* Записки китайских летчиков. М.: Воениздат, 1939. 64 с.

Хаеш 2005 — В прифронтовой Литве 1915 года. Рассказы евреев-очевидцев / публ., вступ. ст. и примеч. А.И. Хаеша // Архив еврейской истории. М., 2005. Т. II.

Цейтлин ХХХ — *Цейтлин Юрий.* Частушки. Исполнитель Афанасий Белов. 40-годы.

Цорнас 1027 — [Письмо Наума Цорнаса] «Наши партийные стали ругаться Жидом» // Источник. № 4. 1995. С. 92. [= РЦХИДНИ. Ф. 7. Оп. 85. Д. 77. Л. 13].

Черкесов 1910 — *Черкесов В.А. [свящ.].* Запросы христианской жизни. Настольная книга для пастыря церкви и православно-русской семьи [бесплатное приложение к журналу «Кормчий» за 1910 год]. М., 1910.

Чуковский 1966 — *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М., 1963.

Чуковский 1991 — *Чуковский К.И.* Дневник 1901–1929. М., 1991.

Шимырбаева 1998 — *Шимырбаева Г.* «Я когда-то ничего не умела...» // Казахстанская правда, № 77. Алматы, 20 апреля 1998 г.

Шкловский В. 1922 — *Шкловский Виктор.* К теории комического // Эпопея. № 3. Берлин, 1922. С. 57–67.

Шкловский, Вл. 1922 — *Шкловский Владимир.* Современный народный юмор // Летопись Дома литераторов. [М.], 1922.

Шпильрейн и др. 1928 — *Шпильрейн Н.И., Рейтынбарг Н., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца: опыт исследования словаря красноармейца московского гарнизона. М., 1928.

Штурман, Тиктин 1987 — Советский Союз в зеркале политического анекдота / сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим, 1987.

Шубина 2008 — *Шубина С.* Сарафанная почта для Иды // Красный Север. Вологодская областная газета. 6 апреля 2008 г.

Электронная еврейская энциклопедия — Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс] <http://www.eleven.co.il>

Энгельгардт 2009 — *Энгельгардт А.П.* Русский Север: Путевые записки. М.: ОГИ, 2009.

Юрганов 1997 — *Юрганов И., Юрганов Ф.* Словарь русского сленга. М., 1997.

Язык вражды 2002 — Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

Allan & Burridge 1991 — *Allan, Keith & Burridge, Kate*. Euphemism & dysphemism: Language used as a shield and weapon. New York: Oxford University Press, 1991.

Allan & Burridge 2006 — *Allan, Keith & Burridge, Kate*. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Arhipova & Alejandrez 2014 — *Alexandra Arhipova & Manolo Alejandrez*. "He-Who-Must-Be-Named": Taboos and the Substitutions of Fidel Castro's Name in Cuban Folklore // Liisi Laineste, ed. Essays in Honour of Arvo Krikmann. Tartu: Tartu Literary Museum, 2014. P. 291–304.

Astapova 2013 — *Astapova Anastasia*. De-Abbreviations: from Soviet Union to Contemporary Belarus // *Names*, 2013. Vol. 61 (3), P. 159–167.

Basseches 1952 — *Basseches Nikolaus*. Stalin. London, 1952.

Bauer, Gleicher 1953 — *Bauer R., Gleicher D*. Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // *The Public Opinion Quarterly*, Vol. 17, No. 3. 1953.

Beider 2008 — *Beider A*. A Dictionary of Jewish Surnames from the Russian Empire. Teaneck, NJ: Avotaynu, 2008. 1008 p.

Burridge 2006 — *Burridge Kate*. Taboo, Euphemism, and Political Correctness // *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2006, Vol. 14. P. 455–462.

Cala 1995 — *Cala A*. The Image of the Jew in Polish Folk Culture. Jerusalem, 1995.

Chamberlin 1935 — *Chamberlin William*. Soviet Taboos // *Foreign Affairs*, 1935. Vol. 13. № 3. P. 431–440.

Davies 1984 — *Davies C*. Ethnic Humor Round the World. Detroit. 1984.

Draitser 1998 — *Draitser E.A*. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Wayne State University Press, 1998.

Eisiminger 1978 — *Eisiminger Sterling*. Acronyms and Folk Etymology // *The Journal of American Folklore*. 1978. Vol. 91. № 359. P. 582–584.

Figs 1997 — Orlando Figs. The Russian Revolution of 1917 and Its Language in the Village // *Source: Russian Review*, Vol. 56. № 3 (Jul., 1997). P. 323–345.

Green & Devaney 1989 — *Green, Thomas & Devaney Lisa*. Linguistic Play in Autograph Book Inscriptions // *Western Folklore*. 1989. Vol. 48. P. 51–58.

Halliday 1968 — Halliday M. A. K. The Users and Uses of Language // Joshua A. Fishman (ed.) *Readings in the Sociology of Language*. 1968 [1964]. The Hague: Mouton, pp. 139–169.

Howe 1989 — Howe Nicholas. Rewriting Initialisms: Folk Derivations and Linguistic Riddles // *Journal of American Folklore*. 1989, Vol. 102, № 104. P. 171–182.

Humphrey 2005 — Humphrey Caroline. Dangerous Words: Taboos, Evasions, and Silence in Soviet Russia // *Forum for Anthropology and Culture*, 2005, Vol. 3. P. 374–396.

Jacobson 1920–1921 — Jacobson Roman. Vliv revoluce na rusky jazyk // *Nove Atheneum*. № 2. C. 110–114, 200–212, 250–255, 310–318. Praha, 1920–1921.

Johnson 1976 — Johnson R. Two Realms and a Joke: Bisociation Theories of Joking // *Semiotica*. 1976. Vol. 16. P. 195–221.

Kluge 1993 — Kluge F. *Etymologisches Wörter des Deutschen*. Berlin, 1993.

Krikmann 2004 — Krikmann Arvo, ed. *Netinalji Stalinist — Интернет-анекдоты о Сталине — Internet Humor about Stalin*. Tartu: Estonian Literature Museum, 2004.

Krzyżanowski 1970 — Krzyżanowski J. (red.). *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa, 1970. C. 816.

Lehikoinen 1990 — Lehikoinen Ritta. Словарь революции — революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика

в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Хельсинки, 1990 [Диссертация].

Lewis 1977 — Lewis B.E. Soviet taboo // *Soviet Studies*, 1977, Vol. 29, pp. 603–606.

Lyons 1940 — Lyons Eugene. Stalin. Czar of All the Russians. New York: J. P. Lippincott Company, 1940.

Räsänen 1969 — Räsänen, Martti. Versuch eines etymologisches. Wörterbuchs der Turksprachen (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, vol. 17, pars 1). Helsinki, 1969.

Sarv 1997 — Kadi Sarv. "I Want to Live in the Soviet Union Too". Childrens' Political Anecdotes as School Tradition' // *Journal of the Baltic Institute of Folklore*. Vol. 2, №. 1. P. 73–96.

Schlor 2005 — Schlor J. Das ich der Stadt: Debatten über Judentum und Urbanität, 1822–1938. Göttingen, 2005.

Swartz & Schiffman 1992 — Lawrence H. Schiffman, Michael D. Swartz. Hebrew And Aramaic Incantation Texts From The Cairo Genizah: Selected Texts From Taylor-Schechter Box K1. University of Sheffield: Sheffield Academic Press, 1992.

Verner 1994 — Verner Andrew. What is in name? Of Dog-killers, Jews and Rusputin // *Slavic Review* 53 (4). 1994.

Voolaid 2010 — Voolaid Piret. Humorous Interpretations of Abbreviations as a Socio-Cultural Phenomenon // *Folklore*. 2010. Vol. 46. P. 61–80. <<http://www.folklore.ee/folklore/vol>

О серии книг

«Традиция—текст—фольклор: типология и семиотика»

Серия книг «Традиция—текст—фольклор: типология и семиотика» издается в Российском государственном гуманитарном университете с 2001 г. В ней обсуждаются проблемы современной теоретической фольклористики, включая принципы строгого описания и систематизации устных текстов, рассматриваются фольклорно-мифологические традиции народов Западной и Восточной Европы, Сибири, Центральной Азии и других регионов, анализируются взаимосвязи устной и книжной культур, изучаются ранее табуированные области современного фольклора (постфольклора) и мифологии, а также различные формы парафольклорной письменности и «наивной литературы».

До 2004 г. серия подготавливалась фольклорным семинаром Института высших гуманитарных исследований РГГУ. С 2005 г. она выпускалась Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ, образованным на основе этого семинара.

В серии вышли следующие книги:

Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова (М.: РГГУ, 2001).

Сны и видения в народной культуре / Сост. О.Б. Христофорова (М.: РГГУ, 2002).

Структура волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал (М.: РГГУ, 2001).

Современный городской фольклор. Редаколл. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов (М.: РГГУ, 2003).

Кербелите Б. Типы литовской народной сказки. Структурно-семантическая классификация (М.: РГГУ, 2005).

Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова (М.: РГГУ, 2005).

Проблемы структурно-семантических указателей. Сост. А.В. Рафаева (М.: РГГУ, 2006).

Миф, символ, ритуал. Народы Сибири [Сборник статей в честь Е.С. Новик] / Сост. О.Б. Христофорова. Отв. ред. С.Ю. Неклюдов (М.: РГГУ, 2008).

Кирпичики: Культурная антропология и фольклористика сегодня. Сборник статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин (М.: РГГУ, 2008).

До и после литературы: тексты наивной словесности / Сост. А.П. Минаева. Отв. ред. Е.Е. Жигарина. М.: РГГУ, 2009).

Живая кукла / Сост. С.Ю. Неклюдов, Д.Н. Мамедова. Ред. Е.Е. Жигарина (М.: РГГУ, 2009).

Козьмин А.В. Сюжетный фонд сказок: структура и система (М.: РГГУ, 2009).

Слово устное и слово книжное / Сост. М.А. Гистер (М.: РГГУ, 2009).

Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике (М.: РГГУ, 2010).

Сваренный шаман, лживая рабыня и другие: 75 задач по фольклористике, антропологии, социолингвистике / Сост. А.С. Архипова. С. Бурлак, И.Б. Иткин, С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова (М.: РГГУ, 2010).

Пространство колдовства / Сост. О.Б. Христофорова (М.: РГГУ, 2010).

Числа в системе культуры / Сост. М.В. Ахметова (М.: РГГУ, 2012).

Архипова А.С. «Штирлиц шел по коридору...»: Как мы придумываем анекдоты (М.: РГГУ, 2013).

Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре / Сост. Е.Н. Дувакин, Ю.Н. Наумова (М.: РГГУ, 2013).

Христофорова О. Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции (М.: РГГУ, 2013).

Сваренный шаман, лживая рабыня и другие: 75 задач по фольклористике, антропологии, социолингвистике / Сост. А.С. Архипова. С. Бурлак, И.Б. Иткин, С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова. 2-е изд. (М.: РГГУ, 2013).

Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии: [Сб. статей] / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов (М.: РГГУ, 2014).

Рафаева А.Р. Компьютер — Слово — Фольклор (М.: РГГУ, 2014).

Возякова Н.В. Испанский традиционный романс: от фольклорной традиции до блокнота собирателя (М.: РГГУ, 2014).

Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник: 1917–1991. 2-е изд., испр. / Подгот. текста Н.Н. Рычковой (М.: РГГУ, 2014).

Александра Архипова

**РАДИО ОБС, ПТИЦА ОБЛОМИНГО
И ДРУГИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

*Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ*

Выпускающий редактор *Г.Г. Семенова*
Корректор *Н.Б. Вторушина*
Компьютерная верстка *А. Сильванович*
Оформление переплета *И.В. Шатина*

Подписано в печать 30.09.2014. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,1.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательство «ФОРУМ»:

101990, Москва—Центр, Колпачный пер., д. 9а,
тел./факс: (495) 625-32-07, 625-52-43;
e-mail: forum.knigi@gmail.com;
www.forum-books.ru

Отдел продаж издательства «ФОРУМ»:

101990, Москва—Центр, Колпачный пер., д. 9а,
тел./факс: (495) 625-32-07, 625-52-43;
e-mail: forum-ir@mail.ru, forum-knigi@mail.ru

Книги издательства «ФОРУМ» также можно приобрести:

Отдел продаж «ИНФРА-М»:
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в,
тел.: (495) 280-15-96
Отдел «Книга — почтой»:
e-mail: podpiska@infra-m.ru